

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

History and Archives

№ 1

Academic Journal

Moscow
2019

История и архивы

№ 1

Научный журнал

Москва
2019

История и архивы

Редакционная коллегия

А.Б. Безбородов, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), Т.И. Хорхордина, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), В.Н. Владимиров, д-р ист. н., проф. (Алтайский гос. ун-т), Е.И. Гололобов, д-р ист. н., доц. (Сургутский гос. пед. ун-т), С.В. Карпенко, канд. ист. н., проф. (РГГУ), Ш. Кечкемети, д-р филологии, проф. (Национальная Школа Хартий, Сорбонна, Франция), В.П. Козлов, д-р ист. н., член-корр. РАН, проф. (РГГУ), Г.Н. Ланской, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.П. Малышева, канд. ист. н., доц. (РГГУ), О.В. Павленко, канд. ист. н., проф. (РГГУ), С. Петкова, д-р ист. н., проф. (Софийский ун-т, Болгария), П. Пейков, канд. ист. н., доц. (Ун-т библиотекведения и информационных технологий, София, Болгария), А.С. Сенин, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С. Тэцуя, д-р ист. н., PhD, проф. (Ун-т Цукуба, Япония), Ю. Тонаи, PhD, доц. (Ун-т Хоккайдо, Саппоро, Япония), Г. Шрайер, PhD (Бундесархив, Потсдам, Германия)

Ответственные за выпуск: Л.А. Халилова, канд. филол. н., проф. (РГГУ), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

[От редактора]	9
----------------------	---

История и архивы

Е.Е. Юдин

Благосостояние семьи князей Белосельских-Белозерских в 1890–1917 гг.	11
--	----

Источниковедение, историография и методы исторического исследования

А.М. Лаврёнова

Гордость и предубеждение и «охранка»: политический сыск в современной российской историографии	30
---	----

Документоведение и архивоведение: история, теория, практика

М.Ф. Шумейко

Реализация информационной функции белорусских архивов в 1920–1930-х гг.	48
---	----

Д.З. Фельдман

«Еврейская секция» при Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи: реконструкция и судьба архивного собрания	66
--	----

З.П. Иноземцева

Перестройка в комплектовании государственных архивов. Сущность, реализация, осмысление (Российская Федерация, 1960–1980-е гг.)	77
--	----

М.М. Картоев

Становление архивов и архивного дела Республики Ингушетия: от истории к современности	89
--	----

Г.Н. Ланской

Стандартизация доступа к архивным документам в России XX – начала XXI века: опыт, перспективы и проблемы развития	102
---	-----

М.М. Жукова

Организация хранения аудиовизуальных документов в архивах России на современном этапе	113
--	-----

Ю.И. Новосельская

Современный дискурс архивоведения научно-технических документов	123
--	-----

У книжной полки

Т.Г. Архипова

Новая монография А.Н. Медушевского: взгляд историка-государствоведа	135
--	-----

А.С. Минаков

Архивы – жизненно необходимое пространство для развития исторической науки. О сборнике статей: Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю.А. Петров. М.: Этерна, 2017. 1000 с.	143
---	-----

CONTENTS

[Editor's note]	9
-----------------------	---

History and Archives

E. Yudin

Wealth of the princes Beloselsky-Belozersky family in 1890–1917	11
--	----

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

A. Lavryonova

Pride and Prejudice and “okhranka”. Political police in contemporary Russian historiography	30
--	----

Records Management and Archives Administration. History, Theory, Procedures

M. Shumeiko

Exercising the information function of the Belarusian archives in 1920–1930s.	48
---	----

D. Feldman

The “Jewish Section” at state archives of the Feudal Era. Reconstruction and fate of the archival collection	66
---	----

Z. Inozemtseva

Reorganization in the State archives acquisition. Essence, realization, reflection (Russian Federation, 1960–1980)	77
---	----

M. Kartoev

Formation of archives and archival affairs of the Republic of Ingushetia. From history to the present	89
--	----

G. Lanskoj

Standardization of access to archival documents in Russia of 20 th – beginning of 21 st century. Experience, objectives and issues of development	102
---	-----

M. Zhukova

Organization of storage of audiovisual documents in the archives of Russia at the present stage	113
--	-----

Y. Novoselskaya

Contemporary discourse in archive management of scientific and technical documents	123
---	-----

Book Reviews

T. Arkhipova

New monograph by A. Medushevsky. The view of the historian and a state expert	135
--	-----

A. Minakov

Archives – a vital space for the development of historical science. About the collection of papers: The Role of Archives in Information Support of Historical Science. A collection of articles / E.A. Vorontsova (auth.-comp.); V.Yu. Afiani, Yu.A. Petrov (eds.). Moscow: Eterna, 2017. 1000 p.	143
--	-----

Уважаемые читатели!

Вы открыли страницы первого номера журнала «История и архивы» – нового научного издания Российского государственного гуманитарного университета.

Наш журнал доступен для разнообразных научных точек зрения и дискуссий, его международная редколлегия будет стремиться к тематической разносторонности публикаций, в которых найдут отражение анализ фактов, событий и процессов отечественной и мировой истории, фундаментальные и прикладные проблемы документоведения и архивоведения.

Достойное место в журнале займут теоретические и практические вопросы источниковедения и историографии. Особое внимание в журнале будет уделено исследованиям, основанным на введении в научный оборот и анализе не публиковавшихся ранее архивных документов – важнейших исторических источников.

Рост масштабов архивной системы и совершенствование археографических методов, усложнение и интенсификация документооборота, стремительное распространение новых технологий обработки, передачи и хранения информации заставляют по-новому взглянуть на природу документа и роль архивов в современном обществе. Процессы глобализации повысили интерес к национальным историко-культурным явлениям, отраженным в архивных документах. Системное осмысление и управление информационным обществом невозможно без достоверной, аутентичной, целостной и доступной источниковой базы. Междисциплинарный подход к корпусу взаимосвязанных генетически источников как исторических явлений, как феноменов культуры будет определяющим в публикуемых в журнале научных статьях. Документ, в том числе и архивный, коммуникативная функция которого заключается в его способности быть источником информации, предстает при этом отражением проблемных ситуаций и ценностных ориентиров и занимает особое место в жизни общества как самоценное явление, присущее человеческой мыследеятельности. Исследование актуальных проблем исторического архивоведения, архивной составляющей исследовательской работы в области истории и значимости документального наследия в системе культурных ценностей позволит проанализировать вопросы взаимодействия и гармонического сочетания результатов деятельности историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки.

Одна из целей журнала состоит в обобщении современного опыта использования в историческом исследовании хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. Историк не может провести плодотворных изысканий в области прошлого без опоры на целостный архивный фонд документов. Без методически поставленной и систематической работы над изучением его состава, происхождения и судеб архивных комплексов невозможно историческое изучение событий и явлений. Задача исследователя – научиться читать не только архивные документы, но и архивную «ткань», понимать исторический и культурный контекст, в котором они создавались, отбирались, описывались и сохранялись. Понимание своеобразия процесса поиска архивных документов делает возможным акцентировать внимание на эвристическом значении источниковедения, документоведения и архивоведения как единого целого в системе информационного обеспечения исторической науки.

Первый номер журнала «История и архивы» составляют исторические исследования, основанные на анализе неизвестных ранее архивных документов, научные статьи по проблемам теории, истории и современной практики документоведения и архивоведения, археографические исследования. Несомненно, привлекут внимание читателя и рубрики «Источниковедение, историография и методы исторического исследования», «У книжной полки».

Редколлегия заинтересована в создании междисциплинарной площадки, способствующей обеспечению высокого научного и профессионального уровня публикуемых статей и анализе инновационных подходов в области исторических исследований, специальных исторических дисциплин, архивоведения и документоведения.

Желаю журналу счастливой научной судьбы!

*А.Б. Безбородов,
главный редактор журнала «История и архивы»*

УДК 930.25(470)

Благосостояние семьи князей Белосельских-Белозерских в 1890–1917 гг.

Евгений Е. Юдин

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, evgeny_yudin@mail.ru*

Аннотация. В статье на основании некоторых малоизвестных документов из личного фонда князей Белосельских-Белозерских в Российском государственном архиве древних актов рассматривается проблема экономической адаптации крупных земельных собственников в условиях индустриальной модернизации России в 1890–1917 гг. Основу собственности этой аристократической семьи составлял огромный комплекс земельных владений в уральских губерниях. Эти несельскохозяйственные имения могли предоставить своим владельцам в новых экономических условиях прекрасные возможности по увеличению доходов и общего благосостояния. Главное внимание уделяется экономическим и финансовым решениям владельцев в отношении уральских промышленных предприятий и городской недвижимости. Рассматриваются также некоторые аспекты частной, повседневной жизни этой аристократической семьи, в том числе связанные с использованием обширных владений на Крестовском острове в Санкт-Петербурге. Делается вывод о крайне неоднозначных последствиях экономической политики князей Белосельских-Белозерских в рассматриваемый период. Отказ от самостоятельного управления и финансирования уральскими заводами привел, с одной стороны, к утрате земельной собственности, с другой же стороны способствовал переводу основных активов в банковские капиталы и ценные бумаги. Правительственная поддержка в 1880–1890 гг. горного округа Белосельских-Белозерских и, тем более, установление в дальнейшем опеки отнюдь не являлись благотворительностью. Финансовые неудачи в организации промышленного производства привели к вполне разумному решению о продаже уральских владений.

Ключевые слова: князья Белосельские-Белозерские, русская аристократия, земельная собственность, уральская промышленность, городская недвижимость, Крестовский остров

Wealth of the princes
Beloselsky-Belozersky family
in 1890–1917

Evgeny E. Yudin

*Moscow State University of Education,
Moscow, Russia, evgeny_yudin@mail.ru*

Abstract. In the article with reference to some little-known documents from the personal fund of the princes Beloselsky-Belozersky in the Russian State Archive of Ancient Acts, an issue of economic adaptation of large land-owners in the conditions of industrial modernization of Russia in 1890–1917 is considered. The basis of the property of this aristocratic family was a huge complex of land holdings in the Ural provinces. These non-agricultural estates could provide their owners in the new economic conditions with excellent opportunities to increase incomes and general well-being. The main attention is paid to the economic and financial decisions of the owners in relation to the Urals industrial enterprises and urban realty. Some aspects of the private, everyday life of this aristocratic family are also considered, including those connected with the use of extensive estates on Krestovsky island in St. Petersburg. The conclusion is made about the extremely ambiguous consequences of the economic policy of the princes Beloselsky-Belozersky in the period under review. The refusal of independent management and financing of the Ural factories led, on the one hand, to the loss of landed property, on the other hand, it facilitated the transfer of basic assets into bank capital and securities. Government support in the 1880–1890s of the mining district of Beloselsky-Belozersky, and, moreover, the establishment later on of guardianship were by no means a charity. Financial failures in the organization of industrial production led to a completely reasonable decision to sell the Ural possessions.

Keywords: princes Beloselsky-Belozersky, Russian aristocracy, landed property, industry in the Urals, urban realty, Krestovsky island

Введение

Доминик Ливен высказал в свое время предположение, что большинство уральских землевладельцев в начале XX в. все еще относилось к группе сверхбогатых людей в России. При этом большинство шахт и металлургических предприятий этого региона находилось в состоянии кризиса. Он обратил внимание, в частности, что огромные земельные владения и промышленные предприятия на Урале князей Белосельских-Белозерских (372 748 дес.) не только не давали больших прибылей, но и находились на грани банкротства, от которого владельцев спасла лишь помощь государства и доход от городской собственности в С.-Петербурге [1 с. 68–69]. Его выводы основывались исключительно на исследованиях советских историков, опубликованных в 1960–1980-е гг. В советской историографии крупные уральские собственники рассматривались как оплот «полукрепостнических пережитков» в промышленности, их предприятия в период 1890–1914 гг. определялись как экономически неэффективные и пораженные глубоким структурным кризисом. Как следствие, возможность поддержания высокого уровня благосостояния этой группы аристократов связывалась с прямой государственной поддержкой и консервацией их сословных привилегий. В то же время Д. Ливен высказал предположение, что если бы не революция, лишившая владельцев их уральской собственности, строительство железных дорог и развитие промышленности со временем восстановили бы стоимость крупных имений Урала, в Пермской и Уфимской губерниях. Но применительно к периоду 1900–1914 гг. он был солидарен с мнением, что большинство из уральских владений русской аристократии не представляло собой большой ценности для владельцев [1 с. 68–69].

Крупнейшие уральские землевладельцы

Действительно, оценить однозначно благосостояние и динамику доходов этих аристократических семей уральских землевладельцев (Строгановых, Демидовых, Шуваловых, Белосельских-Белозерских) достаточно трудно. С одной стороны, они обладали самыми обширными частными земельными владениями в России и значительными промышленными и сырьевыми фондами. С другой стороны – в рассматриваемый период 1890–1914 гг. относительно низкая стоимость земли в уральских губерниях, отсутствие по естественным причинам здесь сельскохозяйственных доходов

в сочетании со структурным кризисом частновладельческой промышленности в этом регионе должны были привести к резкому падению доходов этой группы аристократов. Возможности диверсификации хозяйства здесь были ограничены. Устаревшие промышленные комплексы уральских землевладельцев встретились с серьезной конкуренцией со стороны новой крупнокапиталистической промышленности и экономической экспансией крупных акционерных компаний и банков. В то же время, если исходить из экономических интересов этой группы русских аристократов, новые экономические условия давали и новые возможности укрепления своего благосостояния. Определившаяся со временем стратегия могла заключаться не только в серьезной перестройке собственного хозяйства (что требовало значительных долгосрочных инвестиций и личной инициативы), но и получения выгоды от акционирования собственных предприятий, продажи прав собственности и переориентацию на положение рантье. Вовсе необязательно подобная стратегия предполагала прямое государственное вмешательство.

Во многом также являются преувеличенными представления об упадке уральской промышленности в пореформенный период. Напротив, в 1861–1900 гг. доходность предприятий привела к ликвидации значительной части задолженности. В 1860 г. задолженность в сумме 12,4 млн руб. имели 13 округов, а в 1900 г. – только шесть предприятий в сумме 3,8 млн руб. К 1900 г. на Урале насчитывалось 32 горных округа. Новым владельцам (купцы, иностранные компании и пр.) принадлежало 19 хозяйств. Среди новых владельцев были и аристократы. В 1879 г. князь С.М. Голицын и французская финансовая группа арендовали Нытвинский округ. В 1890–1898 гг. барон С.П. фон Дервиз купил Инзеровский округ. В 1900 г. князь С.Е. Львов приобрел Пожевский округ. 13 хозяйств к 1900 г. принадлежало старым владельцам. Среди них была широко представлена титулованная аристократия: графиня С.П. Гендрикова и граф Н.П. Гудович, герцогиня Лейхтенбергская, баронесса В.А. Меллер-Закомельская, графы Орловы-Денисовы, князь С.М. Голицын. В единоличной собственности находились округа: Чермозский (князь Е.Х. Абамелек-Лазарев), Строгановский (граф С.А. Строганов), Симский (И.П. Балашов), Верхисетский (граф Н.А. Стенбок-Фермор), Лысьвенский (граф П.П. Шувалов), Воскресенский (В.А. Пашков), Южно-Камский (А.П. Шувалов) и, конечно же, огромные владения Демидовых, князей Сан-Донато [2 с. 42–45]. Князья Белосельские-Белозерские также принадлежали в начале XX в. к этой группе старых

уральских землевладельцев. Именно эти фамилии, как зачастую отмечается, составляли своеобразную социально-экономическую и социопсихологическую общность и привыкли действовать в малоконкурентном поле, при правительственной опеке и поддержке. Наследники этих родов к началу XX в., как полагает Л.В. Сапоговская, были настроены в новых экономических условиях бороться за сохранение своей собственности на Урале, которая веками приносила им стабильный доход. Помимо сугубо практических соображений, они руководствовались также особым отношением этического свойства к своим родовым владениям. Новые возможности индустриальной эпохи в свою очередь открывали перед ними доступ к прогрессивному опыту в технологической, организационной, финансовой и управленческой сферах [3 с. 19]. Экономическая стратегия князей Белосельских-Белозерских, как правило, рассматривается как неудачный пример адаптации в рамках «капиталистической модернизации» крупного уральского владения. Что в большей степени этому способствовало – профессиональная некомпетентность аристократических владельцев, сложность экономической конъюнктуры, частные ошибочные финансовые решения или роль случая – остается не до конца ясным.

Земельные владения, благосостояние и повседневная жизнь князей Белосельских-Белозерских

Эта знатнейшая фамилия потомков владетельных правителей и героя Куликовской битвы к началу XX в. была представлена князем Константином Эсперовичем Белосельским-Белозерским (1843–1920), генерал-майором, постоянным членом Главного управления Государственного коннозаводства, его женой княгиней Надеждой Дмитриевной (урожденной Скобелевой) (1847–1920) и их детьми: Сергеем (род. 1867), Эспером (род. 1871), Еленой (род. 1869), Ольгой (род. 1874) и Марией (род. 1883) [4 л. 1–5]. В 1894 г. старший сын поручик запаса князь Сергей Константинович Белосельский-Белозерский вступил в брак с американской гражданкой Сьюзен Таккер-Уиттиер (Susan Tucker-Whittier). Венчание состоялось в русской церкви Александра Невского в Париже [5 л. 1].

По данным за 1894 г. семья князей Белосельских-Белозерских обладала огромным состоянием, включавшим в себя два дома в Санкт-Петербурге и имения в разных губерниях (более 400 тыс.

дес.) [4 л. 5]. Первым владельцем горных заводов и земель на Урале стал еще князь Александр Михайлович Белосельский-Белозерский (1752–1809), получивший в качестве приданого за женой А.Г. Козицкой дачи Катавских заводов в Уфимской губернии. В 1880-х гг. его внук Константин Эсперович покупкой дачи Юрюзановского завода у генерала Сухозанета увеличил площадь своего имения до 363 344 дес. [6 с. 52]. Это владение было записано на имя княгини Надежды Дмитриевны Белосельской-Белозерской, и только по дарственной записи от 28 февраля 1901 г. оно формально перешло в собственность ее мужа [7 л. 8–9]. В том же 1901 г. княгиня Белосельская-Белозерская была утверждена в правах на наследство герцогини Зинаиды Дмитриевны Лейхтенбергской. В результате к семье Белосельских-Белозерских перешли земли в нескольких уездах Тамбовской губернии общей площадью 8 322 дес. [8 л. 1–2]. По подсчетам Л.П. Минарик, тамбовские имения Надежды Дмитриевны Пашковское, Ивановка-Скобелевка и Алатырское насчитывали 9 400 дес. Также Белосельским-Белозерским принадлежало Льяловское имение в Московской губернии. Общая площадь земельных владений этой княжеской семьи составляла 372 748 дес. [6 с. 52]. Несложно заметить, что в своей основе эти владения были сконцентрированы в уральских губерниях. Это во многом объясняет, что в своей экономической политике Белосельские-Белозерские в большей степени ориентировались не на доходы от сельскохозяйственных имений, а на модернизацию своих промышленных предприятий на Урале. Вплоть до 1917 г. эта аристократическая семья продолжала вести привычную жизнь, при которой уровень личных расходов оставался на высоком уровне. Как отмечается в исследованиях, пышные балы, устройство концертов в своих дворцовых резиденциях, яхт-клуб и прочие увлечения князя Константина Эсперовича уже в 1870–1880-гг. пошатнули финансовое положение семьи. Это во многом и определило последовавшие попытки серьезной перестройки промышленного производства в уральских владениях. Значительных затрат требовало служебное положение членов семьи. Князь Константин Эсперович Белосельский-Белозерский с 1861 г. с перерывами находился на службе в лейб-гвардии Конном полку. В 1881–1895 гг. он числился флигель-адъютантом императора, в 1896–1906 гг. находился в свите императора, а с 1906 г. стал генерал-адъютантом. Его старший сын, князь Сергей Константинович также проходил службу с 1888 г. в лейб-гвардии Конном полку. В предвоенные годы он командовал 3-м драгунским Новороссийским полком и лейб-гвардии Уланским полком. В 1911 г. становится генерал-адъютантом императорской свиты, а в декабре 1913 г.

получает должность командира 1-й бригады 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии [9 с. 78–83]. Традиционно служба в гвардии, особенно в кавалерийских частях, требовала значительных расходов. В то же время до самой революции Белосельские-Белозерские без особых затруднений содержали роскошный дворцовый комплекс на Крестовском острове с большим штатом служащих. Даже в ноябре 1917 г., когда члены семьи уже переехали в Финляндию, во дворце оставался дворецкий и несколько слуг [10 с. 62]. По воспоминаниям князя Сергея Сергеевича Белосельского-Белозерского (род. в 1895 г.), в предвоенные годы повседневная жизнь в их доме на Крестовском острове по-прежнему состояла из представительных приемов, спортивных и иных развлечений. Гостями этой княжеской семьи были в основном офицеры гвардейских полков и представители иностранного дипломатического корпуса при российском дворе [10 с. 15–16]. В усадьбе была устроена площадка для игры в поло. На сохранившейся фотографии (1913 г.) можно видеть, например, следующих участников этих состязаний: австрийского военного атташе князя Гогенлоэ, 1-го секретаря британского посольства Фипса, 2-го секретаря британского посольства Хендерсона, великого князя Дмитрия Павловича, австрийского дипломата барона Экономо и других лиц [10 с. 19]. Князь Сергей Константинович Белосельский-Белозерский финансировал спортивный клуб «Спорт» в Петербурге. С 1898 г. он являлся членом Крестовского лаун-теннисного клуба, с 1902 г. – председателем Петербургской лиги футбола и хоккея на льду, а с 1905 г. – председателем Лиги хоккеистов С.-Петербурга. Крупные средства также тратились им на содержание скаковых конюшен. Его младший брат, князь Эспер Константинович, находившийся с 1892 по 1906 г. на морской службе, был известным яхтсменом. Он входил в олимпийскую сборную России и стал бронзовым призером V Олимпийских игр в Стокгольме в 1912 г. в парусном спорте в командной гонке на яхте «Галлия II» [9 с. 82–86]. Определенная часть личных расходов членов семьи традиционно направлялась на благотворительные цели. Княгиня Надежда Дмитриевна Белосельская-Белозерская, сестра знаменитого «белого генерала» М.Д. Скобелева, после смерти брата приняла участие в организации «Скобелевского общества» и возглавила его комитет. На ее личные средства были созданы два инвалидных дома. Один – на Крестовском острове, другой – в имении Троицкое Тамбовской губернии. Ее дочь, княгиня Ольга Константиновна Орлова (ее муж князь В.Н. Орлов, входивший в ближайшее окружение императора Николая II и возглавлявший военно-походную канцелярию, также обладал значительным состоянием) во время войны

1914 г. пожертвовала оборудование и деньги на содержание 30 коек в Царскосельском госпитале Красного Креста и дважды жертвовала значительные денежные суммы на содержание раненных в других госпиталях. Любопытно, что свой знаменитый портрет кисти В.А. Серова княгиня Орлова отказалась продавать и безвозмездно передала его в музей русской живописи имени Александра III, очевидно, в деньгах не нуждаясь. Жена князя Сергея Константиновича Белосельского-Белозерского Сюзанна Такер также в период войны принимала участие в содержании лазарета при храме «Спас на водах» [11 с. 90].

Развитие заводского хозяйства князей Белосельских-Белозерских на Урале

Подробное исследование уральского хозяйства князя К.Э. Белосельского-Белозерского уже предпринималось в историографии. Так, в частности, факт выдачи правительственных ссуд князю Белосельскому-Белозерскому специально рассматривался в свое время еще И.Ф. Гиндиным в качестве примера особой поддержки правительства уральских землевладельцев [12 с. 123–129]. Напротив, Ю.А. Буранов справедливо подчеркивал, что этот факт не был характерен. Более того, князь К.Э. Белосельский-Белозерский получил крупную правительственную ссуду, поскольку взял на себя обязательства (и выполнил их) по производству рельсов [2 с. 40–41]. В 1869 г. в результате раздела семейных владений с сестрами – княгиней Елизаветой Эсперовной Трубецкой и графиней Ольгой Эсперовной Шуваловой – князь Константин Эсперович стал единственным владельцем Усть-Катавского заводского округа [7 л. 8–9]. В 1870-е гг. он вложил в заводы около 0,5 млн руб. (в 1870 г. все его недвижимое имущество оценивалось в 4 млн руб. серебром), не проводя технического перевооружения цехов и фабрик, не меняя ассортимент продукции [13 с. 28]. В результате предприятия, которыми по доверенности руководили управляющие, оказались, как и многие другие горные округа частных владельцев, в тяжелом структурном кризисе. В последующие годы князь К.Э. Белосельский-Белозерский объединил два своих уральских владения – Катавский (200 512 дес.) и Юрезанский (166 705 дес.) округа – в единое хозяйство и стал инициатором создания Южно-Камского анонимного металлургического общества. В 1876 – 1879 гг. он получил ссуду от государства под залог металла, используя эти средства для оборотных средств и переоборудования заводов. В 1880 г. ему была выдана казначейская ссуда в 2,5 млн руб. В 1886–1887 гг. ссуда была

рассрочена на 20 лет при 6% годовых. В 1887 г. ссуда по указанию императора Александра III была отсрочена еще на 6 лет. В 1891 г. срок вновь был продлен до 1928 г. при 5% годовых. Поскольку князь К.Э. Белосельский-Белозерский задерживал выплату (хотя и внес около 1 млн руб.), долг его хозяйства достиг к 1891 г. 2 755 тыс. руб. И.Ф. Гиндин полагал, что в результате князь обновил производство, но доходы шли или на погашение ссуды, или на потребительские расходы [12 с. 123].

В 1890-е гг. князь Белосельский-Белозерский обратился к частному капиталу с целью привлечения средств для финансирования собственного хозяйства. Это была вполне разумная мера, к которой прибегали и другие крупные уральские собственники. На практике это могло осуществляться как за счет получения кредитов под залог собственности в коммерческих банках, так и в результате прямого привлечения акционерного капитала. К этому времени на предприятиях округа была уже проведена значительная модернизация. На Катав-Ивановском чугуноплавильном, железоделательном и рельсопрокатном заводе была увеличена высота доменных печей, установлены три аппарата Каупера, в дополнение к существующим двум бессемеровским конверторам пущена мартеновская печь, ликвидировано устаревшее пудлинговое производство, пущены мощные прокатные станы, закупленные в Бельгии [14 с. 417]. Князь К. Э. Белосельский-Белозерский заложил свой Катав-Ивановский округ в Нижегородско-Самарском банке за 2,8 млн руб. и Крестовский остров в Санкт-Петербурге в Петербургско-Тульском земельном банке за 0,85 млн руб. и, полностью рассчитавшись с государством (на что в отличие от И.Ф. Гиндина указывает Ю.А. Буранов), вступил в соглашение с бельгийскими финансистами. Устав «Южно-Уральского анонимного общества» – арендатора заводов князя К.Э. Белосельского-Белозерского был утвержден 10 декабря 1898 г., а окончательное соглашение было заключено в ноябре 1900 г. По условиям договора владелец передавал Южно-Уральскому обществу в аренду на 60 лет свой второй Катав-Ивановский округ с заводами при гарантии выплаты ему ежегодно 250 тыс. руб. арендной платы и с доплатой 30% от суммы чистой прибыли, получаемой сверх 300 тыс. руб. дохода. Все взносы по заложенным имениям должно было платить общество. Оборотный капитал на развитие дела планировалось при этом получить от реализации нового выпуска акций путем увеличения основного капитала до 14 млн франков (12 тыс. новых акций по 500 франков и на 2 млн франков облигаций). Проблема же заключалась при этом в том, что бельгийские финансисты в дальнейшем не оплатили выпуски акций. В результате Белосель-

ский-Белозерский был вынужден взять на себя новое обязательство на выпуск 5,5 тыс. акций на сумму 1 018 518 руб., сосредоточив в своих руках уже 10 тыс. акций. Остальные 7,5 тыс. акций и 2 тыс. облигаций не были реализованы. Оказавшись главным держателем акций общества, основной капитал которого составил 8 750 тыс. франков, Белосельский-Белозерский был вынужден его же и финансировать. Чтобы спасти начатое предприятие, он добился получения в июле 1900 г. у Государственного банка неуставной суммы в 1 млн руб. Ссуда эта была переведена Южно-Уральскому обществу под векселя князя [2 с. 96–98]. К этому времени Усть-Катавский завод был перепрофилирован в вагоностроительный. На нем был запущен рессорный цех с электрическими двигателями. Построен литейный цех с двумя вагранками и двумя электромоторами, установлена паровая машина мощностью в 600 л. с., гидравлические прессы, металлорежущие станки. На Катав-Ивановском заводе были перестроены доменные и мартеновские печи, расширено литейное производство. Началось изготовление осевых и рессорных стальных, вагонных колес и прочих принадлежностей для вагонов. В 1901 г. было произведено 762 товарных вагона, в 1903 г. – 1 320. Однако из-за отсутствия спроса на рельсы, резкого сокращения заказов на вагоны, слабого спроса на сортовое железо округ работал с убытком [14 с. 453].

Ю.А. Буранов, полемизируя с И.Ф. Гиндиным, отмечал, что неуспех предприятия князя К.Э. Белосельского-Белозерского заключался в отказе от финансирования предприятия бельгийским капиталом. Что же касается самого владельца, то «у него свободных средств для финансирования общества, видимо, не было». По мнению Ю.А. Буранова, «дело заключалось в том, что все уральские предприятия в изменившихся условиях пореформенного периода могли приносить крупный доход только при возрастании объема производства, что, естественно, требовало крупных затрат». В отношении отмечаемого И.Ф. Гиндиным какого-то особенного «потребительства» Белосельского-Белозерского Ю.А. Буранов обращает внимание как на то, что это было в целом типично для уральской аристократии, так и на то, что траты Абамаlek-Лазаревых, Строгановых и Демидовых, например, были еще значительнее. В итоге Ю.А. Буранов приходит к выводу, что уральские предприятия только тогда могли давать устойчивую прибыль, когда они основательно и постоянно финансировались. Финансирование же хозяйства князя К.Э. Белосельского-Белозерского со стороны государства и частных банков носило в целом ненадежный характер [2 с. 99]. В данном случае эта аристократическая семья столкнулась с общей проблемой для всех

частных уральских собственников. Модернизация предприятий и расширенное воспроизводство продукции в новых экономических условиях начала XX в. требовали постоянного увеличения инвестиций и более профессионального управления. Приход на Урал крупного акционерного и банковского капиталов был вопросом только времени. Для нескольких аристократических семей, имевших крупные владения в этом регионе, это было во многом выходом из сложной финансовой ситуации. Утрата прав собственности на промышленные предприятия и даже собственнo земельные владения могла быть компенсирована получением значительных капиталов в ценных бумагах или денежной форме.

В 1903 г., после полного финансового краха своего предприятия, князь К.Э. Белосельский-Белозерский лично попросил царя о создании «особого, вне общего порядка, опекунского управления» над своим имуществом. В журнале Комитета финансов от 3 февраля 1903 г. приведено признание уфимского губернатора о состоянии дел князя Белосельского-Белозерского: «Хозяйство на заводах князя Белосельского-Белозерского уже давно велось не вполне правильно в том смысле, что все свободные деньги постоянно требовались собственникам на личные расходы, и часто из-за этого настоятельнейшие потребности заводов по ремонту и улучшению постановки заводского дела не удовлетворялись; истребование же в Петербурге последних небольших оборотных средств завода, с трудом собранных одним из управляющих заводами в течение нескольких лет, побудило его оставить управление заводами» [15 с. 83–84]. Эта опека была организована. В том же году князь разорвал арендный договор с Южно-Уральским обществом. Используя благоприятные условия опеки, опираясь на прямую помощь Николая II, опекуны добились сохранения за князем земельных владений округа, но финансовой помощи для дальнейшего развития предприятия они не получили. В 1908 г. вполне перспективные в производственном отношении предприятия в Катав-Ивановском округе Белосельского были остановлены [2 с. 166–167]. При этом на Юрюзановском заводе все оборудование было полностью демонтировано, и значительная его часть распродана на металлолом [14 с. 453]. За князем остались лишь земельные владения. По воспоминаниям князя С.С. Белосельского-Белозерского, его отец, князь Сергей Константинович, к которому перешли вопросы управления обширными имениями семьи, в предвоенные годы достаточно часто посещал свои уральские владения [10 с. 23]. Расчеты его с иностранными компаниями по другой части горнозаводской собственности,

Южно-Уральскому обществу, затянулись до 1917 г. В итоге сохранить свою заводскую собственность на Урале Белосельский-Белозерский не смог, несмотря на проявленную активность, поддержку правительства, привлечение иностранных капиталов и сотрудничество с коммерческими банками. В то же время князь получил в итоге от продажи Катав-Ивановского округа несколько миллионов рублей, значительный пакет акций, а также счет в С.-Петербургском международном банке. Белосельский-Белозерский получил 4,8 млн руб. векселями, 52 тыс. акций объединенного общества, а на счету в С.-Петербургском международном банке за ним числилось 3,9 млн руб. [3 с. 23]. Еще в 1913 г. из опеки был изъят Крестовский остров, что свидетельствовало о постепенном восстановлении финансового положения княжеской семьи.

Как следует из записи в нотариальной книге по Уфимскому и Златоустовскому уездам за 1918 г., князь Константин Эсперович Белосельский-Белозерский с разрешения Министерства торговли и промышленности в декабре 1917 г. продал Акционерному обществу Белорецких железоделательных заводов Пашковых свои владения на Урале. Речь шла об имениях в Уфимском и Златоустовском уездах под названием «Юрюзань. Ивановский и Минский железоделательные горные заводы», доставшиеся князю Белосельскому-Белозерскому от жены княгини Надежды Дмитриевны по дарственной записи от 28 февраля 1901 г. Свободные от крестьянского надела земли насчитывали здесь 165 092 дес. К 1918 г. в этих имениях состояло 119 000 дес. Также речь шла об имении в Уфимском и Златоустовском уездах – «Катав-Ивановский и Усть-Катавский железоделательные горные заводы, доставшиеся князю Белосельскому-Белозерскому по раздельному акту с княгиней Еленой Павловной Кочубей, по первому браку Белосельской-Белозерской, княгиней Елизаветой Эсперовной Трубецкой и графиней Ольгой Эсперовной Шуваловой от 18 декабря 1869 г. В этом имении изначально было 204 195 дес. К 1918 г. после отчуждения части земли крестьянам оставалась 161 000 дес. Таким образом, в обоих владениях числилось около 280 000 дес. Они были проданы за 11 899 991 руб. Эти имения находились в залоге в Нижегородско-Самарском земельном банке. Общие ссуды под них определялись в 2 549 700 руб. и 500 000 руб. [7 л. 8–9]. Следовательно, вплоть до 1917 г., несмотря на крах своих промышленных начинаний, князь Белосельский-Белозерский сохранял в своих руках основной комплекс земельных владений и обладал значительными экономическими ресурсами. Общая сумма, полученная за счет продажи акционерным компаниям сначала промышленных предприятий, а потом земельных вла-

дений должна была достигать 20 млн. руб. Даже учитывая падение стоимости рубля к концу 1917 г., Белосельские-Белозерские смогли извлечь только из своего права собственности значительное денежное состояние.

Городские владения князей Белосельских-Белозерских

Право землевладения русской аристократии на рубеже XIX–XX вв. распространялось не только на имения, расположенные в сельской местности, но и на значительные территории в городах. При этом надо иметь в виду, что в собственности отдельных дворянских семей находились как, что вполне естественно, собственно городские резиденции, зачастую представлявшие собой великолепные дворцы, построенные еще в XVIII – первой трети XIX в., так и обычные городские строения, доходные дома, торговые лавки, территории городских усадеб и даже пустыри. В период ускорявшейся индустриальной модернизации, придавшей городам новые стимулы развития, городская собственность приобретала для аристократии важное и, прежде всего, экономическое значение. Тем не менее трудно в условиях настоящего состояния изученности этого вопроса однозначно судить о размерах городской собственности русской аристократии и о ее значении в поддержании экономического благосостояния. Значительные возможности давала городская собственность в С.-Петербурге и Москве, единственных российских агломерациях, входивших в первую мировую десятку самых населенных городов. Как отмечает Ева Берар, в первые годы XX в. С.-Петербург стремительно менял облик за счет расширения и уплотнения строительства. Это было признаком усиления городской буржуазии, обогатившейся в связи с индустриальным бумом, «освободившейся от оков феодального общества и жадно рвущейся к комфорту, престижу и европейскому признанию». Вкус же новоиспеченных банкиров и прежних купцов разделяют многие сановники, отстраивающие себе роскошные дома и особняки и инвестирующие в жилищное строительство. Так застраивается многоэтажными домами Каменноостровский проспект; их владельцы, среди которых предприниматели и сановники, нанимают именитых архитекторов [16 с. 193–194]. Описание некоторых из этих новых особняков, возведенных аристократией в Петербурге в предвоенные годы, можно встретить на страницах модного тогда журнала «Столица и усадьба». Роскошные новые постройки, включая домашний театр, были возведены в 1912–1914 гг. при особняке князя С.С. Абамелек-Лазар-

рева на Миллионной улице [17 с. 4–7]. Абсолютно новый дом был возведен для князя К.А. Горчакова на Б. Монетной улице около Каменноостровского проспекта [18 с. 5–14].

Князья Белосельские-Белозерские были крупнейшими аристократами-землевладельцами С.-Петербурга. Они владели роскошным дворцом на Фонтанке у Аничкова моста. Правда, в 1884-х гг. этот особняк был продан великому князю Сергею Александровичу, а князь К.Э. Белосельский-Белозерский переселился в свой летний дом на Крестовском острове [11 с. 100–101]. Он представлял собой 3-этажный усадебный дом в стиле барокко, украшенный портиком с застекленным балконом и колоннадой с парными кариатидами. Кроме жилого дома, здесь были хозяйственный корпус, прачечные, конюшня и дом архитектора А.И. Штакеншнейдера. Вокруг был разбит прекрасный парк и цветники, за которым следил целый штат садовников. Напротив дома, у Малой Невки, был устроен гранитный причал, который позволял пришвартовываться яхтам. По словам князя С.С. Белосельского-Белозерского, хотя Крестовский остров находился в городской черте Петербурга, члены семьи чувствовали себя скорее как в сельской усадьбе. Вокруг были обширный лес и открытые поля, удобные для игры в поло [10 с. 15]. В этот роскошный дом владельцы пригласили сотрудников «Столицы и усадьбы». Его подробное описание было опубликовано в одном из номеров журнала за 1917 г.: «Массивные стеклянные двери главного подъезда ведут в обширную переднюю, стены которой почти сплошь увешаны охотничьими трофеями... Из передней вход прямо в ротонду или семидверную комнату. Высокая, круглая, освещенная только верхним светом, она является центром дома. Семь дверей ведут из нее в разные апартаменты, расходящиеся по радиусам... Сверху спускается огромная стеклянная люстра, и тихий звон ее хрусталя усиливает таинственное впечатление. Первые из дверей налево ведут в обширную столовую, стены которой украшены портретами предков... Три массивные, чеканной работы люстры свешиваются над длинным обеденным столом, за который никогда не садится меньше десяти человек. В глубине, на великолепном, резном, из белого мрамора камине стоят бронзовые часы работы известного французского мастера Томира... Одна из семи дверей ротонды ведет в библиотеку, где на полках стоят тысячи больших и малых, преимущественно французских волюмов... Но самым ценным является огромное собрание старых гравюр, литографий и лубочных народных картин... Большая белая гостиная, украшенная тонкою лепною работою, с огромными окнами, выходящими в сад, откуда видна Малая Невка, полна удивительного по красоте фарфора, картин кисти известных

мастеров и старой мебели... Обращает на себя внимание две античные статуэтки, вывезенные из Италии. Это бронзовые – Венера и Вакх... Другая, так называемая малая гостиная, тоже похожа скорее на музейную залу, чем на гостиную в частном доме. Далее зимний сад... Из этих великолепных покоев ведет в верхний этаж крутая лестница... Здесь маленькие уютные комнатки напоминают скорее мансарды старых помещичьих домов.. Это половина гостеприимного хозяина дома, генерал-адъютанта князя Константина Эсперовича. Супруга его, княгиня Надежда Дмитриевна, рожд. Скобелева... Дочери княгини, Елена Константиновна Кочубей, супруга начальника главного управления уделов, и княгиня Ольга Константиновна Орлова» [19 с. 4–7]. Данное описание должно было сформировать у читателя представление не только об эстетических пристрастиях, но об определенном финансовом достатке этой аристократической семьи. На содержание подобных особняков требовались десятки тысяч рублей в год. Учитывая прочие расходные статьи аристократических семей, это предполагало ежегодный доход в несколько сотен тысяч рублей.

Сам Крестовский остров также являлся владением семьи Белосельских-Белозерских. В течение XIX в. Крестовский остров был главным центром спортивных и развлекательных мероприятий Петербурга и приносил свои владельцам огромную прибыль. К 1890 г. на Крестовском насчитывалось 1120 человек постоянного населения и 6000 проживающих в летний период. Между 1903 и 1908 гг. земельные участки, составлявшие менее одной десятой части площади острова, были проданы за 1,3–1,5 млн руб., а расширение границ С.-Петербурга предсказывало неуклонный и быстрый рост стоимости принадлежавшей кн. Белосельскому-Белозерскому собственности [20 с. 277]. В проекте запродажной, в частности, указывалось, что договор заключался между Высочайше учрежденным опекуном управлением над имуществом генерал-лейтенанта князя Константина Эсперовича Белосельского-Белозерского и Английским обществом с ограниченной ответственностью под фирмою «Русский трест» и «Финансовая компания». Условия этого соглашения были следующие. Опекунское управление продавало учредителям из принадлежащего князю К.Э. Белосельскому-Белозерскому в С.-Петербурге на Крестовском острове недвижимого имущества участок земли в 390 878 кв. саженей. Для осуществления покупки этого участка и его дальнейшей распродажи по частям «Русский трест» и «Финансовая компания» обязывались учредить в России Русское акционерное общество с основным капиталом в 5 млн руб. Продажная цена определялась в 5 млн руб., из которых 3 млн руб.

уплачивалось князю Белосельскому-Белозерскому вкладным билетом Русско-Английского банка, а 2 млн руб. акциями Общества. Для получения данного вкладного листа Общество закладывало лицу или учреждению по указанию Русско-Английского банка под первую закладную в сумме 3 млн руб. из 5% годовых на срок по соглашению с банком, но не менее чем на 10 лет. При получении такой закладной Русско-Английский банк должен был выдать вкладной лист, в котором должно быть указано, что банк принял от князя вклад в 3 млн руб. на 5-летний срок и обязуется уплатить князю по этому вкладу 5% в год. Вместе с данным вкладным листом князю должно было быть передано обязательство Русско-Английского банка в том, что последний, в случае желания князя, открывает ему под обеспечение данным вкладным листом онкольный счет в сумме не менее 2/3 нарицательной стоимости вкладного билета, т. е. в сумме не менее 2 млн руб. из процентов в размере не свыше 6 1/2 годовых. Также в случае желания князь Белосельский-Белозерский мог получить обратно из банка свой вклад 3 млн руб. полностью или частично, наличными деньгами, в любой момент до истечения 5-летнего срока. Часть земель Крестовского острова оставалась за князем, но Общество получало преимущественное право ее покупки в будущем. Проданная по этому акту земля представляла принадлежащую князю Белосельскому-Белозерскому собственность по состоянию на 6 сентября 1912 г. [7 л. 2–5].

Заключение

Судя по этому документу, князь К.Э. Белосельский-Белозерский стремился получить не столько сами деньги, сколько возможность получать гарантированный доход с банковских счетов и в виде дивидендов от ценных бумаг. В результате, принимая во внимание последующие переговоры владельцев с частными компаниями о продаже уральских владений, основное состояние семьи Белосельских-Белозерских должно было быть сосредоточено уже не в земельных владениях (в С.-Петербурге и в уральских губерниях), а в значительных денежных суммах на банковских счетах и в ценных бумагах. Однако этот процесс не был завершен полностью до 1917 г., и не случись революции, крупные земельные владения сохранялись бы в руках семьи князей Белосельских-Белозерских еще какое-то время. Правительственная поддержка в 1880–1890-е гг. горных округов и тем более установление в дальнейшем опеки отнюдь не являлись благотворительностью. Финансовые неудачи в орга-

низации промышленного производства привели к вполне разумному решению о продаже уральских владений. Но это не привело, разумеется, к разорению этой аристократической семьи. Напротив, продажные операции принесли Белосельским-Белозерским значительные дивиденды, хотя и ценой утраты права собственности на свои старинные земельные владения. Основу состояния теперь составляли банковские капиталы, ценные бумаги и высокодоходная городская недвижимость.

Литература

1. *Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб.: Академический проект, 2000. 364 с.
2. *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М.: Наука, 1982. 261 с.
3. *Сапоговская Л.В.* «Старые» владельцы уральских горнозаводских округов второй половины XIX – начала XX в.: опыт типологии хозяйствования // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 19–34.
4. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1480. Оп. 1. Ед. хр. 24.
5. РГАДА. Ф. 1480. Оп. 1. Ед. хр. 25.
6. *Минарик Л.П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. М.: Советская Россия, 1971. 143 с.
7. РГАДА. Ф. 1480. Оп. 1. Ед. хр. 168.
8. РГАДА. Ф. 1480. Оп. 1. Ед. хр. 68.
9. *Кутцов И.В.* Род князей Белосельских и Белосельских-Белозерских // Хронист. Историко-краеведческий сборник. Челябинск: Цицеро, 2016. С. 48–106.
10. *Memoires of Prince Serge Sergeevitch Belosselsky-Belozersky.* Paris, 1981. 115 p.
11. *Цельяйт М.П.* Дворец Белосельских-Белозерских. СПб.: Белое и черное, 1996. 160 с.
12. *Гиндин И.Ф.* Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические записки. 1968. № 82. С. 120–162.
13. *Золотова И.А.* Заводы Белосельских-Белозерских в пореформенный период // Троицкий вестник. 2008. № 3. С. 24–36.
14. *Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008. 884 с.
15. *Вяткин М.П.* Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.; Л.: Наука, 1965. 400 с.

16. *Берар Е.* Империя и город. Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге. 1894–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 344 с.
17. Столица и усадьба. Петроград. 1915. № 45.
18. Столица и усадьба. Петроград. 1916. № 62–63.
19. Столица и усадьба. Петроград. 1917. № 76.
20. *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1969. 394 с.

References

1. Lieven D. Aristocracy in Europe. 1815-1914. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt Publ.; 2000. 364 p. (In Russ.)
2. Buranov YuA. Equitization of the mining industry of the Urals (1861–1917). Moscow: Nauka Publ.; 1982. 261 p. (In Russ.)
3. Sapogovskaya LV. “Old” owners of the Ural mining districts in the second half of the 19 – early 20th century. Experience in the typology of management. *Voprosy istorii*. 2006;3:19-34. (In Russ.)
4. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fond 1480. Opis’ 1. Ed. khr. 24.
5. RGADA. Fond 1480. Opis’ 1. Ed. khr. 25.
6. Minarik LP. Economic characteristics of the largest landowners in Russia at the end of the 19 – early 20th centuries. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ.; 1971. 143 p. (In Russ.)
7. RGADA. Fond 1480. Opis’1. Ed. khr. 168.
8. RGADA. Fond 1480. Opis’1. Ed. khr. 68.
9. Kuptsov IV. The family of the princes Beloselsky and Beloselsky-Belozersky. V: Chronist. Historical and ethnographic collection. Chelyabinsk: Tsitsero Publ.; 2016. p. 48-106. (In Russ.)
10. Memoires of Prince Serge Sergeevitch Belosselsky-Belozersky. Paris, 1981. 115 p.
11. Celjadt MP. The Beloselsky-Belozersky Palace. Sankt-Peterburg: Beloe i chernoe Publ.; 1996. 160 p. (In Russ.)
12. Gindin IF. Government support of the Urals magnates in the second half of the 19th – early 20th. *Istoricheskie zapiski*. 1968;82:120-62. (In Russ.)
13. Zolotova IA. The Beloselsky-Belozersky factories in the post-Reform period. *Troitskii vestnik*. 2008;3:24-36. (In Russ.)
14. Alekseev VV., Gavrilov DV. Metallurgy of the Urals from ancient times to the present day. Moscow: Nauka Publ.; 2008. 884 p. (In Russ.)
15. Vyatkin MP. Mining and metallurgical Ural in 1900–1917 years. Moscow; Leningrad: Nauka Publ.; 1965. 400 p. (In Russ.)

16. Bérard E. Empire and the city. Nicholas II, “The World of Art” and the City Duma in St. Petersburg. 1894-1914. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2016. 344 p. (In Russ.)
17. Stolitsa i usad'ba. Petrograd. 1915. № 45. (In Russ.)
18. Stolitsa i usad'ba. Petrograd. 1916. № 62-63. (In Russ.)
19. Stolitsa i usad'ba. Petrograd. 1917. № 76. (In Russ.)
20. Anfimov AM. The large landlord economy of European Russia at the end of the 19th – early 20th centuries. Moscow: Nauka Publ.; 1969. 394 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Евгений Е. Юдин, кандидат исторических наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 119991, ул. М. Пироговская, д. 1; evgeny_yudin@mail.ru

Information about the author

Evgeny E. Yudin, Ph.D. in History, Moscow State University of Education, Moscow, Russia; bld. 1, M. Pirogovskaya st., Moscow, 119991, Russia; evgeny_yudin@mail.ru

Источниковедение, историография и методы исторического исследования

УДК 930

Гордость и предубеждение и «охранка»: политический сыск в современной русской историографии

Анна М. Лаврёнова

*Государственный архив Российской Федерации,
Москва, Россия, lavrunova@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются идеологизированные оценки места политической полиции в системе общественных отношений и государственных органов Российской империи конца XIX – начала XX в., а также некорректное употребление термина «провокация» как симптом некритического отбора источников в сложившейся историографии последних лет. Анализируется употребление данного термина на примере рассмотрения дела жандармского подполковника А.Д. Заварицкого в статье Д.А. Бутырина, а также дела И.П. Каляева в работах Р.С. Закирова. Отдельное внимание уделяется специфическому пониманию практики полицейской провокации командиром Отдельного корпуса жандармов В.Ф. Джунковским и отображению этого представления в статье Д.А. Гутнова. В статье приводятся прочие последствия некритического анализа источников эпохи, такие, как: неподтвержденные заявления о практике систематического физического воздействия, оказываемого жандармскими офицерами на подозреваемых в процессе допросов, с одной стороны, а также идеализация служебной карьеры жандармских офицеров-мемуаристов – с другой. Делается предположение о коллективном портрете конечного бенефициара необоснованного употребления термина «провокация» применительно к практикам отечественных спецслужб в начале XX в., а также о причинах распространения данного феномена в наши дни.

Ключевые слова: историография, политическая полиция, Российская империя, политический розыск, провокация, агентура

Pride and prejudice and “okhranka”. Political police in contemporary Russian historiography

Anna M. Lavryonova

*State Archive of the Russian Federation,
Moscow, Russia, lavryonova@mail.ru*

Abstract. The article analyzes ideological assessments of the place for political police in the system of public relations and state institutions in the Russian Empire of the late 19th and early 20th centuries, as well as the incorrect use of the term “provocation” as a symptom pointing to an uncritical selection of sources in the current historiography.

The use of this term is analyzed through the example of the gendarme lieutenant colonel A.D. Zavaritsky's case, presented in the article of D.A. Butyrin, as well as the IP. Kalyayev's case in the works by R.S. Zakirov. Special attention is paid to the specific understanding of the practice of police provocation by V.F. Dzhunkovskii the Independent Corps of Gendarmes commander and the reflection of that concept in the article by D.A. Gutnov. The article also presents other consequences of uncritical analysis of the sources of the epoch, such as: unconfirmed statements about the systematic physical coercion practiced by gendarmerie officers on suspects during interrogations, on the one hand, and idealization of the career of gendarme memoirists, on the other. The article makes the assumption of the collective portrait of the ultimate beneficiary of the unjustified use of the term “provocation” as applied to the practices of Russian special services in the early 20th century, as well as it names the reasons for the spread of this phenomenon today.

Keywords: historiography, political police, Russian empire, political search, provocation, agents

Введение

Идеологическая атмосфера России перед грозой 1917 года, бурная и политизированная, сделала невозможным полномасштабное проведение реформы полиции, равно как и взвешенное осмысление ее целей и задач. Подобие консенсуса, который существовал в среде

высших полицейских чиновников, неизменно разбивалось о критическое настроение членов Государственной Думы и общественную антипатию к институту полиции как таковому. Фактическим последствием этого стало то, что многолетний труд Комиссии под председательством сенатора А.А. Макарова увенчался лишь принятием ограниченной серии законов, касающихся общей полиции. «Гора родила мышь»: политическую полицию изменения практически не затронули. В дальнейшем новая революционная власть не предполагала возможности публичных дискуссий на тему определения места царской политической полиции в жизни общества и государства. Более того, на охранку черной тенью лег последующий печальный опыт карательных органов советской власти, и политическая полиция царской России в сознании современников оказалась накрепко увязана со своим идеологическим антиподом – спецслужбами революционной власти.

Практика показывает, что работы отечественных исследователей, затрагивающие полицейскую, и особенно жандармскую, тематику, нередко не выказывают должной идеологической беспристрастности, причем формально упрекнуть исследователей как будто не в чем. Так в чем же дело?

Идеологическая опрометчивость: Причины и симптоматика

По-видимому, всему виной два обстоятельства. Во-первых, многие продолжают судить о предмете политической полиции, привлекая терминологический инструментарий дореволюционных публицистов и общественных деятелей. А во-вторых, приводя в своих работах тезисы властителей дум царской России, авторы не уравнивают их документами, вышедшими из недр «карательного аппарата» самодержавия. Это ведет к тому, что результаты анализа, вместо того чтобы являть собой синтез нескольких точек зрения, подменяются наиболее удобной версией одной из сторон. Так, диспропорция в отборе анализируемых источников порой ведет к некритическому цитированию и некорректной интерпретации базовых понятий. Количественное преобладание прессы, воспоминаний революционеров и очерков оппозиционных публицистов ведет к качественному изменению оценки соответствующих феноменов.

Наиболее яркими маркерами данного явления служат неуместное использование термина «провокация» и своеобразная, сугубо

этическая, оценка охранных отделений и их оперативно-розыскной деятельности.

Термин «провокация», в словаре революционеров означающий всякое осведомительство в принципе, стал своеобразным символом и средоточием негативного отношения к органам политического сыска и окончательно закрепился в этом качестве благодаря газетной шумихе вокруг разоблачения Азефа, когда даже рядовому обывателю было преподано содержание данного феномена. Как ни странно, в аналогичном значении он и по сей день продолжает бытовать на страницах профессиональной исторической периодики.

Дело Заварицкого

Так, например, в статье Д.А. Бутырина о деле жандармского подполковника А.Д. Заварицкого [1], написанной преимущественно на материалах прессы, без привлечения следственных материалов и документов жандармского ведомства [2 Оп. 6. Д. 1741, 1617, 1208] [3 1-е Делопроизводство. 1905 г. Д. 518, ОО. 1898 г. Оп. 316. Д. 580 ч. 45., 7-е Делопроизводство. 1907 г. Оп. 204. Д. 9107], кажется, будто над оценкой автора возобладали известные оценочные суждения думских ораторов и журналистов начала XX в., а многие факты данного дела оказались изложенными неверно.

Так, например, появились на страницах статьи мифические «ротмистры» Будаговский и Бадилов, якобы подельники преступного подполковника. Примечательно, что в книгах «Общего состава управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов» значится лишь ротмистр А.И. Будагосский, не имеющий к этой истории решительно никакого отношения, а жандармского офицера Бадилова и вовсе не существовало в природе [4 с. 444]. Так кто же эти люди? В действительности крестьянин Илья Никонорович Буговский (он же Демьяненко) и сын коллежского регистратора Александр Зурабович Бадилов (он же Попов) являлись агентами Владивостокского охранного отделения, но жандармского мундира не носили. Эта, казалось бы, незначительная деталь со всей очевидностью демонстрирует уровень владения информацией газетчиками и депутатами. Насколько можно доверять сведениям их журналистских расследований, когда, по утверждению самого же Д.А. Бутырина, они в точности не знали даже фамилии своего основного обвиняемого, называя его то «Заварицким», то «Заварницким» [1 с. 57]? Более того, в газете «Вечер» указано, будто свои провокаторские «художества» Заварицкий явил во Владивостоке в 1905 г. [5],

[3 7-е Делопроизводство. 1907 г. Оп. 204. Д. 9107. Л. 49.], тогда как он вступил в должность начальника Владивостокского охранного отделения лишь летом 1907 г., а уже в ноябре 1908 г. был лишен всех прав и преимуществ и присужден к четырем годам каторжных работ [3 7-е Делопроизводство. 1907 г. Оп. 204. Д. 9107. Л. 50, 50 об., 55.]

Не касаясь обсуждения самих провокаторских деяний подполковника, следует все же обратить внимание на то обстоятельство, что люди, именуемые «невинными жертвами провокации», даже после разоблачения махинаций Заварицкого получили-таки наказания, пусть и не столь суровые [1 с. 72]. Ну а будь они простыми обывателями, были бы у них вообще шансы оказаться в «списке Заварицкого»?

Создается обманчивое впечатление, будто вслед за депутатом социал-демократом И.П. Покровским¹ автор готов считать провокацию «ключевым методом работы» охранки и «источником личного обогащения» служащих полиции [1 с. 72]. Впрочем, как видно из другой, более поздней, статьи Д.А. Бутырина [31], его собственный взгляд на политическую полицию вообще и «дело Заварицкого» в частности значительно отличается от цитируемых им мнений оппозиционных деятелей, однако в рассматриваемой статье авторская позиция оказывается едва ли различима на их фоне.

Поскольку в статье воспроизводятся традиционные для либеральной печати жалобы на то, что ключевые вопросы государственной политики были изъяты из ведения депутатов Государственной думы и тем приходилось заниматься лишь «законодательной вермишелью», впору задаться вопросом, а насколько народные избранники были готовы решать проблемы первостепенной важности? Крупнейший исследователь представительных учреждений К.А. Соловьев пишет, что думское законотворчество мало чем отличалось от «лучших» примеров законодательного «долгостроя» самодержавной России [6]. Одним из наглядных примеров того, как программа государственных преобразований, намеченных П.А. Столыпиным, уперлась в «стену» народного представительства, является история с упоминавшейся ранее реформой полиции, проект которой, одобренный Советом министров и доработанный по замечаниям, был отправлен на рассмотрение Государственной Думы в 1912 г., где его обсуждение затянулось на долгие годы [7 с. 391, 394]. Бутырин пишет, будто Столыпин рассчитывал обойти стороной вопрос о необходимости преобразования полицейского аппарата, и взялся за дело только под давлением думской оппозиции [1 с. 74]. Но на самом деле в лице премьера Столыпина ре-

¹ В 1914 г. арестован по обвинению в изнасиловании // Новое Время. 1 марта 1914 г.

форма полиции имела как раз своего главного вдохновителя и защитника, и не его вина, что с его смертью правящие круги охладели к его начинаниям.

Несовершенство полицейского аппарата империи автоматически не означает абсолютную правоту его критиков и отнюдь не свидетельствует о дремучем непрофессионализме его руководителей. Директор Департамента полиции М.И. Трусевич отнюдь не был ни сторонником аморальных провокаторских методов, ни идеалистом-белоручкой. Увольняя начальника Владивостокского охранного отделения Н.И. Губского, чьими стараниями дело Заварицкого сделалось достоянием разгневанной общественности, Трусевич телеграфировал ему:

Признаю Ваши действия безусловно бестактными, лишенными всякого понимания ведомственных интересов и доказывающими отсутствие в Вас какого-либо желания находить наиболее приличные выходы из осложнений. ...Обнаружив злоупотребления Заварицкого в деле, ведаемом Департаментом, Вы обязаны были прежде всего донести по телеграфу мне и ждать моих указаний, которые, несомненно, не могут быть направлены к прикрытию незаконий Заварицкого [3 ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 825 ч. 27. Л. 101].

Каляев: из убийц в агнцы

Еще более своеобразно и не к месту употребляется термин «провокация» в статьях Р.С. Закирова, посвященных делу эсера-террориста И.П. Каляева, убийцы великого князя Сергея Александровича [8]. Согласно версии автора, визит вдовы убитого великой княгини Елизаветы Федоровны в тюрьму к Каляеву был задуман и срежиссирован директором Департамента полиции А.А. Лопухиным и являлся частью плана по дискредитации террористов в глазах общества. По мнению Закирова, черствая и расчетливая великая княгиня намеренно посетила Каляева, дабы не допустить героизации террориста и, вручив ему образок, склонить к подаче прошения о помиловании, утвердив тем самым «торжество православия» в общем и создав себе привлекательную репутацию мученицы в частности. Проблема заключается в том, что эта любопытная, но весьма натянутая версия трагических событий февраля 1905 г., в сущности, повторяет выводы самого Каляева. Закиров основывает свою аргументацию на том утверждении, будто «сам факт участия директора Департамента полиции в организации какого-либо мероприятия заведомо пахнет провокацией» [8 с. 31]. Возможна ли была бы подобная трактовка, не разделяя автор предвзятого отношения соратников Каляева и их современников к Департаменту полиции?

А.А. Лопухин, которому Закиров приписывает авторство плана по умышленному очернению своего героя, являлся, без всяких преувеличений, наиболее либеральным и щепетильным в вопросах соблюдения законности, главой политической полиции. Следует ли напоминать, что в 1908 г. именно он из принципа раскрыл В.Л. Бурцеву подлинную роль Е.Ф. Азефа, за что чуть не заплатился каторгой? Следует ли принимать в расчет дальнейшие метаморфозы в судьбе великой княгини? Да и вообще, насколько возможна достоверная реконструкция ее психологического состояния после того, как она, осыпаясь насмешками зевак, выбирала фрагменты тела мужа из кучи окровавленного тряпья и обломков? Широко известно описание этого момента:

На месте казни лежала бесформенная куча... состоящая из мелких частей кареты, одежды и кусков мяса. Публика человек в 30 осматривала кучу и многие острили. ...В это время выскочила Елизавета Феод[оровна] ...и бросилась к бесформенной куче, запускала туда руки и вынимала отдельные части тела. Все стояли в шапках. Многие из присутствующих не могли не скрывать своего восторга, у многих вырывались замечания радости и удовлетворенности, княгиня это заметила, она в бессильной злобе и исступлении бросалась от одного к другому и кричала: «Как вам не стыдно, что вы здесь смотрите, уходите отсюда!» ...но ничто на толпу не подействовало, никто шапок не снимал и не уходил. У всех заметно было приподнятое радостное настроение, не только негодования, но и сожаления не было слышно. [З ОО. 1905 г. Оп. 233 а. Д. 60. Л. 137–137 об.]

Закиров пишет, будто «оправившись от первого шока», практичная княгиня решила «использовать сложившуюся ситуацию» ради извлечения «имиджевых дивидендов» [8 с. 34]. Однако если в случае с княгиней это выглядит просто не вполне психологически достоверно, то применительно к Лопухину этот тезис звучит и вовсе нелогично: директору Департамента полиции уже явно поздно вато печься о своем имидже, когда дядя императора, как говорили злые языки, «пораскинул мозгами». Собственно, из-за непринятия надлежащих мер к охране великого князя Лопухин и вынужден был покинуть директорское кресло. А.И. Спиридович в своих мемуарах указывает, что ближайший помощник Сергея Александровича, московский обер-полицмейстер Д.Ф. Трепов, вину за убийство своего начальника возлагал именно на Лопухина, отказавшегося отпустить кредит на специальную охрану для великого князя, запрошенный Московским охранным отделением [9 с. 180–182].

Вполне вероятно, что конспирологическая версия о княгине-«бесстыжей интриганке охранного отделения» существовала лишь в воображении Каляева, исполненного тревоги за честь революционера. То, что исследователь безоговорочно принял и дословно воспроизвел в своих статьях версию экзальтированного политического террориста, основываясь, преимущественно, на факте причастности к этой истории Департамента полиции, симптоматично. В действительности все куда проще: как политический преступник, Каляев находился в ведении Департамента полиции, и к кому, как не к его директору, следовало обращаться с просьбой о встрече с заключенным?

Поскольку подобная апологетическая оценка Каляева уже подвергалась критике [10 с. 15], нам лишь остается добавить, что обвинение, брошенное Закировым царской администрации в «непризнании того, что у идеологических противников могут быть какие-то бескорыстные и идейные мотивы» [8 с. 27], справедливо как в отношении автора, так и его героя, от чьего идеологического давления Закиров не сумел или не пожелал абстрагироваться. Применение же термина «провокация» в данном случае совершенно неоправданно.

«Провокация» как симптом стигматизации

Рассматривая формы бытования термина «провокация» в современной исторической периодике, сложно не заметить, что его употребление зачастую имеет абстрактную оценочную подоплеку, а не служит описанием конкретных взаимоотношений работников политического сыска и их секретных сотрудников. Д.А. Гутнов, повествуя о борьбе «сверху» с практикой полицейской провокации, имея в виду, естественно, преобразования В.Ф. Джунковского, и вовсе уводит дискуссию в морально-этическую плоскость [11]. Причем нарушение «этических и нравственных границ дозволенного», по его мнению, происходило односторонне на том основании, что законность существования охранных отделений вызывала «большие сомнения». Гутнов ставит им в вину приобретение агентуры в среде гимназистов и солдат гвардейских полков, слово в слово повторяя мнение самого эксцентричного шефа жандармов, «наивного администратора» и противника «каких-то там» конспираций, считавшего выплату гонораров гимназистам «растлением малолетних»

и по собственной прихоти провалившего агента и депутата Государственной Думы Р.В. Малиновского [12 с. 316]. Однако те «рыцарственные» взгляды, которые неудивительно обнаружить у человека с прошлым гвардейского офицера и флигель-адъютанта, исповедовать на страницах профессиональной периодики спустя сотню лет, как минимум, странно.

Во-первых, приобретение агентуры среди гимназистов, очевидно, имело некоторый смысл. К революционной активности, средняя продолжительность которой, по подсчетам самих революционеров, в среднем составляла два года [13], молодые люди порой переходили, не покинув гимназической скамьи. Причем заметим, жандармы старались, по возможности, не губить молодым людям жизнь. Например, первое знакомство В.М. Зензинова с «синим мундиром», который он «уже ненавидел», состоялось в 1889 г., когда юноше было всего 18 лет. Жандармский ротмистр, в руках которого определенно имелись доказательства его сношений с заграничными революционерами, ограничился вызовом родителя для беседы в охранное отделение и ночным обыском, состоявшимся как раз накануне последнего выпускного экзамена. Зензинов писал:

Сейчас я не могу не обратить внимания на то, как в то время были человечны даже «синие мундиры». Я... получил аттестат зрелости. Этому, в конце концов, я был обязан «синим мундирам», которые дали мне возможность окончить гимназию [14 с. 61–64].

Юные лета отнюдь не были порукой тому, что антиправительственно настроенный молодой человек не встанет на путь террора. Как-то два брата, 17 и 18-летние сыновья рабочего, наслушавшись на митингах, что жандармы враги народа, по собственной инициативе решили убить подполковника, старика, прослужившего 25 лет на железной дороге, не понимавшего и не любившего «политики». Он со дня на день ждал приказа об увольнении в отставку, мечтая поселиться в деревне, но его выследили и у самой двери его квартиры расстреляли [15 с. 56].

Что же касается запрета В.Ф. Джунковского вербовать агентуру среди военных, то такое решение в полной мере являлось следствием отношения воинской среды к жандармскому ведомству. Крупнейший военный теоретик империи, киевский генерал-губернатор М.И. Драгомиров презирал политический сыск, требовал, чтобы «агенты не совали носа в войска», и заступался за убежденных революционеров [16 с. 218, 221]. Муж дочери Драгомирова генерал-лейтенант А.С. Лукомский разделял взгляды своего тестя на по-

литический сыск в армии, хоть и признавал, что само офицерство, которое и должно было взять на себя борьбу с крамолой вместо жандармов, «не умело бороться и не понимало (не видело) надвигавшейся опасности» [16 с. 326]. Насколько успешно справилось с крамолой русское офицерство, напоминать излишне.

Таким образом, игнорируя соображения критиков политики Джунковского, Гутнов утверждает, что его преобразования «предназначались для нормальной работы полицейских служб в условиях правового государства мирного времени», а также приведения деятельности политического сыска «в соответствие с некими правовыми и нравственно-этическими стандартами, признаваемыми обществом», а на то, чтобы противостоять революции и разложению государственности, «они не были рассчитаны» [11 с. 16]. При этом Гутнов сожалеет, что все прежние преобразования «были подчинены исключительно решению практической задачи повышения эффективности борьбы с революционным движением», тогда как вопрос «законности был вторичен» [11 с. 16]. Но нужно помнить, что, во-первых, в глазах революционеров вся система политических институтов самодержавия была незаконна. Во-вторых, общественные симпатии так или иначе оставались на стороне оппозиционных лидеров. Как отмечает Квасов О.Н., «имена известных террористов ... становились культовыми. Их предсмертные или напутственные письма печатались, переписывались и превращались в революционные молитвы» [17 с. 32–33]. И потому никакой закон, в полной мере легитимизирующий деятельность политического сыска, не склонил бы общественные симпатии в пользу государства. Так, например, «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [18], подписанное рукой самодержавного монарха, формально было вполне легитимно, однако редкая инициатива власти вызывала в обществе большую озлобленность [3 2-е Делопроизводство. 1913 г. Оп. 70. Д. 32. Л. 107–112.]. И, наконец, в-третьих, работа политической полиции, по своей сути, предполагает использование доли запрещенных, незаконных приемов, что, впрочем, не отменяет ее необходимости. Естественно, и в сочинении Гутнова мы находим указанный симптом – некорректное употребление термина «провокация».

Невозможно давать оценку работе политической полиции, не считаясь с действительностью, не анализируя подлинные цели, методы и результаты розыскной деятельности, апеллируя лишь к довольно расплывчатым и зачастую весьма вольно трактуемым понятиям «законности» и «нравственности».

Прочие последствия некритического анализа источников

Наряду с неуместными обращениями к термину «провокация», весьма распространенным явлением в отечественной историографии являются намеки на физическое воздействие, оказываемое жандармскими чинами на арестованных политических противников.

Как нетрудно догадаться, голову обывателя царской России населяли картины фантастических зверств, творящихся в учреждениях политического сыска. Жандармский офицер А.М. Поляков вспоминал, будто «в обществе держалось мнение, что при поступлении в жандармы все офицеры и нижние чины будто бы должны были давать особую клятву, в которой отрекались от отца, матери, обещали, будто бы, никого не щадить» [19 с. 488]. Департамент полиции для масс населения был «символом ужаса». Рассказывали, будто там людей сбрасывают в подвал через дыру в полу и пытаются [20 с. 346].

Что и говорить, «зуботычины» в среде филеров были обыденной вещью, которую даже мемуаристам не приходило в голову замалчивать [9 с. 52–54], однако свидетельств избиения арестованных жандармскими штаб- и обер-офицерами не имеется даже в воспоминаниях революционеров. Редкие случаи рукоприкладства являлись ответом на вызывающие действия революционеров и карались начальством [2 Оп. 24. Д. 144; 3 7-е Делопроизводство. 1913 г. Оп. 210. Д. 6. Л. 42–43.] Если в общении с коллегами-жандармами политес был в дефиците, то в беседах с посторонними, напротив, их отличали «любезность, корректность, выдержка, вежливость» [19 с. 482].

Тем не менее в своей работе, посвященной агентурной работе политической полиции, М.Н. Бродникова пишет, что вербовка агентов «происходила под сильным психологическим, а иногда и физическим давлением», не конкретизируя методы подобного давления и не приводя ни одного достоверного примера [21]. В последних строках в качестве иллюстрации фигурируют воспоминания Н.П. Балашова, разоблаченного секретного сотрудника, о «паучьей пытке» общения с сотрудником охраны. Нужно ли говорить, что к исповедальным письмам бывших агентов следует относиться критически? Так, например, в исповеди одного секретного сотрудника указано, будто начальник Северо-Западного районного охранного отделения подполковник К.М. Шебеко, раскрыв собственную чековую книжку, предлагал ему десять тысяч рублей за выдачу товарища охранке [3 ОО. Оп. 314. Д. 570. Л. 1–8], тогда как из той же статьи Бродниковой следует, что сам Р.В. Малиновский в конце

своей карьеры получал 700 руб., а в среднем зарплата сотрудника составляла от 25 до 150 руб. в месяц [21].

Но если секретные сотрудники скорее были горазды присочинить, то жандармам-мемуаристам порой чудесным и необъяснимым образом отказывала память. Приведем для наглядности пример искажения в мемуарах А.П. Мартынова [22]. В бытность его начальником Саратовского охранного отделения, он столкнулся с неудобным случаем: секретный сотрудник его предшественника, живший по паспорту, выданному его бывшим патроном, оказался замешан в грабеже. Мартынов решил под видом обыска паспорт изъять, а самого подозреваемого отпустить. Он не мог позволить себе разъяснить эту историю своему коллеге, начальнику местного губернского жандармского управления (ГЖУ), что дало последнему повод заподозрить Мартынова в провокации и устроить межведомственный скандал. Замаскировал Мартынов эту сомнительную ситуацию и в своих мемуарах. Единственный, кому Мартынов дал свои объяснения по этому вопросу, был директор Департамента полиции М.И. Трубевиц, который счел Мартынова невиновным [3 ОО. Оп. 316. 1906 г. Д. 1052], тогда как против осуждения Заварицкого, как мы помним, Трубевиц принципиально не возражал.

Кому и зачем нужна «провокация»

Касаясь в своих исследованиях сюжетов, связанных с практикой политического розыска, важно помнить о той тонкой грани между «сотрудничеством» и «провокацией», о которой говорилось в секретной инструкции по организации и ведению внутреннего наблюдения (1907 г.), разработанной под руководством Трубевица. По его убеждению, в умении различать эту тонкую грань и состоит искусство ведения политического розыска [23 с. 97]. Увы, большая часть полицейских чиновников этим искусством не обладала, и, таким образом, некомпетентность в вопросах использования агентуры порождала в официальных сферах известные предрассудки против секретного сотрудника «как продажного, безнравственного и предательствующего человека». Еще в 1892 г. П.И. Рачковский жаловался, что в России «почти никто не склонен видеть в агенте лицо, исполняющее скромный долг перед родиной» [23 с. 31].

В 1917 г. на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (ЧСК) Трубевиц последовательно отстаивал закономерность существования политической полиции и целесообразность ее методов:

Это всегда было, и до тех пор, пока будет существовать какой-нибудь розыск, даже не по политическим, а по общеуголовным делам, агентура всегда будет в той среде, которая расследуется... Это есть условие, при котором известный политический строй, каков бы он ни был, отстаивает свое существование [24 с. 212–213].

Допросы высших полицейских чиновников показали, что члены ЧСК не видели никакой разницы между сотрудничеством и провокацией. В глазах Председателя ЧСК социал-демократа Н.К. Муравьева и его коллег обыденная деятельность секретного агента была однозначно преступна «по определению». Несмотря на очевидную логичность приводимых доказательств и ссылки на иностранный опыт, переубедить вчерашних оппонентов режима, а теперь хозяев игры, было невозможно. Бывшие оппозиционеры, прочившие себя на роль реформаторов, если не спасителей отечества, не желали расставаться со своими белыми одеждами. Поэтому им жизненно необходимо было доказать обществу и самим себе свою непричастность к террору, открестившись от своего политического родства с убийцами. Вот почему бесконечно, на все лады муссировать тему провокации, возлагающей ответственность за пролитую кровь на совесть самих защитников режима, выставив их перед лицом общества корыстолюбивыми беспринципными карьеристами, было так важно. Недурной тому иллюстрацией являются слова кадета Ф.И. Родичева, приведенные Д.А. Бутыриным в заключении своей статьи: «Мы теперь видим, что совершающиеся политические убийства удаются только тогда, когда они изготовлены в охранке, когда там специализируются на убийствах должностных лиц» [1 с. 75]. На это указывал и Столыпин в своей речи в Думе 11 февраля 1909 г., говоря, что «для революции не безвыгодно, с точки зрения общественной оценки, подвести под это понятие (провокации. – А. Л.) действия каждого лица, соприкасающегося с полицией» [25 с. 189].

Вместе с тем противоправительственная среда и сама не брезговала прибегать к средствам розыска, которые благодаря своей универсальности «были те же, что и у ненавистного ему Департамента полиции»: внутренняя агентура, завербованная среди полицейских чиновников, и наружное наблюдение, осуществляемое силами членов революционных партий. «То, что считалось преступным и подлым со стороны правительства, признавалось необходимым и хорошим в своих собственных руках: такова этика революционеров», – писал А.И. Спиридович [9 с. 46].

Заключение

Несмотря на распространенное критическое восприятие в обществе, «провокация» – лишь один из оперативно-тактических приемов, дававший полиции «возможность ускоренными темпами выявить своих врагов и осуществить над ними расправу», а также служивший «средством создания недостающих улик» [26 с. 52,92]. Предсудительным делают его, главным образом, цели и обстоятельства его употребления. Детальный анализ оперативных нюансов политического сыска позволил Ю.Ф. Овченко, наряду с термином «провокация», ввести новые, более конкретные и логически уместные понятия: «идеологическая диверсия» (применительно к зубатовщине), «оперативный эксперимент» (моделирование условий, показывающих истинные намерения разрабатываемого, проходящее под полным контролем, исключающим возможность преступления) и т. д. [27 с. 313]. По мнению Овченко, хотя удельный вес провокации в работе полиции значительно возрастал в периоды подъема революционного движения, из тактического приема в метод провокация все же не переросла [28 с. 45]. Впрочем, дореволюционная общественность, равно как и всякий, кто готов довериться ее оценкам, была далека от подобных тонкостей и, как уже было сказано выше, считала преступной саму агентурную работу как таковую.

Предубеждение по отношению к розыскной деятельности, которое проявляют историки на страницах периодики, коренится, по-видимому, где-то в сфере национального менталитета, поскольку исследователи современного правоохранительного аппарата обращают внимание на схожие симптомы, проявляемые российским обществом и в восприятии современной полиции. В представлении граждан «оперативно-розыскная деятельность носит какой-то полуполициарный характер», а большинство полагает, что она целиком «состоит из доносов и “выбивания” признания вины с помощью кулаков сотрудниками оперативных подразделений», работающих по принципу «держиморда» [29].

Как-то бывший начальник Московского охранного отделения полковник П.П. Заварзин справедливо заметил, что «без розыскного органа ни одно государство не существовало и существовать не будет» [30 с. 421], а потому чем скорее розыск перестанет служить жупелом будирующей интеллигенции, а будет восприниматься как органичная, естественная форма реализации государственных функций, – тем лучше.

Литература

1. *Бутырин Д.А.* Жандармы и депутаты: «Дело подполковника Заварицкого» в стенах Государственной думы и Владивостокской крепости (1909 год) // Новый исторический вестник. 2016. № 4 (50). С. 57–79.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110.
3. ГАРФ. Ф. 102.
4. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов по 10 октября 1904 г. СПб., 1904.
5. Вечер. 1908. 30 ноября.
6. *Соловьев К.А.* Думская монархия: общественный диалог на фоне реформ // Родина. 2006. № 12. С. 10–13.
7. *Перегудова З.И.* Политический сыск в России (1880–1917 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2013. 519 с.
8. *Закиров Р.С.* Визит Великой княгини Елизаветы Федоровны в тюрьму к И.П. Каляеву как провокация Департамента полиции // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. История и политология. 2012. № 4. С. 20–36.
9. *Спиридович А.И.* Записки жандарма. Репринт. Воспроизведение изд. 1930 г. М.: Художественная литература, 1991. 263 с.
10. *Софьин Д.М.* Великий князь Сергей Александрович: Путь русского консерватора. М., 2016. 240 с.
11. *Гутнов Д.А.* Из истории русского политического сыска: В.Ф. Джунковский и борьба «сверху» с практикой полицейской провокации в 1913–1915 гг. // Вестник РУДН. Серия «История России». 2012. № 2. С. 36–45.
12. *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 1. С. 27–408.
13. *Махновец В.П.* Как держать себя на допросах. Женева: Союз русских социал-демократов, 1900. 43 с.
14. *Зензинов В.М.* Пережитое. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 414 с.
15. *Заварзин П.П.* Жандармы и революционеры // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 2. С. 6–138.
16. *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания / сост., предисл., коммент. С. Волкова. М.: Айрис-пресс, 2012. 752 с.
17. *Квасов О.Н.* Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901–1911 гг.). Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. 223 с.
18. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание третье. В 33 т. СПб., 1885. Т. 1. № 350.
19. *Поляков А.М.* Записки жандармского офицера // Жандармы России: (Полит. розыск в России. XV–XX вв. Новейшие исслед.). СПб.: Нева, 2002. С. 486–487.

20. *Васильев А.Т.* Охрана: русская секретная полиция // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 2. С. 345–513.
21. *Бродникова М.Н.* К вопросу о методах работы политической полиции Российской империи с секретной агентурой в начале XX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 37–43.
22. *Лавренова А.М.* Служба А.П. Мартынова в Саратовском охранном отделении (о кризисе идентичности в жандармской среде) // Новый исторический вестник. 2015. № 1 (43). С. 99–116.
23. Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского: сборник документов / вступ. ст., сост. и коммент. Е.И. Щербакова. М.; СПб.: АИРО-XXI; Алетейя, 2014. 351 с.
24. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / ред. П.Е. Щеголева. Л.: Гос. изд-во, 1925. Т. 3. 506 с.
25. *Столытин П.А.* Нам нужна Великая Россия...: Полное собр. речей в Гос. Думе и Гос. Совете, 1906–1911 / сост., коммент. Ю.Г. Фельштинского. М.: Молодая гвардия, 1991. 411 с.
26. *Овченко Ю.Ф.* Московская охранка на рубеже веков. 1880–1904 гг. М.: ИНСОФТ, 2010. 232 с.
27. *Овченко Ю.Ф.* Безопасность империи: (политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия, 1880–1917 гг.). М.: Техинформ, 2012. 370 с.
28. *Овченко Ю.Ф.* Провокация на службе охраны // Новый исторический вестник. 2003. № 1 (9). С. 28–45.
29. *Середнев В.А.* Процессуальный статус оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве (идеологический аспект) // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2011. № 1 (55). С. 30–40.
30. *Заварзин П.П.* Работа тайной полиции // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 1. С. 410–493.
31. *Бутырин Д.А.* Подполковник А.Д. Заварицкий и Владивостокское восстание 1907 года // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 120–149.

References

1. Butyrin DA. Gendarmes and deputies. “The case of Lieutenant Colonel Zavaritsky” in the State Duma and the Vladivostok Fortress (1909). *The New Historical Bulletin*. 2016;4:57-79. (In Russ.)
2. Russian State Archive. Fond 110.
3. Russian State Archive. Fond 102.

4. The total personnel of directorates and officials of the Separate corps of gendarmes on October 10, 1904 Sankt-Reterburg, 1904. (In Russ.)
5. Vecher. 1908. Nov. 30. (In Russ.)
6. Soloviev KA. The Duma monarchy. Public dialogue on the background of reforms. *Rodina*. 2006;12:10-13. (In Russ.)
7. Peregudova ZI. Political investigation in Russia (1880–1917). 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2013. 519 p. (In Russ.)
8. Zakirov RS. Visit of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna to prison to I.P. Kaliaev as a provocation of the Police Department. *Sholokhov Moscow State University for the Humanities Bulletin. History and Political Series*. 2012;4:20-36. (In Russ.)
9. Spiridovich AI. Notes of a gendarme. Reprint. Reproduction ed. 1930. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.; 1991. 263 p. (In Russ.)
10. Sofin DM. Grand Duke Sergei Aleksandrovich. The way of the Russian Conservative. Moscow, 2016. (In Russ.)
11. Gutnov DA. From the history of the Russian political investigation: V.F. Dzhunkovsky and the struggle “from above” against the practice of police provocation in 1913–1915. *RUDN Journal of Russian History*. 2012;2:36-45. (In Russ.)
12. Martynov AP. My service in the Separate Corps of Gendarmes. V: “Okhranka”: Memories of the top executives of political investigation. In 2 vols. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2004. Vol. 1. p. 27-408.
13. Makhnovets VP. How to behave during interrogations. Geneva: Soyuz russkikh sotsial-demokratov Publ.; 1900. 43 p. (In Russ.)
14. Zenzinov VM. The Bygones. New-York: Izd-vo im. Chekhova Publ.; 1953. 414 p. (In Russ.)
15. Zavarzin PP. Gendarmes and revolutionaries. V: “Okhranka”: Memories of the top executives of political investigation. In 2 vols. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2004. Vol. 2. p. 6-138. (In Russ.)
16. Lukomskii AS. Essays from my life. Memories. Volkov S., preface, comp., comments. Moscow: Airis-press Publ.; 2012. 752 p. (In Russ.)
17. Kvasov ON. Revolutionary terrorism in the Central Chernozem (Black Earth) region at the beginning of the 20th century (1901–1911). Voronezh: Voronezh State University Publ.; 2005. 223 p. (In Russ.)
18. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection. In 33 vols. Sankt-Reterburg, 1885. Vol. 1. № 350. (In Russ.)
19. Polyakov AM. Notes of a gendarme officer. The gendarmes of Russia (Polit. investigation in Russia. 15th – 20th centuries. Recent research). Sankt-Reterburg: Neva Publ.; 2002. p. 486-487. (In Russ.)
20. Vasil'ev AT. Security. Russian secret police. V: “Okhranka”: Memories of the top executives of political investigation. In 2 vols. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2004. Vol. 2. p. 345-513. (In Russ.)
21. Brodnikova MN. On the methods of the Russian Empire political police work with secret agents in the early twentieth century. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2016;2:37-43. (In Russ.)

22. Lavryonova AM. A.P. Martynov's Service in Saratov Security Department (About the Crisis of Identity in the Gendarme Community). *The New Historical Bulletin*. 2015;1:99-116. (In Russ.)
23. Shcherbakova EI., pref., comp., comm. Political police of the Russian Empire between the reforms. From V.K. Pleve to V.F. Dzhunkovsky. A collection of documents. Moscow; Sankt-Reterburg: AIRO-XXI; Aleteiya Publ.; 2014. 351 p. (In Russ.)
24. Shchegoleva PE., ed. The Fall of the Czar regime. The verbatim records of interrogations and testimony given in 1917 in the Emergency Investigation Commission of the Provisional Government. Leningrad: Gos. izd-vo Publ.; 1925. Vol. 3. 506 p. (In Russ.)
25. Stolypin PA. We need Great Russia ... Complete Coll. of speeches in the State Duma and State Council, 1906–1911. Fel'shtinskii YuG., comp., comm. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.; 1991. 411 p. (In Russ.)
26. Ovchenko YuF. Moscow secret police at the turn of the century. 1880–1904 years Moscow: INSOFIT Publ.; 2010. 232 p. (In Russ.)
27. Ovchenko YuF. The security of the empire. (Political investigation – a mean of ensuring the security of the Russian autocracy, 1880-1917). Moscow: Tehinform Publ.; 2012. 370 p. (In Russ.)
28. Ovchenko YuF. Provocation in the service of the secret police. *The New Historical Bulletin*. 2003;1:28-45. (In Russ.)
29. Serednev VA. The procedural status of intelligence and surveillance operations in criminal legal proceedings (ideological aspect). *Zhurnal nauchnykh publikatsii aspirantov i doktorantov*. 2011;1:30-40. (In Russ.)
30. Zavarzin PP. The work of the secret police. V: "Okhranka": Memories of the top executives of political investigation. In 2 vols. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2004. Vol. 1. p. 410–493. (In Russ.)
31. Butyrin DA. Lieutenant-Colonel Anatolii Zavaritskii and the Vladivostok Uprising of 1907. *The New Historical Bulletin*. 2018;1:120-49. (In Russ.)

Информация об авторе

Анна М. Лаврёнова, аспирант, Государственный архив Российской Федерации, Москва, Россия; Россия, Москва, 119435, ул. Б. Пироговская, 17; lavryonova@mail.ru

Information about the author

Anna M. Lavrenova, postgraduate student, State Archive of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 17, B. Pirogovskaya st., Moscow, 119435, Russia; lavryonova@mail.ru

Документоведение и архивоведение: история, теория, практика

УДК 930.25(476)

Реализация информационной функции белорусских архивов в 1920–1930-х гг.

Михаил Ф. Шумейко

*Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь, jesti@inbox.ru*

Аннотация. В статье исследуется реализация информационной функции белорусских архивов в контексте происходившей в 1918–1920 гг. дискуссии о взаимоотношениях архивов с библиотеками и музеями, а также начавшейся с конца 1920-х гг. политизацией архивов, которая привела к ограничению доступа ко хранившимся в них документам. Инициатива известного российского историка-архивиста И.Л. Маяковского о широком вовлечении краеведов в архивное строительство, с которой он выступил на Первой всероссийской конференции архивных деятелей осенью 1921 г., была поддержана на проходившей в мае 1924 г. в Минске Первой всебелорусской конференции архивных работников, Втором совещании архивных работников Беларуси (декабрь 1927 г.). Большую роль в этом сыграли бывшие уполномоченные Главархива РСФСР по Могилевским и Витебским губам Д.И. Довгялло, Б.Р. Брежго, первый ректор открытого осенью 1922 г. в Минске Белорусского государственного университета В.И. Пичета, одновременно работавший в Главархиве России. Отмечается, что в отличие от России «наркомпросовский период» (1918–1920 гг.) в истории белорусских архивов почти не прослеживается ввиду особенностей национально-государственного строительства в Беларуси этого периода (оккупация Польшей ее западных регионов, включение Витебской и Могилевской губ. в состав РСФСР). Обращается внимание на деятельное участие Главархива России в оказании организационной, методической, кадровой, финансовой поддержки белорусским архивам. Указывается, что положения утвержденного 1 июня 1918 г. декрета «О реорганизации и централизации архивного дела

в РСФСР» легли в основу принятого 12 сентября 1922 г. «Положения о Центральном архиве ССРБ», знаменовавшего создание Государственной архивной службы Беларуси.

Ключевые слова: Архивы, музеи, библиотеки, Первая всебелорусская конференция архивных работников, Второе совещание архивных работников Беларуси, Положение о Центральном архиве ССРБ, Д.И. Довгялло, Б.Р. Брезго, Е.Ф. Карский, Д.Ф. Жилунович, А.Р. Иодко, И.Л. Маяковский, В.И. Пичета, Д.Б. Рязанов, М.Н. Покровский, С.Ф. Платонов

Exercising the information function of the Belarusian archives in 1920–1930s.

Mikhail F. Shumeiko

*Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus, jesti@inbox.ru*

Abstract. The article studies exercising the information function of the Belarusian archives in the context of discussions about the relationship of archives with libraries and museums that took place in 1918–1920, as well as politicization of archives that started in the late 1920s, and led to the restriction of access to the documents stored there. The initiative of the famous Russian historian-archivist I.L. Mayakovsky on the wide involvement of local historians in the archival building, about which he spoke at the First All-Russian Conference of Archival Activists in the autumn of 1921, was supported at the First All-Belarusian Conference of Archival Workers held in Minsk in May 1924 and at the Second Meeting of Archival Workers of Belarus (December 1927). A large role in that was played by former commissioners of the Glavarhiv of RSFSR on Mogilev and Vitebsk provinces D.I. Dovgyallo, B.R. Brezhgo and the first rector of the Belarusian State University, opened in the fall of 1922 in Minsk, V.I. Picheta, who also worked in the Glavarhiv of Russia. It is noted that, in contrast to Russia, the “People’s Commissariat of Education period” (1918–1920) in the history of the Belarusian archives is hardly traceable due to the peculiarities of national-state building in Belarus of that period (the occupation of its western regions by Poland, the inclusion of the Vitebsk and Mogilev provinces into RSFSR). Attention is drawn to the active participation of the Glavarhiv of Russia in providing organizational, methodological, personnel, financial sup-

port to the Belarusian archives. It is stated that the clauses of the decree “On the reorganization and centralization of archival work in RSFSR” approved on June 1, 1918, formed the basis for the “Regulations of the Central Archive of SSRB” adopted on September 12, 1922, which marked the creation of the State Archival Service of Belarus.

Keywords: archives, museums, libraries, First All-Belarusian Conference of Archival Workers, Second Meeting of Archival Workers of Belarus, Regulations of the Central Archive of SSRB, D.I. Dovgyallo, B.R. Brezhgo, E.F. Karsky, D.F. Zhilunovich, A.R. Iodko, I.L. Mayakovsky, V.I. Picheta, D.B. Ryazanov, M.N. Pokrovsky, S.F. Platonov

Введение

Одной из важнейших функций архивов начиная с их возникновения является информационная, суть которой состоит в обеспечении человека, общества, государства необходимой им ретроспективной информацией, заключенной в сохраняемых архивами документах. Автор сознательно отошел от традиционно присутствовавшей в ранее действовавших нормативных правовых актах¹, прошлой учебной и научной литературе по архивоведению и архивному делу последовательности в перечислении пользователей информацией, выдвинув на первое место личность, а не государство. Именно человеку должен быть отдан приоритет при выборе основного потребителя архивной информации, идет ли речь о подготовке исторических исследований, либо затрагиваются иные вопросы, лежащие в социальной, правовой, имущественной сферах. Сегодня это положение стало своего рода аксиомой, не требующей доказательств. Однако так было не всегда. И с учетом данного обстоятельства представляется важным обратиться к периоду становления системы архивных учреждений, составивших отрасль деятельности, охватывающую вопросы организации документов в архивах и работы архивных организаций, именуемую архивным делом [1 с. 3].

Информационная функция архивов не может быть рассмотрена вне контекста ведущихся в 1918–1920-е гг. дискуссий о их взаимо-

¹ В ныне действующих Правилах работы государственных архивов Республики Беларусь (Минск, 2006) на первое место уже поставлены интересы граждан, а затем – общества и государства (п. 2; с. 5).

отношениях с библиотеками и музеями, с одной стороны, и начавшейся их политизацией с приходом в 1921 г. к руководству Главархивом России М.Н. Покровского – с другой.

Как известно, созданный в июне 1918 г. орган по управлению Единым государственным архивным фондом – Главное управление архивным делом (Главархив), по настоянию его руководителя, видного ученого-марксиста, государственного деятеля Д.Б. Гольдендаха (Рязанова) (1870–1938), представлявшего, по мнению знавших его, «редкий среди большевиков тип широко образованного человека, считавшегося с мнением других»², был включен в систему Наркомата просвещения советской России (Наркомпрос). Последнему были подчинены также библиотеки и музеи, информационная деятельность которых (особенно первых) всегда носила широкий характер. Важно подчеркнуть, что вначале даже предполагалось создаваемому органу подчинить не только архивные, но и библиотечные учреждения. Правда, наиболее дальновидные архивисты сразу же поняли ошибочность такого решения и с научной, и с практической-организационной точек зрения, ибо в основе архивного и библиотечного дела лежали «информационные массивы разного происхождения и свойства, разные презумпции комплектования, классификации и организации использования» [2 с. 96, 3 с. 348].

Таким образом, ведомственная подчиненность архивов Наркомпросу как бы автоматически обеспечивала их публичность, доступность до хранившейся в них информации, способствуя тем самым реализации одной из важнейших функций архивов – информационной.

С отстранением в конце 1920 г. Д.Б. Рязанова от руководства архивным ведомством России и замещением его должности коллегией во главе с М.Н. Покровским, сразу же заявившим, что отныне перед старыми специалистами дверь ЧК должна быть гостеприимно открыта, начинается новый этап в истории архивного строительства, для которого характерны политизация архивов и обусловленная ею закрытость последних. В конце 1921 г. Главархив России будет передан из ведения Наркомпроса в подчинение ВЦИК; примерно тогда же произойдет и переподчинение созданного осенью 1920 г. при Наркомпросе России Истпарта (он будет передан в ведение ЦК РКП(б) на правах его отдела). Разумеется, аналогичные про-

² Благодаря политическому такту Рязанову удалось найти общий язык с не скрывавшим своих монархических убеждений выдающимся русским историком, академиком С.Ф. Платоновым, ставшим его заместителем по ГУАД.

цессы происходят и за пределами России, включая и провозглашенную 1 января 1919 г. Социалистическую Советскую Республику Белоруссию (ССРБ). При этом они опирались на принятое 10 января 1919 г. постановление ее Временного Рабоче-Крестьянского правительства о действии в республике законов РСФСР [4 с. 110].

1929 год стал «годом великого перелома» не только в промышленности и сельском хозяйстве, но и в архивном деле. Именно в этом году органами госбезопасности было сфабриковано так называемое «дело академика С.Ф. Платонова» (вариации названий «дело историков», «дело архивистов»), которое послужило сигналом для установления тотального контроля за содержавшейся в архивных документах информацией путем взятия на учет архивным ведомством находившихся вне государственных архивов фондов и коллекций, ограничения доступа до многих собраний, хранившихся в государственных и ведомственных архивных учреждениях и т. п.

Письмо И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» 1931 г. послужило своего рода идеологическим обоснованием необходимости ограничения доступа до хранившейся в архивах ретроспективной информации. С учетом этих обстоятельств становятся понятными причины неуспеха предпринимавшихся государственными архивами Беларуси в 1930-е гг. попыток создания различного рода архивных справочников, путеводителей по архивам, издания архивного ежеквартальника, публикаций обзоров архивных фондов, описей и т. п., о чем будет идти речь далее.

Если же говорить о «наркомпросовском периоде» в истории архивного дела Беларуси, то он по известным причинам, обусловленным, прежде всего, особенностями национально-государственного строительства республики в первые пять лет ее существования, просматривается достаточно «туманно». В отошедших к РСФСР Витебской и Могилевской губ. архивная работа в 1919–1924 гг. велась так же, как и в других собственно российских губерниях: в соответствии с декретом СНК РСФСР «О губернских архивных фондах (Положение)» от 31 марта 1919 г.

С учетом выше указанных особенностей государственного строительства того периода Главархив РСФСР пытался участвовать в создании сети архивных учреждений ССРБ. Такой вывод можно сделать из решения его коллегии, принятого через четыре месяца после провозглашения ССРБ, в мае 1919 г. В нем, в частности, говорилось:

Просить заслуженного профессора, члена Академии наук Ефима Федоровича Карского, Минск, Веселая ул., 26, принять на себя труд быть уполномоченным [Главархива РСФСР. – М. III.] по Минской губ., сообщив ему для сведения инструкции и циркуляры уполномоченного, с просьбой о согласии уведомить Главархив по телефону [5 с. 90].

Через пять месяцев после второго провозглашения независимости ССРБ, имевшего место 31 июля 1920 г. вследствие освобождения Минска от польских войск, 24 декабря 1920 г. работавший главным инспектором Главархива РСФСР В.И. Пичета, который через год станет ректором созданного в Минске Белорусского государственного университета, командировается российским архивным руководством в белорусскую столицу для организации там губернского архивного фонда [5 с. 91].

С созданием осенью 1922 г. республиканского Центрархива и утверждением 12 сентября 1922 г. Положения о Центральном архиве ССРБ белорусско-российские архивные отношения будут законодательно закреплены в последнем. В нем, в полном соответствии с декретом «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», говорилось: «Все архивы правительственных учреждений Белоруссии как ведомственные учреждения и всякого рода актохранилища ликвидируются, и хранящиеся в них дела и документы образуют единый Государственный архивный фонд Белоруссии в лице Центрального архива Белоруссии, состоящего в административно-хозяйственном отношении в непосредственном ведении ЦИК Белоруссии.

В порядке научной работы Центрархив подчиняется распоряжениям Инспекции научных учреждений НКПБ, *в порядке технического управления архивами руководствуется инструкциями и указаниями Главного управления Центрархива при ВЦИК РСФСР* [выделено мною. – М. III.], с которым Центрархив Белоруссии по указанным техническим вопросам может сноситься непосредственно» [6 с. 18–19].

Уполномоченные Главархива РСФСР по Витебской и Могилевской губ. Б.Р. Брежго и Д.И. Довгялло вплоть до возвращения этих губерний весной 1924 г. в состав Беларуси принимали активное участие в архивной жизни России, проецируя впоследствии те или иные положения, обсуждавшиеся на архивных конференциях и съездах, делегатами которых они были, на белорусские реалии. В частности, представляет интерес участие Д.И. Довгялло в работе 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей, прохо-

дившей 29 сентября – 3 октября 1921 г. в Москве. Некоторые из обсуждавшихся на ней вопросов с подачи Довгялло будут впоследствии рассмотрены на Первой Всебелорусской конференции архивных работников (май 1924 г.), Втором совещании архивных работников (декабрь 1927 г.), найдут отражение в ряде его докладов и статей.

Дело в том, что на российской архивной конференции наряду с носившими официально-официозный характер выступлениями М.Н. Покровского, зав. научно-теоретическим отделом Главархива В.И. Пичеты, сугубо научным докладом академика М.М. Богословского и др. прозвучал и «диссидентский» по оценкам современных российских историков-архивистов [7 с. 32] доклад зав. научно-теоретическим отделом Петроградского отделения Главархива И.Л. Маяковского «Архив, библиотека и музей», вызвавший оживленную дискуссию среди участников конференции.

Что же всполошило в нем «коммунизированное» руководство Главархива в лице Покровского и его команды? На наш взгляд, как раз-таки содержавшиеся в докладе Маяковского предложения об обеспечении публичности, доступности информации, заключенной в документах архивов. А это, по его мнению, было возможно при установлении (или сохранении) существовавших генетических связей между выделившимися в отдельную отрасль архивами с оставшимися в ведении советского наркомпроса (прежнего министерства народного просвещения) библиотеками и музеями.

По мнению докладчика, деятельность этих трех родственных институций должна была быть согласована через образование междуведомственного совещания представителей архивов, библиотек и музеев, «создание высшего правомочного органа, объединяющего деятельность архивов, библиотеки музеев в отдельное самостоятельное ведомство» [8 с. 117]. Данное предложение, как нетрудно предположить, повторяло разрабатываемый еще при Д.Б. Рязанове проект «Положения о Главном управлении архивным и научно-книжным делом», который, как выше уже отмечалось, был отклонен летом 1918 г. С точки зрения нового, «коммунистического» руководства Главархива, данная идея не могла не оцениваться как своего рода рецидив действий «буржуазных» губернских ученых архивных комиссий, Союза (Общества) российских архивных деятелей, однозначно негативно воспринимавшихся М.Н. Покровским и К°. И тем не менее так же, как и на архивной конференции 1921 г., на 1-м съезде архивных деятелей РСФСР (март 1925 г.) И.Л. Маяковский вновь повторяет изложение своих взглядов в

докладе «О взаимоотношениях между архивами, библиотеками и музеями» [9], оформленном затем в виде статьи «Архив, библиотека и музей» [10 с. 45–56, 11 с. 21–36]³. Архивное, библиотечное и музейное дело ученый призывал рассматривать как три составные части «наших культурных начинаний»; хотя при этом он понимал невозможность полного устранения «ведомственных трений» между заинтересованными учреждениями.

Лейтмотивом статьи И.Л. Маяковского являлось утверждение об общей цели архивов и библиотек, призванных сохранять письменные материалы в таком виде и в таких условиях, чтобы они «целесообразно функционировали». С другой стороны, он считал, что по своей цели музей ближе к архиву, нежели к библиотеке. «Если архив имеет своей целью хранение письменных первоисточников и их функционирование... то в музеях... собраны подлинные отражения жизни, т. е. те же первоисточники, но только вещественного характера» [11 с. 24]. Отсюда следовало, что «архивы, библиотеки и музеи должны спасать и собирать все исторические ценности... но не смешивать их спасение и собирание с распределением, которое должно производиться на основании только функционального разграничения этих учреждений» [11 с. 36].

Призывая к сотрудничеству в центре органа по управлению архивным делом с Главнаукой, Академией наук, библиотеками, музеями, И.Л. Маяковский полагал, что на местах краеведческие организации должны взять на себя часть работы по разбору и приведению в порядок архивных материалов, «чтобы они не лежали в архивах мертвым грузом, что до сих пор случается сплошь и рядом» [11 с. 30–36]. Им была даже подготовлена и опубликована на этот счет специальная статья «Об архивах, как одной из областей краеведческой работы» [12 с. 47–62], квалифицировавшаяся советским архивным руководством как «противодействие ленинскому декрету о реорганизации и централизации архивного дела» и сыгравшая впоследствии роковую роль в научной судьбе ученого⁴.

К сожалению, чрезмерная политизация архивов, насаждаемая руководством Центрархива России (а с 1929 г. и ЦАУ СССР) в лице М.Н. Покровского⁵, вела ко все большей их обособленности от библиотек и музеев, снижению и даже частичной утрате важнейших их функций – научно-информационной, источниковой и др. В условиях формирования командно-административной системы

³ Обстоятельная его характеристика содержится в книге современного российского историка-архивиста: [7 с. 34–39].

⁴ Подр. об этом см.: [7].

управления архивы превращались в закрытые или полузакрытые учреждения, призванные в первую очередь обслуживать запросы этой самой системы. Инспирированное в конце 1929 г. выше упоминавшееся «дело академика С.Ф. Платонова» имело своей целью не только сломить непокорную Академию наук, но и изъять из не архивных учреждений (рукописных отделов библиотек, отделов письменных источников музеев и др.) или взять на учет хранившиеся там важные в политическом отношении документы, которые, по мнению историков-конформистов, припрятавались от советской власти и сберегались «для ожидаемого ими монархического хозяина России» [13 с. 98]⁵. «Архивной истории» 1929 г. предшествовало принятие инициированных М.Н. Покровским декретов СНК и ВЦИК «О сосредоточении в Центральном архиве РСФСР находящихся в ведении учреждений и должностных лиц РСФСР архивов активных деятелей контрреволюции, а также лиц, эмигрировавших за пределы республики за время с 1917 г.» от 2 августа 1923 г. и «О сосредоточении в Центральном архиве РСФСР архивов семьи Романовых» от 2 сентября 1923 г. [16].

Разумеется, в Беларуси эти документы были сразу же продублированы. 11 февраля 1924 г. Совнарком республики принял постановление «Об обязательной сдаче в Центральные архивы БССР архивов и архивных материалов лиц бывшей царской фамилии, активных деятелей контрреволюции и т. д.» [6 с. 29–31]. В нем со ссылкой на имевшие место случаи «сокрытия или похищения документов, изобличающих злоупотребления над трудящимися БССР со стороны бывших русских царей, их слуг и сторонников, а также разных буржуазных и контрреволюционных властей, партий и организаций» предписывалось государственным учреждениям сдать в Центральный государственный архив БССР подобные материалы; что касается частных организаций и граждан, то они обязывались в двухнедельный срок заявить о наличии у них подобных материалов с тем, чтобы затем не позже чем через два месяца также сдать материалы

⁵ Об этом свидетельствуют названия докладов, с которыми М.Н. Покровский выступал перед слушателями архивных курсов, участниками съездов архивных деятелей РСФСР, – «Политическое значение архивов», «Архивное дело в рабоче-крестьянском государстве», «Классовая борьба и идеологический фронт» и т. п.

⁶ Подр. об этом см.: [14 с. 324–339].

Заметим, что арестованному в декабре 1937 г. в Минске директору библиотеки БАН, бывшему до этого ученым секретарем Археографической комиссии Инбелкульта (БАН) Д.И. Довгялло вменяли в вину хранение «документа тайного архива нацменов [sic! – М. Ш.]» (подр. об этом см.: [15 с. 154]).

в канцелярию Центрархива. Лица, виновные в неисполнении постановления, подлежали привлечению к уголовной ответственности по ст. 102-й Уголовного кодекса.

В конце 1929 г. начинается массовая акция по проверке Центральным архивным управлением Беларуси хранившихся в библиотеках и музеях, а также ведомственных архивах рукописных собраний с целью если не передачи их в архивные учреждения, то взятия на учет и под контроль. Так, по требованию архивного управления 19 декабря 1929 г. была получена из Белорусской академии наук опись дел предшественника академии – Института белорусской культуры (Инбелкульту) [17 л. 181–192]⁷. Получение ЦАУ БССР подобных сведений имело место и из других учреждений системы Наркомпроса республики.

9 декабря 1929 г. приказом руководителя Наркомпроса республики “у мэтах размярканьня функцый паміж Цэнтрархівам, Дзяржаўнай бібліятэкай і музеямі” под председательством заведующего ЦАУ БССР А.Р. Иодко, в апреле этого года в порядке «партийной мобилизации» сменившего ранее занимавшего этот пост Д.Ф. Жилуновича, обвинявшегося в т. н. национал-демократизме, была создана комиссия в составе директора Госбиблиотеки БССР И.Б. Симановского и научного сотрудника Белорусского государственного музея А.В. Бурдейко (директор музея В.Ю. Ластовский, также обвинявшийся в «национал-демократизме», к этому времени фактически был отстранен от руководства) с участием представителя Музея революции БССР [18 л. 43]⁸. Ей поручалось пересмотреть архивные, библиотечные и музейные фонды с целью распределения их по соответствующим учреждениям. При этом обращалось внимание на то, что “архіўныя матэрыялы павінны быць перададзены бібліятэкамі і музеямі Цэнтрархіву, а экспазіцыйна-архіўныя музейныя і бібліятэчныя фонды павінны заставацца ў музеях і бібліятэках пры згодзе на гэта Цэнтрархіву і прыумове ўзяцця іх на вучот” [18 л. 43]. Комиссия должна была завершить работу до 10 января 1930 г., представив “свае меркаваньні ў Галоўнавуку на зацьверджаньне”.

⁷ В данном случае можно сказать: «нет худа без добра»: благодаря присылке описи архива Инбелкульту известно о составе последнего. Сегодня его фонд в ЦНА НАНБ составляет 38 дел, между тем как в описи 1929 г. значится более 300 дел.

⁸ По протоколам заседаний этой комиссии видно, что предназначавшийся для выполнения функций политцензора представитель Музея революции не участвовал в работе комиссии.

В результате на состоявшемся 22 декабря 1929 г. заседании комиссии было принято Положение о распределении функций между органами ЦАУ, Белгосбиблиотекой и белорусскими государственными музеями и распределении между ними архивных, библиотечных и музейных материалов. Оно состояло из трех разделов, определявших объекты комплектования соответствующих трех институций.

Опираясь на выше упоминавшееся постановление СНК БССР «Об обязательной сдаче в Центрархив БССР архивов и архивных материалов лиц бывшей царской фамилии, активных деятелей контрреволюции и т. д.» от 11 февраля 1924 г., а также положения о ЕГАФ БССР и ЦАУ БССР, утвержденные соответственно 8 мая 1927 г. и 8 декабря 1927 г., Положение 1929 г. обязывало все библиотеки, музеи, научные и другие учреждения, подчиненные Наркомпросу, сдать органам Центрархива все хранившиеся у них архивные материалы и отдельные документы, независимо от того, каким образом они туда поступили. Материалы, необходимые для текущей научно-исследовательской и экспозиционной работы музейных и библиотечных учреждений, могли быть оставлены в последних.

С другой стороны, передаче в Госбиблиотеку республики подлежали наряду с книжными собраниями, ликвидированными библиотеками, складами печатных изданий и поступившие в архивы книжные собрания или библиотеки учреждений, чьи архивные фонды были переданы туда в свое время. Объектами комплектования Госбиблиотеки республики являлись и

Старадрукаваныя кнігі, а таксама рукапісны матэрыял, які мае кніжную апрацоўку і афармленне, г.зн. індыўідуальныя творы пісьменства ті навукі і навогул матэрыял апрацаваны для грамадскага карыстання ў тым ліку жыццяпісы, апрача летапісаў, хронік, стаўбоў, інвентароў і т. е. [18 л. 39].

Важным, на наш взгляд, представлялось принятое дополнение к положению, своего рода «манифест о сотрудничестве» между архивными, библиотечными и музейными учреждениями. Последние брали на себя обязательства на основе взаимопомощи наладить дальнейшее выявление, собирание и обработку соответствующих материалов путем организации и проведения совместных экспедиций и командировок, взаимной информации о возможных источниках пополнения соответствующими материалами тех или иных учреждений. Не был забыт и один из основополагающих принципов недробимости архивных (музейных, библиотечных) фондов:

У выпадку, калі у тую ці іншую установу трапіць хаця б па прыналежнасці частка матарыялаў, якая разьбівае цэльнасць калекцыі, якая знаходзіцца ў другой установе, гэта частка павінна быць перададзена у месца захоўвання асноўнай калекцыі згодна вызначанай у палажэнні спецыялізацыі [18 л. 40].

Библиотека брала на себя обязательства по оказанию помощи архивам и музеям в комплектовании их библиотек путем передачи в них дублетных экземпляров, остатков «обязательных экземпляров» и т. д.

К сожалению, в значительной части этот «манифест о сотрудничестве» между архивными, библиотечными и музейными учреждениями так и остался своего рода «декларацией о намерениях», и не более того.

Возвращаясь к первым шагам в истории архивного строительства в Беларуси, отметим, что вопросы реализации архивами информационной функции поднимались на Первой всебелорусской конференции архивных работников в мае 1924 г. Они затрагивались в докладах инспектора Наркомата РКИ Я.Г. Ракова «Делопроизводство и текущие архивы в наркоматах и учреждениях Беларуси и способы их улучшения по программе НОТ», исполнявшего обязанности заведующего Могилевским губернским архивом Д.И. Довгялло «Составление архивных описей», бывшего зав. Витебским губернским архивом Б.Р. Брежго «Сдача, прием, размещение и хранение архивных материалов в Белоруссии».

Характер дискуссий по всем трем докладам свидетельствует, что наших предшественников 90 лет тому назад, как и нас сегодня, волновали прежде всего вопросы уровня описания информации, заключенной в документах, как на этапе их оперативного функционирования, так и, пользуясь терминологией нашего российского коллеги, находившихся в «состоянии покоя». Сторонник карточной системы регистрации и учета документов в текущем делопроизводстве Я.Г. Раков полагал, что применяемая исключительно в библиотечной сфере система может быть использована и в архивном деле. По его мнению, «Прымяненне гэтай сістэмы ўнясе ў архіўную справу парадак і стройнасць і значна скароціць працу па адбору і сарціроўцы» [19 с. 31].

Допуская возможность применения карточной системы описания, Д.И. Довгялло полагал целесообразным делать это лишь на уровне фонда, предлагая одновременно, «чтобы в описях мы тронулись с прежде установленных описей, которые нас запутывали» [19 с. 33]. Позицию Довгялло разделял и зав. архивом Ви-

тебского высшего педагогического института, известный краевед В.Г. Краснянский. Зам. руководителя Центрархива М.В. Мелешко считал, что «мы не будзем мець магчымасьці задавальняць свае патрабаваньні, пакуль ня прыойдзем на апісаньня архіваў па картачнай сыстэме» [19 с. 33].

Ему возражал Б.Р. Брежго, полагая, что составление описей по карточной системе вряд ли достигнет ожидаемых результатов. «Нам, – говорил он, – придется долгое время пользоваться теми описями, по которым нам сдают в архив дела свои учреждения. Архив – не библиотека, где каждая книга не связана друг с другом» [19 с. 33].

С целью повышения информационного уровня создаваемого архивами научно-справочного аппарата Брежго предлагал составлять внутренние описи к делам, принимаемым на постоянное хранение (он называл их «частными описями к бумагам, находящимся в деле»). «В этой описи, – подчеркивал он, – должно быть точно указано содержание каждой отдельной бумаги. Она должна быть подписана секретарем учреждения и лицом, подготовившим дело к сдаче в архив. Частная опись должна иметь заголовок: “Опись бумагам, находящимся в деле такого-то учреждения, за такой-то год, номер” и графа: “номер по порядку”, “содержание бумаги” и “на каком листе бумаги находится”» [19 с. 100]. Его позицию не разделял Д.И. Довгялло, считавший, что это затруднит передачу учреждениями дел в архив.

В итоге конференция поручила Брежго и Довгялло пересмотреть действовавшую инструкцию о составлении описей дел в учреждениях, а руководству Центрархива – утвердить ее и распространить по всей республике. Было также принято решение о целесообразности разработки вопроса о переходе на карточную систему и в качестве опыта предлагалось сделать это на одном из фондов Центрархива.

Д.И. Довгялло в качестве основы описания считал возможным использовать разработанную и утвержденную 3 июля 1922 г. Коллегией Главархива России форму описи, дополнив ее графой, в которой бы помещалась отметка по десятичной системе, к какому разряду относится включенное в опись дело. Одновременно он, как и проф. А.Е. Пресняков в Петрограде, полагал «необходимым иметь еще краткое исчерпывающее описание каждого фонда».

Выступавший в дискуссии по докладу В.И. Пичета, исходя из реального положения дел (дать как можно быстрее возможность лицам, работающим в архиве, разбираться в массе архивных документов), предлагал со своей стороны «составление краткого

формуляра; научно же описывать в данный момент необходимо только лишь самые древние документы с величайшей точностью» [19 с. 37].

Выступая с заключительным словом, Довгялло отмечал: «Наша опись не будет по форме тех описей; скорее, она будет просто служить путеводителем к тому фонду, к которому приступает данное лицо к работе. Что же касается архивов революционных, то они будут жить пока теми описями, по которым они сдаются в архив. А мы должны составить опись для старых архивов, и я считаю предложенную мною форму практически потребной» [19 с. 37].

Обсуждение вопроса о необходимости активизации информационной деятельности архивов было продолжено и на Втором совещании архивных работников, состоявшемся в декабре 1927 г., несмотря на то, что в отличие от Первой архивной конференции в повестке дня работы совещания не было специального доклада на эту тему. Отметим, что работа самого совещания прошла под знаком, с одной стороны, принятого 28 мая 1927 г. Положения о Едином государственном архивном фонде БССР, законодательно закрепившего фактически существовавший уже с 1923 г. в структуре Минского исторического архива Центральный архив Октябрьской революции БССР, с другой – достигшего своего пика развития краеведческого движения в республике.

В выступлениях многих участников совещания содержались предложения об усовершенствовании разработки научно-справочного аппарата архивов, издании специального бюллетеня ЦАУ БССР и др. Так, ст. архивист Минского исторического архива М.А. Вахаев обращал внимание коллег на крайне низкий информационный уровень карточек, присылаемых архивными учреждениями в Центрархив, и призывал к составлению хороших инвентарных описей, а в последующем – центральной картотеки. Зав. Бобруйским окружным архивом П.Я. Тараймович говорил:

ужо можна падумаць аб выданьні інвэнтарных вопісаў на маючы гістарычны матар'ял, што дасяць мажлівасьць дасьледчыку азнаёміцца з апошнім. Гэтыя опісі патрэбны ў практычнам карыстаньні, так як часта зварочваюцца за выдачай справак, а мы ня ведаем, ці ёсьць гэтакі архматар'ял у гістархівах [20 с. 19].

На совещании не без влияния, как нам представляется, выше упоминавшихся положений докладов и статей И.Л. Маяковского был поднят вопрос о взаимодействии архивных учреждений с истпартотделами ЦК КП(б)Б, библиотечными и музейными учрежде-

ниями, а также краеведческими организациями. С докладом на эту тему выступал М.В. Мелешко⁹.

В принятой по его докладу резолюции подчеркивалась необходимость установления архивными учреждениями на местах более тесной связи с краеведческими организациями, привлечения краеведов к разработке архивов с целью концентрации последних в окружных хранилищах. Совещание пока еще оставляло за музейными и библиотечными учреждениями право хранения архивных фондов и коллекций. Более того, архивные учреждения были готовы передавать им те архивные материалы, «якія не абавязков захоўваць у архіўных установах» [20 с. 33].

Совершенно в духе выше упоминавшейся «диссидентской» статьи И.Л. Маяковского «Архивы как одна из областей краеведческой работы» Д.И. Довгялло предлагал не спешить с концентрацией материалов дореволюционных архивов в исторических архивах. «Добра было б іх захоўваць на месцах, – говорил он, – паступова і па меры магчымасьці выкарыстоўваю мясцовымі працаўнікамі-краязнаўцамі» [20 с. 15].

Однако эти пожелания так и останутся нереализованными в силу обстоятельств, о которых шла речь выше. Это совещание, на наш взгляд, стало последним научным форумом белорусских архивистов, на котором еще был возможен плюрализм мнений его участников. Для последующих совещаний характерным станет жесткое регламентирование обсуждаемых вопросов, узкий состав участников (в основном – руководящие работники архивных учреждений).

Разумеется, в подобных условиях не могла быть реализована информационная функция архивов. Рассматривая архивы в качестве «острого политического и идеологического оружия», партийное руководство республики негативно реагировало на любые попытки белорусских архивистов сделать более доступным информационный потенциал, заключенный в сохраняемых ими документах. Такой вывод можно сделать, исходя из обращения А.Р. Иодко в начале 1930-х гг. в Президиум ЦИК БССР с инициативой издания ежеквартальника «Архіў Савецкай Беларусі», публикации обзоров архивных фондов, каталогов, архивных описей и т. п. Эта инициатива, оформленная в виде докладной записки, прежде чем попасть

⁹ Текст доклада М.В. Мелешко отсутствует среди материалов совещания, однако мы предполагаем, что основные его положения были изложены автором в статье «Краязнаўства і архівы Беларусі», опубликованной в № 11 журнала «Наш край» за 1927 год.

туда, куда была адресована, побывала в Культпропе ЦК КП(б)Б, чиновник которого оставил на ней свою резолюцию «о немэтазгоднасці выдання». После нее высшее должностное лицо республики – А.Г. Червяков – вынужден был согласиться с мнением партийного клерка [21 л. 18–21].

В конце 1930-х гг. информационная деятельность государственных и партийных архивов приобретает достаточно узкую направленность, прежде всего – на обеспечение соответствующей информацией вышестоящие партийные и государственные органы. Здесь мы имеем в виду начавшуюся с 1935 г. по всей стране, включая Беларусь, проверку партийных документов¹⁰, а также соответствующую работу по выявлению «контрреволюционного элемента» в Западной Беларуси, которая была начата после 17 сентября 1939 г. Разумеется, в этих условиях для реализации научно-информационной функции архивов не оставалось ни места, ни времени.

Литература

1. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. ГОСТ 16487-70. Издание официальное. М.: Госкомстандарт Совета Министров СССР, 1970.
2. *Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Архивы и революция. М.: РГГУ, 2007. 171 с.
3. Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001. 396 с.
4. По воле народа: Из истории образования БССР и создания КПБ: Документы и материалы / сост. М.Ф. Шумейко и др. Мн.: Беларусь, 1988. 256 с.
5. *Шумейко М.Ф.* Университет и Центрархив: история взаимоотношений // Архивы и делопроизводство. 2016. № 6. С. 89–97.
6. Архивное дело в БССР (1918–1968). Сборник законодательных и руководящих документов. Минск: Полымя, 1972. 142 с.
7. *Хорхордина Т.И.* «Неизвестный» И.Л. Маяковский (1878–1954). М.: РГГУ, 2001. 96 с.
8. *Покровский М.Н.* Всероссийская конференция архивных деятелей. Москва. 29 сен. – 3 окт. 1921 г. // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 102–126.
9. Протоколы 1 съезда архивных деятелей РСФСР. 14–19 марта 1925 г. М., 1926.

¹⁰ Объем справочной работы был так велик, что ЦК КП(б)Б в июле 1935 г. вынужден был даже принять специальное постановление «О помощи Могилевскому партархиву в связи с проверкой партдокументов» [22 л. 56].

10. Архивное дело. 1926. Вып. V–VI.
11. Архивное дело. 1926. Вып. VII.
12. Краеведение. 1927. № 1.
13. *Зайдель С.Г., Цвибак М.М.* Классовый враг на историческом фронте. М.; Л., 1931. 232 с.
14. *Брачев В.С.* Служители исторической науки. Академик С.Ф. Платонов. Профессор И.Я. Фроянов. СПб., 2010. 762 с.
15. *Шумейко М.Ф.* Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло. Минск, 2002.
16. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1923. № 72. Ст. 703; № 76. Ст. 740.
17. НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 287.
18. НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 297.
19. Первая всебелорусская конференция архивных работников. 12–15 мая 1924 г. Док. и мат. Минск: БелНИИДАД, 1999.
20. Второе совещание архивных работников Беларуси 19–24 декабря 1927 г. Док. и мат. Минск: БелНИИДАД, 2001.
21. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2848.
22. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 7747.

References

1. Records management and archival work. Terms and definitions. GOST 16487-70. Official publication. Moscow: Goskomstandart Soveta Ministrov SSSR Publ.; 1970. (In Russ.)
2. Starostin YV., Khorkhordina TI. Archives and Revolution. Moscow: RGGU Publ.; 2007. 171 p. (In Russ.)
3. Avtokratov VN. Theoretical issues of the national archivistics. Moscow: RGGU Publ.; 2001. 396 p. (In Russ.)
4. Shumeiko MF, comp. By the will of the people: From the history of the formation of BSSR and creation of the Communist Party of Belarus: Documents and materials. Minsk: Belarus' Publ.; 1988. 256 p. (In Russ.)
5. Shumeiko MF. University and Central Archive. History of relations. *Arhivny i deloproizvodstvo*. 2016;6:89-97. (In Russ.)
6. Archival work in BSSR (1918–1968). Collection of legislative and regulatory documents. Minsk: Polymya Publ.; 1972. 142 p. (In Russ.)
7. Khorkhordina NI. “Unknown” I.L. Mayakovsky (1878–1954). RGGU Publ.; 2001. 96 p. (In Russ.)
8. Pokrovskii MN. The All-Russian Conference of Archival Activists. Moscow. Sept. 29 – Oct. 3 1921. *Arhivnoye Delo*. 1923;1:102-126. (In Russ.)
9. Minutes of the I Congress of Archival Activists of RSFSR. March 14–19, 1925. Moscow, 1926. (In Russ.)

10. Archivnoye Delo 1926. Vol. 5-6. (In Russ.)
11. Arhivnoye Delo 1926. Vol. 7. (In Russ.)
12. Krayevedeniye. 1927. Vol. 1. (In Russ.)
13. Zaidel SG., Tsvibak MM. Class enemy at the historical front. Moscow; Lenin-grad, 1931. 232 p. (In Russ.)
14. Brachev VS. Servants of the historical science. Academician S.F. Platonov, Pro-fessor I.Y. Froyanov. Sankt-Peterburg, 2010. 762 p. (In Russ.)
15. Shumeiko MF. Archivist and archaeographer Dmitry Ivanovich Dovgiallo. Minsk, 2002. (In Russ.)
16. Collection of legal acts and orders of the workers' and peasants' government. Moscow, 1923. № 72. Art. 703; № 76. Art. 740. (In Russ.)
17. National archives of The Republic of Belarus (NARB). Fond 249. Opis' 1. Delo 287.
18. NARB. Fond 249. Opis' 1. Delo 297.
19. The First All-Belarusian Conference of Archival Workers. May 12–15, 1924. Documents and proceedings. Minsk: BelNIIDAD Publ.; 1999. (In Russ.)
20. The Second Meeting of Archival Workers of Belarus. Dec. 19–24, 1927. Docu-ments and proceedings. Minsk; BelNIIDAD Publ.; 2001. (In Russ.)
21. NARB. Fond 6. Opis' 1. Delo 2848.
22. NARB. Fond 4p. Opis' 1. Delo 7747.

Информация об авторе

Михаил Ф. Шумейко, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь; Республи-ка Беларусь, Минск, 220030, пр. Независимости, 4; jesti@inbox.ru

Information about the author

Mikhail F. Shumeiko, PhD in History, associate professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus; Republic of Belarus, Minsk, av. Ne-zavisimosty, bld. 4, 220030; jest@inbox.ru

«Еврейская секция» при Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи: реконструкция и судьба архивного собрания

Дмитрий З. Фельдман

*Российский государственный архив древних актов,
Москва, Россия, dzfeldman@rambler.ru*

Аннотация. Статья, базирующаяся на документах Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива древних актов, а также на ряде путеводителей по государственным архивам России, посвящена практически неизвестной странице истории функционирования Российского государственного архива древних актов, который в 1931–1941 гг. именовался Государственный архив феодально-крепостнической эпохи.

В его составе существовала «Еврейская секция», состоявшая из документальных материалов, фондообразователями которых были различные еврейские общества, организации и учреждения, а также еврейские общественные и политические деятели и деятели культуры. Указанные документы находились на секретном хранении, поскольку все исследования в области академической иудаики в начале 1930-х гг. были свернуты. Поэтому главной задачей «Еврейской секции» было исключительно собирание и хранение документальных материалов еврейского происхождения.

В статье приводится полный список фондов и фондообразователей «Еврейской секции», их объем и хронологические рамки, а также указываются государственные архивы, которым были переданы эти документы. Процесс передачи материалов «Еврейской секции» в другие архивы начался в Центральном государственном архиве древних актов в 1971 г., последние непрофильные фонды были переданы из Российского государственно-го архива древних актов в 1993 г.

Автор статьи делает вывод, что «Еврейская секция» определенным образом выполнила свою функцию, сохранив для современного исследователя обширный комплекс документальных источников по истории российского еврейства XVIII – первой трети XX в.

Ключевые слова: государственные архивы, РГАДА, академическая иудаика, еврейские организации и учреждения, еврейские личные фонды, история российских евреев, XX век

The “Jewish Section” at state archives of the Feudal Era. Reconstruction and fate of the archival collection

Dmitry Z. Feldman

*Russian State Archives of Ancient Acts,
Moscow, Russia; dzfeldman@rambler.ru*

Abstract. The article is based on documents of State archive of Russian Federation and Russian state archives of ancient acts, as well as several guides to the state archives of Russia. It is devoted to almost unknown page of the history of functioning of Russian State Archives of Ancient Acts, named in 1931–1941 State Archives of the Feudal Era.

In its structure there was the “Jewish section”, consisted of documentary materials, the fund formers of which were various Jewish companies, organizations and institutions, as well as the Jewish public and political figures and workers of culture. Those documents were at the secret storage because all the research in the field of academic Judaica was curtailed in the early 1930s. Therefore, the main task of the “Jewish section” was only collection and storage of documentary materials of the Jewish origin.

The article provides a complete list of funds and founders of the “Jewish section”, its scope and timelines, and identifies the state archives, where to those documents were transferred. Transferring process of materials of the “Jewish section” to other archives began in Central State Archives of Ancient Acts in 1971, the last non-core funds were transferred from Russian State Archives of Ancient Acts in 1993.

The author concludes that “Jewish section” in a certain way did its function, saving extensive complex of documentary sources on the history of Russian Jewry of the 18th – the first third of the 20th century for nowadays researchers.

Keywords: state archives, RGADA, academic Judaica, Jewish organizations and institutions, Jewish personal funds, history of Russian Jews, the 20th century

Введение

Постреволюционная эпоха в нашей стране отмечена кардинальными преобразованиями в области архивного дела. Как известно, в сентябре 1931 г. Древлехранилище Московского отделения Центрального исторического архива РСФСР было переименовано в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ) [1 л. 42]. Это переименование было вызвано попыткой Центрального архивного управления (ЦАУ) РСФСР построить сеть государственных архивов по общественно-экономическим формациям: феодально-крепостнической и капиталистической. Однако указанная схема построения архивной сети государства оказалась нежизненной, поскольку при ее осуществлении была бы разрушена сложившаяся на протяжении многих лет сеть государственных архивов и нарушена целостность архивных фондов, то есть оказались бы раздробленными архивные фонды одних и тех же учреждений на две самостоятельные части, что противоречило принципу недробимости фондов. В связи с этим намеченная архивная реформа не была реализована и лишь косвенно отразилась на документах более древнего периода.

По «Положению» о ГАФКЭ 1935 г. архив, находившийся теперь в ведении ЦАУ СССР, должен был быть «центральным научно-исследовательским органом государственных документальных фондов феодально-крепостнической эпохи» [2 с. 71]. В ГАФКЭ, ставшим центральным хранилищем документальных материалов за наиболее ранний период истории России, были сохранены все составные части Древлехранилища МОЦИА, то есть все исторически сложившиеся комплексы документов, входившие в состав последнего. В процессе функционирования ГАФКЭ из него в другие хранилища передавались непрофильные документы; в то же время в этот архив поступали на хранение документальные комплексы из других хранилищ. С созданием в 1941 г. новой сети госархивов Государственный архив феодально-крепостнической эпохи был переименован в Центральный государственный архив древних актов СССР (ЦГАДА СССР) – ныне Российский государственный архив древних актов (РГАДА)¹.

РГАДА унаследовал все документальные комплексы, находившиеся на хранении в ГАФКЭ, в том числе непрофильные архивные фонды. Одной из неизвестных страниц истории ГАФКЭ является

¹ См. подробнее об истории Государственного архива феодально-крепостнической эпохи: [2 с. 70–78].

наличие в его составе «Еврейской секции», материалы которой «по наследству» перешли в ЦГАДА СССР. Чем объяснить выделение архивных материалов по истории и культуре российского еврейства в особый отдел? По всей видимости, это было вызвано постепенным свертыванием в СССР научных исследований в области академической иудаики к началу 1930-х гг. Возведение идеологических преград в отечественной науке и культуре в эти годы потребовало обособления документов по еврейской истории, тем более непрофильных, от внимания научной общественности, а также – видимо – перевода их на секретное хранение. Сегодня благодаря сохранившемуся в отделе обеспечения сохранности и государственного учета документов РГАДА машинописному Списку фондов «Еврейской секции» при ГАФКЭ и некоторым другим учетным материалам нам удалось восстановить состав этого практически неизвестного архивного собрания, поскольку составлявшие его фонды в свое время были переданы в различные государственные архивы. Собственно, реконструировать состав данного документального комплекса и проследить его бытование мы поставили себе задачей нашего исследования.

Состав и бытование «Еврейской секции» при ГАФКЭ

Всего в составе «Еврейской секции», согласно списку, находилось 30 фондов, в том числе 17 – различных еврейских общественных и религиозных организаций, учреждений, научных и учебных заведений, и 13 – фонды личного происхождения. Объем фондов в списке был выражен в папках, книгах, делах, документах и, как правило, дублировался в килограммах (в случае большого количества материалов). В ряде случаев отсутствует информация о хронологических рамках фондов, а также о дальнейшей их судьбе – это касается в основном мелких документальных комплексов, состоявших из нескольких архивных дел. Судя по всему, материалам «Еврейской секции» архивные номера не присваивались, то есть они имели статус непрофильных – собственно, такими они и являлись, пока хранились в РГАДА и, соответственно, в научный оборот не вводились. На это же косвенно указывает и предлог «при» в названии подразделения: «секция при архиве», а не «секция архива».

Большая часть составлявших «Еврейскую секцию» фондов, согласно учетным документам РГАДА, была передана в другие архивохранилища в 1971 г. Последним шести из них, еще остававшимся

здесь, новое, окончательное место хранения нашлось только более 20 лет спустя, в 1993 г.

Рассмотрим каждый из составлявших «Еврейскую секцию» фондов и их фондообразователей. После краткой аннотации в скобках указано современное состояние фонда (номер, количество дел и хронологические рамки), что позволяет сравнить эти сведения с информацией об архивных материалах во время их нахождения в составе «Еврейской секции» и при передаче из ЦГАДА (РГАДА):

Московское отделение Общества для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ). Хронологические рамки: 1896–1916 гг. Объем по списку: приблизительно 108 кг. Передан из РГАДА в Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ; ныне Центральный государственный архив г. Москвы – ЦГА Москвы) в 1993 г. – 285 ед. хр. (ф. 2309, 319 ед. хр., 1896–1927).

Московское отделение Общества ремесленного и земледельского труда среди евреев в России (ОРТ). Хронологические рамки: 1910–1930 гг. Объем по списку: 37 папок и 4 книги (58 кг). Передан из РГАДА в ЦИАМ в 1993 г. – 95 ед. хр. (ф. 1404, 106 ед. хр., 1903–1930).

Центральный комитет Общества охранения здоровья еврейского населения в России (ОЗЕ; г. Петроград). Хронологические рамки: 1912–1921 гг. Объем по списку: 2 дела. Передан из РГАДА в ЦИАМ в 1993 г. – 19 ед. хр.

Московское отделение Общества охранения здоровья еврейского населения (МОЗЕН). Объем по списку: 3 дела. Отдельная запись о передаче отсутствует. Видимо, фонд ЦК ОЗЕ объединен с фондом МОЗЕН, а затем передан в ЦИАМ в 1993 г. (ф. 1454, 25 ед. хр., 1912–1922).

Общество распространения правильных сведений о евреях и еврействе России (ОРПАС). Хронологические рамки: 1905–1923 гг. Объем по списку: 4 дела. Передан из ЦГАДА в Центральный государственный исторический архив СССР в г. Ленинграде (ЦГИА СССР; ранее ЦГИАЛ; ныне Российский государственный исторический архив – РГИА) в 1971 г. – 61 ед. хр.

Общество взаимопомощи провизоров-евреев. Объем по списку: 2 кг. Отдельная запись о передаче отсутствует. Документы фонда включены в личный фонд Каценельсона А.Ш. (председателя общества), а затем переданы в Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР; ныне Государственный архив Российской Федерации – ГА РФ) в 1971 г.

Лига помощи голодающим евреям в занятых неприятелем местностях (ЛИГОПЕ). Объем по списку: 4 дела. Отдельная запись о

передаче отсутствует. Видимо, передан из ЦГАДА в ЦГАОР в 1971 г. (ф. Р-9529, 8 ед. хр., 1917–1919).

Хозяйственное правление для еврейских молитвенных учреждений г. Москвы. Хронологические рамки: 1881–1929 гг. Объем по списку: 24 папки (20 кг). Передан из РГАДА в ЦИАМ в 1993 г. – 219 ед. хр. (ф. 1456, 331 ед. хр., 1870–1929).

Центральное управление еврейских общин в России (ЦЕВААД). Хронологические рамки: 1918–1919 гг. Объем по списку: 10 папок (7 кг). Передан из ЦГАДА в ЦГАОР в 1971 г. – 33 ед. хр. (ф. Р-9531, 48 ед. хр., 1918–1920).

Совет Петроградской еврейской общины. Хронологические рамки: 1917–1919 гг. Объем по списку: 2 дела. Передан из ЦГАДА в Ленинградский государственный исторический архив (ЛГИА; ныне Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга – ЦГИА СПб) в 1971 г. – 13 ед. хр.

Московская еврейская демократическая община. Хронологические рамки: 1917–1919 гг. Объем по списку: 11 дел. Передан из РГАДА в ЦИАМ в 1993 г. – 105 ед. хр. (ф. 1455. Московская еврейская община, 112 ед. хр., 1904–1927).

Комитет по реорганизации Московской еврейской общины (Комиссия по реорганизации МЕО). Объем по списку: 5 дел. Отдельная запись о передаче отсутствует. Документы фонда включены в фонд Московской еврейской общины, а затем переданы в ЦИАМ в 1993 г.

Еврейская историческая комиссия при Отделе просвещения национальностей Наркомата просвещения РСФСР. Хронологические рамки: 1919–1926 гг. Объем по списку: 2 дела. Передан из ЦГАДА в Центральный государственный архив РСФСР (ЦГА РСФСР; ныне ГА РФ) в 1971 г. – 26 ед. хр. (в составе ф. А-296. Отдел по просвещению национальностей Наркомпроса РСФСР; Комитет по просвещению национальностей РСФСР (Комнац) Наркомпроса РСФСР, 646 ед. хр., 1918–1934).

Институт для изучения еврейской истории, филологии и литературы. Хронологические рамки: 1921 г. Объем по списку: 1 дело. Передан из ЦГАДА в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ СССР; ныне Российский государственный архив литературы и искусства – РГАЛИ) в 1971 г. – 11 ед. хр.

Московский еврейский народный университет. Хронологические рамки: 1918–1922 гг. Объем по списку: 10 дел. Передан из ЦГАДА в ЦГАОР в 1971 г. – 26 ед. хр. (ф. Р-9530. Еврейский народный университет, 26 ед. хр., 1918–1922).

Всероссийский съезд еврейских демократических общин (г. Москва, 30 июня – 5 июля 1918 г.). Хронологические рамки: 1917–1919 гг. Объем по списку: 7 дел. Передан из ЦГАДА в ЦГАОР в 1971 г. – 27 ед. хр. (ф. Р-9528. Всероссийский еврейский съезд, 34 ед. хр., 1917–1918).

Абельское общество Ново-Александровского уезда быв. Ковенской губернии. Объем по списку: 112 книг (14 кг). Отдельная запись о передаче отсутствует. Метрические книги Абельского еврейского общества для записи евреев, родившихся, бракосочетавшихся и умерших (пинкасы). 1881–1907, 1915 гг. включены в фонд Хозяйственного правления еврейских молитвенных учреждений г. Москвы, а затем переданы в ЦИАМ в 1993 г.

Ан-ский Семен Акимович (Раппопорт Шлойме-Занвл, Соломон) (1863–1920) – русский и еврейский писатель, поэт, драматург, публицист, этнограф, общественный и политический деятель. Хронологические рамки: XVIII в. – 1922 г. Объем по списку: 14 документов. Передан из ЦГАДА в ЦГАЛИ в 1971 г. – 11 ед. хр. (ф. 2583, 11 ед. хр., 1915–1918).

Белковский Григорий (Цви) Александрович (1865–1948) – юрист, еврейский общественный и политический деятель, активист сионистского движения. Хронологические рамки: 1918–1919 гг. Объем по списку: 3 папки (2 кг). Передан из ЦГАДА в ЦГАОР в 1971 г. – 10 ед. хр. (ф. Р-9536, 10 ед. хр., 1918–1919).

Бомаш Меер Хаимович (1861 – после 1934) – врач, еврейский общественный и политический деятель, член IV Государственной думы. Хронологические рамки: 1908–1917 гг. Объем по списку: 4 папки и 1 пачка (9 кг). Передан из ЦГАДА в ЦГАОР в 1971 г. – 139 ед. хр. (ф. 9458, 170 ед. хр., 1911–1917).

Брауде Хаим Иезекиелевич (Изикович) – демограф, еврейский общественный деятель. Хронологические рамки: 1914–1918 гг. Объем по списку: 1 папка (3 кг). Передан из ЦГАДА в ЦГИА в 1971 г. – 9 ед. хр.

Вермель Самуил Соломонович (1860–1940) – врач, литературовед, публицист. Хронологические рамки: 1902–1927 гг. Объем по списку: 4 дела. Передан из ЦГАДА в ЦГАЛИ в 1971 г. – 18 ед. хр. (ф. 119, 71 ед. хр., 1872–1943).

Гавронский Осип Бенедиктович (Ошер Бендетович) (1843–1908) – библиофил, гебраист, еврейский общественный деятель. Хронологические рамки: 1868–1917 гг. Объем по списку: 5 папок (5,5 кг) и 48 книг. Передан из ЦГАДА в ЦГИА в 1971 г. – 84 ед. хр. (ф. 1692, 84 ед. хр., 1868–1940). В фонде имеется список книг частной библиотеки О.Б. Гавронского, переданных в Еврейскую историческую комиссию и библиотеку ГАФКЭ.

Каценельсон (Кацнельсон) Александр (Айзик) Шмеркович (С.) (18?? – после 1930) – провизор, историк московского еврейства, публицист, еврейский общественный деятель. Хронологические рамки: 1902–1930 гг. Объем по списку: 11 папок (16,5 кг). Передан из ЦГАДА в ЦГАОР в 1971 г. – 116 ед. хр. (ф. Р-9534, 117 ед. хр., 1905–1924).

Коцына Софья Рафаиловна (1873 – после 1940) – библиотечный работник, историк, архивист, еврейский общественный деятель. Хронологические рамки: 1903–1934 гг. Объем по списку: 31 дело. Передан из ЦГАДА в ЦГАОР в 1971 г. – 79 ед. хр. (ф. Р-9535, 81 ед. хр., 1888–1937).

Лейзерович Ицък Эльяшевич (Л.) (псевд. Л.И. Лазарев) (1879–[1927]) – писатель. Хронологические рамки: 1902–1917 гг. Объем по списку: 20 документов. Передан из ЦГАДА в ЦГАЛИ в 1971 г. – 39 ед. хр. (ф. 2584, 46 ед. хр., 1902–1917).

Мазе (Мазэ) Яков Исаевич (1859/1860–1924), московский общественный раввин (1893–1924), еврейский общественный деятель, публицист. Хронологические рамки: 1881–1918 гг. Объем по списку: 49 папок (31 кг). Предполагался к передаче в 1971 г. в Государственный архив Московской области (ГАМО), но передан не был. Передан из РГАДА в ЦИАМ в 1993 г. – 186 ед. хр. (ф. 1457. Московский общественный раввин, 76 ед. хр., 1893–1918).

Марек Петр (Песах) Семенович (1862–1920) – историк русского еврейства, фольклорист, еврейский общественный деятель. Хронологические рамки: 1842–1920 гг. Объем по списку: 747 документов (6,5 кг). Передан из ЦГАДА в ЦГАОР в 1971 г. – 345 ед. хр. (ф. Р-9533, 345 ед. хр., 1718–1920).

Мотылев Лазарь Евнович (1895 – после 1938) – присяжный поверенный, еврейский общественный и политический деятель. Хронологические рамки: 1902–1935 гг. Объем по списку: 4 дела (32 кг). Передан из ЦГАДА в ЦГАОР в 1971 г. – 89 ед. хр. (ф. Р-9532, 94 ед. хр., 1901–1935). В фонде имеется заявление Л.Е. Мотылева в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи о передаче в архив коллекции печатных и документальных материалов по антисемитизму и истории еврейской общественности (1933–1935).

Остен-Сакен Федор Романович, барон (1832–1916) – путешественник, ученый, российский государственный деятель. Объем по списку: 336 газетных вырезок по еврейскому вопросу, 34 книги и 32 журнала. Включен в основной состав ЦГАДА (ф. 1385, 2019 ед. хр., 1738 (коп. с 1689) – 1914).

В то же время в Списке фондов «Еврейской секции» при ГАФКЭ отсутствуют записи о двух фондах, исключенных впослед-

ствии вместе с другими материалами из состава ЦГАДА, однако мы полагаем, что они тем не менее входили в эту секцию:

[Еврейское] общество оказания помощи пострадавшим от войны и погромов (ЕВОПО). Хронологические рамки: 1914–1928 гг. Передан из ЦГАДА в ЦГАОР в 1971 г. – 97 ед. хр. (ф. Р-9538, 250 ед. хр., 1914–1930).

Общество земельного устройства трудящихся евреев (ОЗЕТ). Хронологические рамки: 1923–1936 гг. Передан из ЦГАДА в ЦГАОР в 1971 г. – 10 ед. хр. (ф. Р-9498. Всесоюзное общество по земельному устройству трудящихся евреев, 668 ед. хр., 1925–1938).

В Государственном архиве Российской Федерации сохранились документы, касающиеся вопроса о передаче непрофильных материалов ЦГАДА СССР в другие архивы Советского Союза. В декабре 1971 г. из ЦГАДА в ЦГАОР СССР передаются на основе распоряжения Главного архивного управления (ГАУ) при Совете Министров СССР № 4/3009 от 20 октября 1971 г., как уже было отмечено выше, фонды еврейских обществ и еврейских общественных организаций. Вместе с фондами Всероссийского еврейского съезда, Еврейского народного университета, Общества земельного устройства трудящихся евреев и др. в архив на секретное хранение поступают личные фонды общественных деятелей Л.Е. Мотылева, П.С. Марека, А.С. Каценельсона, С.Р. Коцыной, Г.А. Белковского и М.Х. Бомаша [3 л. 174–175; 4 с. IX]. (Видимо, реалии советской эпохи, отмеченные государственным антисемитизмом, не позволяли открыть данные документы для широкой научной общественности.) Одновременно ряд личных фондов еврейских общественных деятелей был передан из ЦГАДА в другие архивы. Так, личные фонды общественных деятелей Х.И. Брауде и О.Е. Гавронского передаются в Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде, личные фонды еврейских писателей С.А. Анского (Раппопорта), С.С. Вермеля, И.Л. Лейзеровича – в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, а личный фонд московского раввина Я.И. Мазе предполагалось передать в Государственный архив Московской области [3 л. 182–184].

Кстати, С.Р. Коцына, которая с 1927 г. занималась общественной работой по изучению еврейской истории, литературы и языка, а также библиотечной деятельностью, в 1920–1932 гг. собирала и описывала еврейские архивы (фонды) и документы П.С. Марека, С.С. Вермеля, И.Л. Лейзеровича, О.Б. Гавронского, Х.И. Брауде и др. В августе 1932 г. она сдала их на хранение в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи и стала работать там по дальнейшему собиранию еврейских фондов [4 с. 223]. В делопроиз-

водственной документации РГАДА сохранились отчеты Еврейского отдела и Еврейской секции при Особом отделе Центрального архивного управления за март–май 1933 г. о поступлении и обработке С.Р. Коцыной личного архива еврейского общественного деятеля Л.Е. Мотылева, получившего статус секретности [5 л. 1–3].

Заключение

Подводя итоги сказанному, приведем некоторые статистические сведения. «Еврейская секция» при ГАФКЭ состояла из 32 (а не 30) фондов; из них 19 (а не 17) – фонды еврейских организаций и учреждений, 13 – личные фонды. Первая крупная передача документальных материалов бывшей «Еврейской секции» состоялась в 1971 г., когда в ЦГАОР СССР передали 11 фондов, в ЦГАЛИ СССР – 4 фонда, в ЦГИА СССР (ЦГИАЛ) – 3 фонда, в ЦГА РСФСР и ЛГИА – по 1 фонду. В 1993 г. произошла передача 6 еврейских фондов в ЦИАМ [6 с. 7,14–22,25–27,28–40,41–53,54–58,59–81]. По 6 фондам из Списка фондов «Еврейской секции» сведений о передаче в другие архивы нет, однако мы выяснили их дальнейшее бытование: некоторые были присоединены к родственным фондам и уже в их составе переданы в другие хранилища (МОЗЕН, Комитет по реорганизации МЕО, Абельское общество – в ЦИАМ, ныне ЦГА Москвы); Общество взаимопомощи провизоров-евреев – в ЦГАОР СССР, ныне ГА РФ); некоторые зафиксированы в современных архивных справочниках в качестве самостоятельных фондов (ЛИГОПЕ – в ГА РФ, Остен-Сакен Ф.Р. – в РГАДА). Главной задачей «Еврейской секции» было собирание и хранение находившихся под грифом секретности документальных материалов, фондообразователями которых были еврейские общества, организации и учреждения, а также еврейские общественные и политические деятели и деятели культуры. В период функционирования секции при ГАФКЭ данные документы обработке не подвергались. И только находясь в составе ЦГАДА (РГАДА), эти непрофильные материалы прошли обработку и описание: из папок, пачек, дел, книг были сформированы архивные единицы хранения, после чего произошла их передача в другие архивы с соответствующей постановкой на учет. Таким образом, мы можем констатировать, что «Еврейская секция» при ГАФКЭ определенным образом выполнила свою функцию, сохранив для современного исследователя обширный комплекс документальных источников по истории российского еврейства XVIII – первой трети XX в.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5325 (Главархив СССР). Оп. 1. Д. 9.
2. Дремина Г.А., Крайская З.В., Кононов Ю.Ф. Центральный государственный архив древних актов СССР // Государственные архивы СССР. Уч. пособие / под ред. В.В. Максакова. М.: МГИАИ, 1960. С. 37–109.
3. ГА РФ. Ф. Р-5142 (ЦГАОР СССР). Оп. 1. Д. 945.
4. Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель. В 6 т. Т. 5: Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000 гг.) / отв. ред. С.В. Мироненко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 672 с.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Архив архива. Оп. 1. Д. 34а.
6. Документальные материалы по истории и культуре евреев в фондах Центрального исторического архива Москвы: Путеводитель / сост. Д.З. Фельдман, Ю.Г. Крутиков. М.: Дом еврейской книги; Древлехранилище, 2006. 96 с.

References

1. State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fond R-5325 (Glavarkhiv of the USSR). Opis' 1. Delo 9.
2. Dryomina GA., Kraiskaya ZV., Kononov YuF. Central State Archives of Ancient Acts of the USSR. V: Maksakova V.V., ed. State Archives of the USSR. Textbook. Moscow: MGIAI Publ.; 1960. p. 37-109. (In Russ.)
3. GA RF. Fond R-5142 (TsGAOR of the USSR). Opis' 1. Delo 945.
4. Mironenko SV., ed. State Archives of the Russian Federation. Guide. In 6 vols. Vol. 5. Personal funds in State Archives of the Russian Federation (1917–2000). Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ.; 2001. 672 p. (In Russ.)
5. Russian State Archives of Ancient Acts. (RGADA). Archives of Archives. Opis' 1. Delo 4a.
6. Feldman DZ., Krutikov YuG., comp. Documentary Materials on the History and the Culture of the Jews in Funds of Central Historical Archives of Moscow. Guide. Moscow: Dom evreiskoi knigi; Drevlekhranilishche Publ.; 2006. 96 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Дмитрий З. Фельдман, кандидат исторических наук, Российский государственный архив древних актов, Москва, Россия; Россия, Москва, 119435, ул. Большая Пироговская, д. 17; dzfeldman@rambler.ru

Information about the author

Dmitry Z. Feldman, PhD in History, Russian State Archives of Ancient Acts, Moscow, Russia; bld. 17, Bolshaya Pirogovskaya st., Moscow, Russia, 119435; dzfeldman@rambler.ru

Перестройка
в комплектовании государственных архивов.
Сущность, реализация, осмысление
(Российская Федерация, 1960–1980-е гг.)

З.П. Иноземцева

*Центральный совет Российского общества историков-архивистов,
Москва, Россия, zinaida33@bk.kg*

Аннотация. В данной статье освещается история перестройки в комплектовании Государственных архивов Российской Федерации, осуществленной в 1960–1980-е гг. Сущность перестройки и меры ее практической реализации, выразившиеся в ограничительном подходе к определению круга учреждений и организаций, документы которых подлежат приему в государственные архивы, рассматриваются в историческом контексте. Автор показал, что идеи перестройки в комплектовании архивов документами советских учреждений были сформулированы архивистами довоенного времени Б.И. Анфиловым, Л.И. Полянской, З.Н. Нагоровой, О.Е. Карнауховой. Эти идеи получили развитие и теоретическое обоснование по окончании Великой Отечественной войны в трудах К.Г. Митяева, И.С. Назина, В.В. Цаплина, А.В. Елпатьевского, Н.А. Орловой и других ученых и специалистов в области архивного дела. Практическая реализация этих идей в Российской Федерации осуществлялась совместно с союзно-республиканскими и республиканскими министерствами и ведомствами при поддержке и на основании распорядительных актов Совета Министров Российской Федерации. В статье предпринята попытка осмысления результативности перестройки в комплектовании, определившей структуру и информативность источниковой базы Архивного Фонда Российской Федерации. Рассмотрены проблемные и нерешенные вопросы теоретического и практического характера. Сформулирован вывод о необходимости исследования репрезентативности источниковой базы советской эпохи.

Ключевые слова: комплектование госархивов, оптимизация архивного фонда РФ, источники комплектования госархивов, Главархив РСФСР, делопроизводство

Reorganization in the State archives acquisition.
Essence, realization, reflection
(Russian Federation, 1960–1980)

Z.P. Inozemtseva

*Central Council of the Russian Society of Historians and Archivists,
Russia, Moscow, zinaida33@bk.kg*

Abstract. This article covers the history of the reorganization in the State archives acquisition of the Russian Federation carried out in 1960–1980-s. Its essence and measures for its implementation, through the restrictive approach to the definition of a range of institutions and organizations whose documents are subject to admission to public archives are discussed in historical context. The author showed that ideas of reorganization in the archives acquisition with Soviet agencies documents were formulated by pre-war archivists B.I. Anfilov, L.I. Polyanskaya, Z.H. Nagorova, O.E. Karnauhova. Those ideas got their development and theoretical justification after the end of the Great Patriotic War in the writings of C.G. Mityaev, I.S. Nazin, V.V. Tsaplin, A.V. Elpatievsky, N.A. Orlova and other scientists and specialists in the field of archives. The practical implementation of those ideas in the Russian Federation carried out jointly alongside the Union-Republican and Republican ministries and agencies with support of the Council of Ministers of the Russian Federation and basing on its regulatory acts. The article attempted to understand an impact of reorganization in the archives acquisition that determined the structure and informative value of archival fund of the Russian Federation source base. Challenging and unresolved issues of theoretical and practical nature are also considered. A conclusion is made on the need of the representativeness study for source base of the Soviet era.

Keywords: acquisition of State archives, optimization of archival fund of the Russian Federation, sources acquisition of the State archives, RSFSR State archive, records management

1960–1980-е гг. вошли в историю архивного дела как период масштабной перестройки в комплектовании государственных архивов, которая определила структурно-содержательные параметры Архивного фонда Российской Федерации. Подходы к формированию источниковой базы изучения истории России XX века были заложены именно в этот период (добавим: *со всеми достоинствами и невосполнимыми утратами*).

Сущность перемен, – как их емко определил В.П. Козлов, – заключалась в увязке вопросов комплектования и экспертизы ценности документов, а также в признании приоритета материалов, подлежащих приему в государственные архивы, перед документами временного хранения. В сфере комплектования первостепенными становились задачи по определению круга учреждений и состава, подлежащих государственному хранению документов, а в области экспертизы и фондирования – по целенаправленному обеспечению полноценного наполнения и правильной организации ГАФ СССР [1 с. 23].

Идеи перестройки комплектования государственных архивов документами советских учреждений впервые были высказаны уже в предвоенный период Б.И. Анфиловым [2 с. 3–17], Л.И. Полянской [3 с. 39–54], З.Н. Нагоровой и О.Е. Карнауховой [4 с. 94–140]. В их трудах мы находим конструктивные суждения о нецелесообразности хранения документов с повторяющейся информацией («тождественного содержания»), о том, что не во всяком учреждении откладывается исторически ценная документация, что главным обеспечивающим средством сохранения полноценной источниковой базы по истории советского государства является контроль за постановкой документальной части делопроизводства со стороны архивных учреждений. Положение о Государственном архивном фонде СССР и сети государственных архивов, утвержденное СНК СССР 29 марта 1941 г., определило высокий статус полномочий ГАУ НКВД СССР и его органов на местах в отношении архивов учреждений, организаций и предприятий. В центральных органах государственного управления создавались архивы на правах самостоятельных отделов и управлений. Центральные государственные архивы получали статус научно-исследовательских организаций. Война помешала реализации этого Положения. Но идеи предвоенного времени не были забыты и зазвучали в первые же послевоенные годы в трудах К.Г. Митяева [5 245 с.], И.С. Назина [6 с. 201–218]. Положение о предварительной экспертизе документов на делопроизводственной стадии при установлении сроков хранения документов в номенклатурах дел пробивало себе дорогу в поисках теоретического и практического осмысления проблемы комплектования государственных архивов документами советской эпохи.

Перестройка началась вскоре после XX съезда КПСС (1956 г.) и проходила она в русле и под влиянием крупных преобразований в государственной и общественно-политической жизни страны.

В 1958 г. архивная служба из закрытой системы МВД СССР была передана в ведение Совета Министров СССР [7]. Постановлением Совета Министров СССР от 13.08.1958 № 914 «Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети центральных государственных архивов СССР» на архивные органы был возложен контроль за проведением мероприятий по обеспечению сохранности и за состоянием документальных материалов, находящихся в распоряжении министерств, ведомств, совнархозов, учреждений, организаций и предприятий, а также за постановкой документальной части текущего делопроизводства. В новых условиях вопросы состава и содержания ГАФ СССР становятся предметом пристального внимания научной общественности, приобретают гласность. К незамедлительным практическим действиям в решении проблемы комплектования государственных архивов подталкивали и внутренние проблемы, связанные с нехваткой архивной полки для приема документов от всех учреждений и организаций страны, рассматривавшихся как источники комплектования.

Состоявшийся 25 ноября 1959 г. Научный совет по проблемам комплектования Главного архивного управления при Совете Министров СССР [8 с. 37–41] проанализировал состояние дел и определил пути перестройки комплектования на основе ограничительного подхода к выбору источников комплектования. В 1961 г. в известной статье трех авторов – выдающихся архивистов страны А.В. Елпатьевского, Т.Г. Коленкиной, В.В. Цаплина впервые были рассмотрены теоретические вопросы новых подходов к экспертизе ценности документов и комплектованию государственных архивов [9 с. 31–42]. Проблема вызвала острую полемику среди специалистов и научной общественности. Приводимые оппонентами доводы были достаточно серьезны и аргументированы [10 с. 53–94, с. 42–51]. Было очевидно, что требуются масштабные исследования и экспериментальная апробация их результатов, чтобы подтвердить предварительные выводы о том, что источниковедческий метод как основа экспертной оценки значения содержания отдельного документа применим и для решения проблемы отбора документов на больших массивах без полистной экспертизы каждого документа. Жизнь подталкивала. И практика, как это всегда получалось в архивном деле, и на этот раз опережала теорию.

В Российской Федерации практическая перестройка в комплектовании началась во всех регионах в соответствии с Указанием ГАУ при СМ СССР от 10 августа 1960 г. № 3/6353-Б «Об изменении порядка комплектования государственных архивов документальными

ми материалами и контроля за архивами учреждений, организаций и предприятий в связи с введением «Примерных списков учреждений, организаций и предприятий, материалы которых подлежат и не подлежат приему в государственные архивы СССР». Такие списки были разработаны с учетом критерия «значение учреждения», исходя из функциональной компетенции данного вида организации. Работа осуществлялась в основном отделом комплектования и экспертизы Главархива СССР под руководством Татьяны Григорьевны Коленкиной на основе анализа Центрального фондового каталога (ЦФК), знакомства с описями документов фондов организаций.

В ходе анализа составители Списков зафиксировали количественные диспропорции в отраслевом составе ГАФ СССР, наличие которых рассматривалось как издержки в комплектовании, требующие устранения посредством регулирования фондового состава в отраслевом разрезе. Научного обоснования этот вывод ни тогда, ни впоследствии не получил. Не получил разъяснения и механизм использования понятия отрасль для регулирования фондового состава. Между тем вплоть до 1974 г. используемое в народнохозяйственном планировании понятие отрасль не сопрягалось с наличием единого организационного центра, которому по вертикальной линии подчинена вся совокупность звеньев внутриотраслевого характера, т. е. нижестоящих органов управления, предприятия, учреждения и организации. К примеру, автомобилестроением занимались не только заводы системы автомобильной промышленности, но и ряда других ведомств, в частности, Министерства мелиорации и водного хозяйства.

В августе 1971 г. было образовано Главное архивное управление при Совете Министров РСФСР [11]. Как известно, в отличие от всех других республик, имевших республиканские архивные органы управления, вопросами архивов учреждений РФ занималось до 1971 г. подразделение в структуре Главархива СССР, не обладавшее правами для непосредственного взаимодействия с республиканскими органами власти и управления для решения вопросов архивного дела в республике.

Вновь созданный Главархив РСФСР, опираясь на предоставленные права и полномочия, в полной мере использовал административный ресурс, в том числе для организации совместно с республиканскими органами управления научно-исследовательских и практических работ по реализации программы оптимизации Государственного архивного фонда в Российской Федерации. При поддержке Правительства РСФСР с каждым республиканским министерством (ведомством) на уровне руководителей были подписа-

ны совместные указания, обязывающие отраслевые органы управления на местах совместно с архивными органами организовать и методически обеспечить работу по подготовке для архивного хранения документов, отнесенных к источникам комплектования организаций республиканских министерств и ведомств на территории РСФСР.

В качестве первоочередной задачи рассматривалась работа по пересмотру списков источников комплектования на основе Примерных. В ходе работ было установлено, что в организациях одного и того же вида, но разной ведомственной подчиненности, откладываются документы: в одних – подлежащие, а в других – не подлежащие включению в состав Архивного фонда РФ, что вызвало огромное число обращений в ЦЭПК Главархива РСФСР. Приведу пример. Передвижные механизированные колонны (ПМК) как вид организации без указания ведомственной их принадлежности были отнесены Примерными списками к источникам комплектования госархивов (п. 26, список 2). По запросам с мест ЦЭПК Главархива РСФСР организовала исследование ценности создаваемой ПМК документации в каждой из республиканских ведомственных систем, где действовали организации данного вида. В их числе оказались Минводхоз РСФСР, Росколхозобъединение, Минсельстрой РСФСР и др. Функции этих организаций оказались аналогичными в каждой из этих систем. Однако в процессе документирования этих функций создавались документы различной исторической и практической ценности в зависимости от различия в объеме производства, участия или неучастия ПМК данной ведомственной системы в реализации основных для данной системы функций. Решение ЦЭПК Главархива РСФСР, согласованное с ЦЭК Минводхоза РСФСР, предусматривало включение в состав ГАФ СССР такой группы ПМК данной системы, документы которых обеспечивали возможность изучения всех направлений развития отрасли с учетом исторически важных фактов этого развития, другими словами: если данная ПМК участвовала в реализации функций орошения, обводнения и других мелиоративных работ [12 с. 368]. Видовой состав таких документов постоянного хранения получил закрепление в примерной номенклатуре дел ПМК. На этом примере пришлось убедиться, что критерий «значение учреждения», функциональный метод в их абстрактном применении для определения круга организаций, и прежде всего низового звена, как источников комплектования оказались явно недостаточными.

Необходимые условия и предпосылки для прорыва в оптимизации состава Архивного фонда Российской Федерации создались

в связи с развернувшейся в стране с 1973 г. работой по внедрению основных положений Единой государственной системы делопроизводства (ЕГСД) [13]. В процессе внедрения ЕГСД в системе государственного управления формировались документные системы с центральным органом, регулирующим и контролирующим движение документопотоков сверху донизу. Учет закономерностей документирования и распределения информации в этих документопотоках был положен в основу практических действий архивной службы России. Результаты исследования повторяемости содержания документов в разрезе их видового состава попыталась сформулировать в своих трудах Н.А. Орлова [14 с. 14–19], обосновав конструктивное положение о совокупности устойчивых свойств документов как основном их качестве. Это положение подтверждало наши результаты практического внедрения Примерных списков, требовавшие признания того факта, критерий «значение учреждения», информационный, функциональный подходы в их совокупности применительно к анализу свойств единичного в сопоставления с устойчивыми свойствами каждой данной видовой группы документов, результативны лишь в пределах управляемой документационной системы.

Действенная система мер, примененных в РСФСР архивными учреждениями по перестройке комплектования, включала работу с ведомствами по внедрению основных положений ЕГСД, согласованию номенклатур дел, инструкций по делопроизводству, определению годового документообразования в учреждениях, работу созданных хозрасчетных групп по обработке документов учреждений и организаций, совершенствованию работы ЭПК архивных органов, ЦЭК министерств и ведомств РСФСР, ЭК учреждений.

В результате скоординированных усилий Главархива РСФСР и республиканских министерств и ведомств, контролирующих выполнение принятых совместных решений, были разработаны методические указания по подготовке примерных списков и сами примерные списки учреждений, организаций и предприятий, документы которых подлежат и не подлежат передаче в государственные архивы РСФСР, провести их экспериментальное внедрение, составить и согласовать примерные номенклатуры дел для учреждений и организаций большинства республиканских министерств и ведомств. Все эти материалы были представлены в распоряжение Главархива СССР и ВНИИДАД. В 1987 г. Главархив СССР с учетом материалов, представленных архивными органами союзных республик, издал в 1987 г. Методические указания по определению

источников комплектования государственных архивов с приложением соответствующих Примерных списков [15]. Напомню, что в рамках программы оптимизации согласно пятилетнему плану на 1971–1975 гг. проводилась целевая комплексная экспертиза отраслевых групп фондов, которая в Российской Федерации была сознательно сведена нами к изъятию документов идентичного содержания из фондов подведомственных областными органами управления организаций, временно хранящихся в районных архивах с переменным составом материалов.

К концу 1980-х гг. в РСФСР были введены в действие согласованные с ЦЭПК РСФСР примерные номенклатуры дел для 218 организаций 42 республиканских министерств и ведомств [16 с. 56]. 87 процентов документов, хранящихся в учреждениях – источниках комплектования, были подготовлены к передаче на госхранение, описи на них утверждены ЭПК архивных органов. Были предприняты меры по активизации комплектования госархивов личными фондами и коллекциями рядовых людей.

Серьезный прорыв наметился в комплектовании НТД с применением отраслевых подходов к оптимизации состава этих фондов. Приступил к комплектованию кинофотофонодокументами республиканский архив КФФД во Владимире (ныне расформирован).

14 июля 1991 г. результаты осуществленных в стране работ по оптимизации состава документов ГАФ СССР рассмотрела на одном из своих, вероятно последних, заседаний Коллегия Главного архивного управления при Кабинете Министров СССР. Коллегия одобрила итоги работы по трем позициям: 1) сокращении на 11 процентов источников комплектования «за счет в основном исключения из списков отдельных категорий организаций районного и городского звена»; 2) отнесении свыше 30 процентов организаций к категории выборочного приема документов; 3) включения в списки некоторых ранее не состоявших в них организаций, создающих документы постоянного хранения [17 с. 37–41].

Нерешенные вопросы, недостатки, определение задач на перспективу в деле комплектования государственных архивов в этом решении Коллегии отражения не получили. Архивы стояли на пороге новой катастрофы. Подытоживая сказанное, могу предположить, что сформированная в 1960–1980-е гг. источниковая база по истории СССР в основном достаточна для исследования на макро- и микроуровне общеполитических, социальных и экономических процессов развития общества и государства. Однако, как показали исследования, проведенные под руководством Ирины Валентинов-

ны Волковой по программам ВНИИДАД [18], мы не сможем восполнить те утраты, которые связаны с источниками о человеке, с биографической и генеалогической информацией, отраженной в документах, которые в условиях нивелирования роли личности в истории и действия принципа партийности в комплектовании сохранялись и сохраняются (как это ни парадоксально) применительно только к лицам, отмеченным официальными заслугами. К сожалению, практическая работа по оптимизации состава Архивного Фонда не включала одно из основополагающих условий, обеспечивающих создание полноценной источниковой базы. Напомню, что в Положении о ГАФ СССР 1958 г. содержалось требование (пункт 2е), предусматривающее прием «микрофотокопий документов и материалов, не имеющих научной ценности, оригиналы которых уничтожены». Микрофильмирование в архивах получило развитие, однако в ином направлении. Современные технологии создают реальные возможности обратиться к этому забытому, но исключительно важному положению.

Известный специалист в области комплектования государственных архивов А.Г. Черешня совершенно справедливо еще в середине 1990-х гг. ставил вопросы о необходимости осуществить проверку степени оптимизации Архивного Фонда Российской Федерации в отраслевом, региональном и проблемно-тематическом разрезах. К сожалению, он априори исходил из необходимости исправления диспропорций в отраслевом составе Архивного Фонда РФ [19 с. 105–107]. Думается, что такой анализ источниковой базы советской эпохи, сформированной в годы перестройки в 1960–1980-е гг., будет рано или поздно проведен. Что касается исправления диспропорций, то это путь весьма опасный. Архивный фонд РФ – живой организм. Его нельзя подвергать новой чистке для достижения логически сконструированных нами построений о пропорциональном отраслевом представительстве фондового состава.

Надеюсь, что новое поколение архивистов учтет трудности и ошибки своих предшественников. Прислушается к суждениям, изложенным в трудах В.Н. Автократова, В.В. Цаплина, С.О. Шмидта, Н.М. Орловой, А.Г. Литвака, Н.М. Шепуковой, К.И. Рудельсон, Г. Степанского, А.В. Елпатьевского, В.М. Магидова и других думающих архивистов своего времени, которые были вынуждены искать и нередко находили выход из безвыходного положения в тисках директивных установок, безоговорочно определявших практические задачи и объемы их выполнения.

Литература

1. *Елпатьевский А.В.* Избранные труды по архивоведению и архивному делу / предисл. В.П. Козлова, 2015. С. 23.
2. *Анфилов Б.И.* Назревшая реформа // Архивное дело. 1928. № 1 (14). С. 3–17; *Анфилов Б.И.* Пересмотр состава государственных архивов // Архивное дело. 1935. № 2 (35). С. 26–33.
3. *Полянская Л.И.* Выработка принципов хранения и изъятия архивных материалов // Архивное дело. 1938. № 2 (39). С. 39–54.
4. *Нагорова З.Н., Карнаухова О.К.* О выделении документальных материалов, не подлежащих хранению // Архивное дело. 1938. № 2 (46). С. 94–140.
5. *Митяев К.Г.* Теория и практика архивного дела. М., 1946. 245 с.
6. *Назин И.С.* К вопросу об экспертизе документальных материалов в государственных и ведомственных архивах СССР // Труды Московского историко-архивного института. 1948. Т. 4. С. 201–218.
7. Собрание постановлений правительства СССР (СП СССР). 1958. № 14. Ст. 112.
8. О комплектовании и экспертизе ценности документальных материалов Государственного архивного фонда СССР // Вопросы архивоведения. 1960. № 5. С. 27–41.
9. *Елпатьевский А.В., Коленкина Т.Г., Цаплин В.В.* Новые требования к экспертизе ценности документальных материалов и комплектованию ими государственных архивов // Вопросы архивоведения. 1961. № 4. С. 31–42.
10. *Кондратьев В.А.* Экспертизу ценности документов нельзя проводить упрощенно // Вопросы архивоведения. 1961. № 2. С. 85–94; *Селезнев М.С.* О некоторых вопросах теории экспертизы ценности документальных материалов // Вопросы архивоведения. 1961. № 4. С. 42–51.
11. Постановление Совета Министров РСФСР «Об утверждении Положения о Главном архивном управлении при Совете Министров РСФСР от 28 октября 1971 г. № 588» // СП СССР. 1971. № 19–20. Ст. 154.
12. *Иноземцева З.П.* Об уточнении источников комплектования государственных архивов // Материалы научной конференции по проблемам комплектования документальными источниками государственных архивов. Ч. 1. М., 1976. С. 364–374.
13. ЕГСД. Основные положения. Одобрено ГК Совета Министров СССР по науке и технике. М., 1974. 120 с.
14. *Орлова Н.А.* Некоторые понятия теории познания и их значение для экспертизы ценности документов // Труды МГИАИ. 1973. Т. 31. Вып. 2. С. 14–19.
15. Методические указания по определению источников комплектования государственных архивов, Примерные списки видов учреждений, организаций и предприятий, являющихся и не являющихся источниками комплектования государственных архивов. М.: Главархив СССР; ВНИИДАД, 1987. 187 с.

16. *Иноземцева З.П.* Научные основы комплектования государственных архивов в 1960–1980 гг. (на примере государственных архивов РСФСР): дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 56.
17. Решение Коллегии Главного архивного управления при Кабинете Министров СССР от 14 июля 1991 г. «Об опыт работы архивных учреждений по оптимизации состава документов ГАФ СССР в 1986–1990 гг.» // Научно-информационный бюллетень. 1991. № 7. С. 37–41.
18. Биографическая и генеалогическая информация в государственных архивах Российской Федерации (1917–1991 гг.). Справочное пособие. М., 2010. 792 с.
19. *Черешня А.Г.* О некоторых задачах по оптимизации состава и содержания АФ России // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. М.: ВНИИДАД, 1995. С. 105–107.

Reference

1. Elpat'evskii AV. Selected works on archival science and archiving. Kozlov VP, pref. Moscow, 2015. p. 23. (In Russ.)
2. Anfilov BI. Overdue reform. *Arkhnivnoe delo*. 1928;1: 3-17 (In Russ.); Idem. Revision of the state archives. *Arkhnivnoe delo*. 1935; 2:26-33. (In Russ.)
3. Polyanskaya LI. Elaboration of the principles for storage and removal of archival materials. *Arkhnivnoe delo* 1938;2:39-54. (In Russ.)
4. Nagorova ZN., Karnaukhova OT. On the selection of documentary materials that can not be stored. *Arkhnivnoe delo*. 1938;2:94-140. (In Russ.)
5. Mityaev KG. Theory and practice in archiving. Moscow, 1946. 245 p. (In Russ.)
6. Nazin IS. On the question of the examination of documentary materials in the state and departmental archives of the USSR. *Trudy Moskovskogo istoriko-arkhnivnogo instituta*. 1948;4:201-18. (In Russ.)
7. The collection of decrees of the government of the USSR (SP USSR). 1958. Vol. 14. Article 112. (In Russ.)
8. On the acquisition and value examination of documentary materials of the State Archival Fund of the USSR. *Voprosy arkhivovedeniya*. 1960;5:27-41. (In Russ.)
9. Elpat'evskii AV., Kolenkina TG., Tsaplin VV. New requirements for the value examination of documentary materials and their acquisition by state archives. *Voprosy arkhivovedeniya*. 1961;4:31-42. (In Russ.)
10. Kondratiev VA. The value examination of documents can not be simplified. *Voprosy arkhivovedeniya*. 1961;2:85-94. (In Russ.); Seleznev MS. On some issues in the theory of the value examination of documentary materials. *Voprosy arkhivovedeniya*. 1961;4:42-51. (In Russ.)
11. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR "On approval of the Regulations on the Main Archival Administration under the Council of Ministers

- of the RSFSR 28 oct. 1971 no. 588". V: The collection of decrees of the government of the USSR (SP USSR). 1971. Vol. 19–20. Article 154. (In Russ.)
12. Inozemtseva ZP. On detailing the sources of acquisition of state archives. V: Proceedings of the scientific conference on the acquisition of documentary sources of state archives. Part 1. Moscow, 1976. p. 364–74. (In Russ.)
 13. EGSD (Unified State System of Office Administration) The main provisions. Approved by the SC of the USSR Council of Ministers on science and technology. Moscow, 1974. 120 p. (In Russ.)
 14. Orlova NA. Some concepts of the theory of knowledge and their significance for the value examination of documents. *Trudy Moskovskogo istoriko-arkhivnogo instituta*. 1973;31:14–9. (In Russ.)
 15. Methodical instructions in sourcing for acquisition of state archives, Sample lists of types of institutions, organizations and enterprises, which are and are not sources for acquisition of state archives. Moscow: Glavarkhiv SSSR; VNIIDAD Publ.; 1987. 187 p. (In Russ.)
 16. Inozemtseva ZP. The scientific basis for the acquisition of state archives in 1960–1980. (by the example of the RSFSR state archives) [dis. ... kand. ist. nauk.]. Moscow, 1982. p. 56. (In Russ.)
 17. The decision of the Collegium of the Main Archival Administration under the Cabinet of Ministers of the USSR dated July 14, 1991 "On the experience of archival institutions in optimizing the composition of the documents of the GAF(SAF) of the USSR in 1986–1990". *Nauchno-informatsionnyi byulleten'*. 1991;7:37–41. (In Russ.)
 18. Biographical and genealogical information in the state archives of the Russian Federation (1917–1991). Reference manual. Moscow, 2010. 792 p. (In Russ.)
 19. Chereshnya AG. On some objectives in optimizing the composition and content of Russia archival fund (AF). V: Archival and source study of national history. Cooperation issues at the present stage. Moscow: VNIIDAD Publ.; 1995. p. 105–07. (In Russ.)

Информация об авторе

Зинаида П. Иноземцева, кандидат исторических наук, Центральный совет Российского общества историков-архивистов, Москва, Россия; Россия, Москва, 117393, Профсоюзная ул., д. 82; zinaida33@bk.kg

Information about the author

Zinaida P. Inozemtseva, PhD in History, Central Council of the Russian Society of Historians and Archivists, Russia, Moscow; bld. 82, Profsoyuznaya st., Moscow, Russia, 117393; zinaida33@bk.kg

Становление архивов и архивного дела Республики Ингушетия: от истории к современности

Магомет М. Картоев

*Государственный архив Республики Ингушетия,
Магас, Россия, 06kartoev@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается краткая история становления архивного дела Республики Ингушетия, в том числе на примере опыта Государственного архива Республики Ингушетия – основного хранилища историко-культурного документального наследия и национальной памяти ингушского народа.

История архивного дела регионов Северного Кавказа, и в частности Республики Ингушетия, практически не исследована. Между тем проблема становления архивов и формирования архивных фондов северокавказского региона представляет большой интерес не только для специалистов в области истории и организации архивного дела, но и для широкого круга исследователей. Это обусловлено тем обстоятельством, что через призму «судьбы» архивов преломляется история региона в целом, в том числе вхождения его в государственное пространство Российской империи, формирования национальных автономий в составе Советской России и, наконец, развития на современном этапе в составе Российской Федерации.

Все эти периоды и процессы нашли непосредственное отражение в документах Архивного фонда региона и, в свою очередь, оказали прямое влияние на тот облик архивов, который в итоге сложился, на их территориальную структуру и специфику отложившейся в них информации. В то же время каждый из субъектов Северного Кавказа имеет свой исторический опыт развития архивного дела, заслуживающий внимания. В этой связи по-своему уникальна и примечательна история архивов и архивного дела Республики Ингушетия, представленная в данной статье в краткой (сжатой) форме, в ее тесной взаимосвязи с историей архивного дела Северного Кавказа и России.

Ключевые слова: Республика Ингушетия, Северный Кавказ, архивное дело, государственные архивы, архивные документы, архивный фонд, государственная архивная служба

Formation
of archives and archival affairs
of the Republic of Ingushetia.
From history to the present

Magomet M. Kartoev

*State archives of the Republic of Ingushetia,
Magas, Russia, 06kartoev@mail.ru*

Abstract. The article deals with the establishment of archive-keeping in the Republic of Ingushetia, including the experience of the State Archive of the Republic of Ingushetia – the main repository of historical and cultural documentary heritage and national memory of the Ingush people.

The history of archival affairs of the North Caucasus regions, and in particular the Republic of Ingushetia, is practically not investigated. Meanwhile, an issue of archives establishment and the formation of archival funds of the North Caucasus region is the great interest not only for specialists in the field of history and organization of archival affairs, but also for a wide range of researchers. This is due to the fact that the prism of the “destiny” of the archives refracts the history of the region as a whole, including its entry into the state space of the Russian Empire, the formation of national autonomies in Soviet Russia and, finally, development at the present stage in the Russian Federation.

All those periods and processes were directly reflected in the documents of the Archival Fund of the region, and, in their turn, had a direct impact on the layout of the archives, which eventually took shape, on their territorial structure and specificity of the information deposited in them. At the same time, each of the subjects of the North Caucasus has its own historical experience in the development of archival affairs that deserves attention. In this regard, in its own unique and remarkable history of archives and archival affairs of the Republic of Ingushetia, presented in this article in a brief (compressed) form, in its close relationship with the history of archival affairs of the North Caucasus and Russia.

Keywords: Republic of Ingushetia, North Caucasus, archival affairs, state archives, archival documents, archival fund, state archival service

Введение

История архивного дела Ингушетии практически не изучена, по данной проблеме имеется только ряд статей, опубликованных в основном в региональных изданиях.

При исследовании проблемы ее следует разделить на несколько хронологических периодов, связанных как с событиями политической истории Северного Кавказа и России в целом, оказавшими непосредственное влияние на архивное дело, так и со спецификой сюжетов истории архивного дела и формирования архивных фондов национальных автономий (республик Северного Кавказа), получивших первоначальное развитие на основе документального наследия учреждений бывшей Терской области.

В этой связи, рассматривая историографию данного вопроса, следует также учесть, что в значительные периоды своей истории Архивный фонд и архивное дело Ингушетии были неотделимы от Архивного фонда и архивного дела Северной Осетии (до 1944 г. включительно) и Чечни (1934–1992 гг.), прямым следствием чего явилось сосредоточение большого комплекса документов, касающихся непосредственно истории Ингушетии, в архивных учреждениях РСО-Алании (ЦГА РСО-А) и, отчасти, Чеченской Республики (Архивная служба ЧР). В большей степени это касается Северной Осетии, так как документы, хранившиеся в бывшем ЦГА ЧИАССР, в большинстве своем утеряны (уничтожены) в период военного конфликта в Чечне.

Среди публикаций, представляющих значительный интерес в рамках рассматриваемой темы, следует отметить труд «Хранители истории», изданный в 2010 г. Государственной архивной службой РСО-Алании, в котором, в том числе, содержится ценная информация по истории становления архивного дела и архивов на территории бывшей Терской области в 1920–1930-х гг.

Истоки архивного дела Ингушетии: архивы Терской области и Горской Республики

Истоки архивного дела Ингушетии тесно связаны с историей включения Северного Кавказа в государственное пространство Российской империи и развитием учреждений управления регионом. К началу XX века в Терской области, куда входила и Ингушетия (Назрановский округ), насчитывалось более двухсот ведомственных архивов, сформировавшихся в результате дея-

тельности органов власти и управления, судебно-следственных и надзорных органов, учебных заведений и других ведомств и учреждений. Крупнейшим из ведомственных архивов являлся архив Терского областного правления, насчитывавший на хранении свыше 60 тыс. дел [1 с. 197].

Работа по реорганизации и централизации архивного дела, согласно декрету от 1 июня 1918 г., в Терской области была начата с августа 1920 г. Был назначен Уполномоченный Главного архивного управления по области, а вскоре создано и Областное архивное управление, служащие которого с 1 ноября 1920 г. приступили к разбору и упорядочению архивной документации учреждений Терской области. Главным образом активизация этой работы была связана с началом масштабных макулатурных кампаний в стране: разборочная комиссия при Областном архивном управлении, образованная в целях оперативного исполнения решений по обеспечению бумажных фабрик страны макулатурой, в экстренном порядке начала работу по выделению фондов, подлежащих уничтожению. И надо полагать, что в этот период было уничтожено немало документов, которые могли бы представлять интерес для изучения истории региона.

После образования Горской АССР, куда входила и Ингушетия (Назрановский округ), произошли изменения и в архивной сфере региона, а именно, на основании приказа Совнаркома ГАССР от 12 мая 1921 г. № 19 «О реорганизации и централизации архивного дела в Горской республике» Терское областное архивное управление было реорганизовано в Главное архивное управление при Наркомпросе Горской республики. С января 1922 г. оно было выведено из подчинения Наркомпроса и преобразовано в Центральное архивное управление со статусом органа управления в сфере архивного дела, подчинявшегося непосредственно Исполкому Горской республики и Главархиву. С 20 ноября 1922 г. орган управления архивным делом Горской республики вновь был реорганизован и стал Республиканским архивным бюро, действовавшим на правах отдела Исполкома Горского ЦИКа [2].

Архивное бюро Ингушской автономной области (1924–1934)

Коренные изменения в сфере архивного дела Ингушетии были связаны с упразднением Постановлением ВЦИК РСФСР от 7 июля 1924 г. Горской АССР и созданием Ингушской автономной области в составе Северо-Кавказского края. В каждой из

выделившихся из бывшей ГАССР автономных единиц были созданы органы управления в сфере архивного дела – архивные бюро и начали формироваться собственные архивы. Общее руководство деятельностью архивных учреждений Северного Кавказа в этот период осуществляло Северо-Кавказское краевое архивное бюро (1925–1934 гг.) [3].

Архивное бюро Ингушской автономной области было образовано в августе 1924 г. «На 1 октября 1924 г. в Архивном бюро было взято на учет 47 фондов, из них 40 – дореволюционного времени и 7 – советского периода» [4].

Заведующим Архивным бюро был назначен Ассадулла Темуркович Ахриев – видный представитель ингушской интеллигенции конца XIX – начала XX вв. В дореволюционный период, с 1913 г. А.Т. Ахриев являлся председателем Ингушского общества для распространения грамотности и технических знаний среди ингушского народа, после революции и гражданской войны активно включился в формирование органов управления Назрановского округа, в частности, был востребован его богатый профессиональный опыт в области землеустроительных работ, в марте 1920 г. Назрановский ревком поручил ему организацию земельного отдела. С 1920 по 1924 гг. Ассадулла Ахриев являлся членом исполкома Назрановского округа. Под руководством А.Т. Ахриева в 1924–1926 гг. была заложена основа архивного дела Ингушетии, были сформированы первые фонды Архивного бюро, начата работа по учету и обеспечению сохранности документов [5].

Архивные учреждения Чечено-Ингушской АССР (1934–1944, 1957–1992)

В 1934 г., в связи с объединением Чечни и Ингушетии в Чечено-Ингушскую автономную область, Архивное бюро Ингушетии прекращает свою деятельность, а собранные им фонды, представляющие общереспубликанское значение, после формирования Чечено-Ингушского областного архивного бюро перевозятся в г. Грозный. В 1936 г. Архивное бюро ЧИАССР было выделено в самостоятельное учреждение, со штатом из пяти человек. На учете бюро состояло 183 фонда, содержащих 50 822 дела.

В 1940 г. Архивное управление ЧИАССР было реорганизовано в Архивный отдел НКВД ЧИАССР и Центральный Госархив. Накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в архивном отделе работало шесть человек, в госархиве – семь. На хранении в

ЦГА ЧИАССР состояли 217 фондов, содержащих документы советского периода и 36 фондов, содержащих документы дореволюционного периода. Кроме того, в 24 районах республики действовали районные архивы, созданные в 1935 г. [6 с. 5].

Архивному фонду Чечено-Ингушетии был нанесен большой ущерб в период ВОВ 1941–1945 гг., связанный с уничтожением части документов во время эвакуации фондов архивных учреждений республики в г. Семипалатинск. Так, в 1942 г. были уничтожены (по другим сведениям – утеряны) документы 112 фондов ЦГА ЧИАССР в количестве 22 тыс. дел как не представляющие особой исторической ценности, среди которых было 16 фондов непосредственно по истории Ингушетии [7 с. 70]. Также в период эвакуации документов Архивного фонда было уничтожено (сожжено) более 29 тыс. дел за 1920–1942 гг., хранившихся в ведомственных архивах – министерствах, исполкомах и учреждениях республики.

В 1946 г. Грозненский областной архив передал ряд архивов в госархивы Дагестанской АССР, Северо-Осетинской АССР и Грузинской АССР. Всего было передано 99 фондов с общим количеством 4730 дел. В их числе были и документы по истории Ингушетии. С 1944 по 1957 гг. документы Архивного фонда Чечено-Ингушетии, таким образом, были распределены между автономными республиками, расположенными на ее бывших территориях.

Согласно данным Чеченского архивного управления, после восстановления ЧИАССР, с 1958 по 1991 гг. происходили следующие реорганизации органов управления в сфере архивного дела республики: в 1958–1962 гг. – Архивный отдел МВД ЧИАССР и Центральный государственный архив ЧИАССР; 1962–1980 гг. – Архивный отдел при Совете Министров ЧИАССР и Центральный государственный архив; 1980–1992 гг. – Архивное управление при Совете Министров ЧИАССР и Центральный государственный архив.

После разделения Чечни и Ингушетии на отдельные республики, 21 января 1992 г. Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР был преобразован в Национальный архив Чеченской Республики. На конец 1994 г., т. е. к началу военного конфликта в Чечне, в Национальном архиве Чеченской Республики – Ичкерии насчитывалось 663 264 дела, размещенных в трех архивохранилищах в г. Грозный, а также каталог и картотека в количестве 697 829 карточек. По сведениям Чеченского архивного управления, в ходе военных действий 1994–1996 гг., 1999–2000 гг. уничтожено более 90% документов, отражающих историю народов Чечни и Ингушетии начиная с середины XVIII в. до конца XX в. [6 с. 6].

*Государственная архивная служба
и Государственный архив Республики Ингушетия
(1993–2018)*

Современная история архивного дела Республики Ингушетия ведет отсчет с 19 июля 1993 г., когда по Указу первого Президента РИ Р.С. Аушева № 227 был создан Государственный Комитет архивной службы Ингушской Республики. В Указе отмечалось, что комитет образовывается «В связи с формированием структур государственного управления Ингушской Республики и с учетом исключительной важности архивной службы для становления ингушской государственности» [8 л. 7]. Первым руководителем архивного комитета, позже преобразованного в Государственную архивную службу РИ, был назначен известный в республике журналист, публицист и общественный деятель – кандидат исторических наук Башир Ахмедович Чаккиев. Архивная служба республики начинала свою деятельность практически с нулевой отметки, не имея ни собственного здания с архивохранилищами, ни квалифицированных кадров, а главное, не имея документальной базы, так как не была проведена на государственном уровне работа по разделу между республиками фондов бывшего ЦГА ЧИАССР, и Ингушетия не получила ни одного документа из общего исторического наследия. При этом надо отметить, что Государственная архивная служба все годы своего функционирования (1993–2015) являлась как органом управления в сфере архивного дела Ингушетии, так и исполняла функции Центрального государственного архива республики. Соответственно, уже в первые годы своей деятельности Архивная служба, находясь в арендуемых, совершенно не приспособленных для хранения документов помещениях, тем не менее была вынуждена принимать документацию ликвидированных учреждений и предприятий, из которых были сформированы первые фонды документов постоянного срока хранения и по личному составу. Синхронно с приемом документов и их научно-технической обработкой пришлось налаживать работу по использованию документов – исполнению тематических и социально-правовых запросов, в первую очередь это касалось документов по личному составу ликвидированных предприятий, запросы по которым поступали в связи с необходимостью оформления трудовых пенсий, а значит, требовали неотлагательно-го решения.

Одновременно с этим Архивная служба начала решать вопросы комплектования Архивного фонда республики, для чего проводилась работа по формированию ведомственных архивов – источни-

ков комплектования в органах государственной власти, учреждениях и организациях республики, в которых были налажены учет документов и обеспечена их сохранность.

Наконец, приоритетной задачей Архивной службы республики уже в первые годы ее функционирования стало восстановление утраченного историко-культурного документального наследия и формирование коллекций документов по истории Ингушетии. В 1997 г. по результатам работы, проведенной руководителем Архивной службы, известным в регионе историком – Тамерланом Хаджибикаровичем Муталиевым, коллегией Росархива было принято решение об оказании содействия всеми федеральными архивами России в формировании Архивного фонда Ингушетии. В рамках проведенной работы по исполнению данного решения в конце 1990 – начале 2000-х гг. были откопированы тысячи листов документов, легшие в основу архивных коллекций по истории Ингушетии. В массе своей это были ксерокопии, а также часть документов на микропленке.

Наиболее значительное пополнение фондов архива было связано с принятием РЦП «Восстановление архивных фондов Ингушетии» на 2008–2010 гг. В этот период проводилась масштабная работа по ксерокопированию и оцифровке документов из федеральных и региональных архивов России и отчасти в архивах Республики Казахстан. Сегодня эта работа продолжается в рамках действующей с 2014 г. Государственной программы «Развитие архивного дела» (с 2016 г. – «Развитие культуры и архивного дела») Республики Ингушетия. Так, за истекшие 2014–2017 гг. выявлено и откопировано более 30 тыс. кадров текстовых и картографических документов, 34 ед. – кинодокументов и около 100 единиц – фотодокументов из 6 федеральных архивов, а также архивов Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Азербайджан. Общий объем документов коллекций Госархива по истории Ингушетии составляет около 200 тыс. листов/кадров на бумажном и электронном носителях, а также на микропленке. Это документы, скопированные в разные годы в крупнейших федеральных архивах страны, таких как ГА РФ, РГВИА, РГИА, РГАКФД, РГАЛИ, РГАДА, РЦХДНИ и др., ведомственных архивов ЦАМО РФ, АВПРИ МИД РФ, Архив ИИМК и др., региональных архивов – ЦГА РСО-А, ЦГА КБР, Госархива Астраханской области, Госархива и ЦХНД Ростовской области, Госархива Ставропольского края и др., а также зарубежных архивов – Национального архива Грузии, архивов Казахстана, Кыргызстана, Азербайджана и др., и, наконец, документы и материалы из фондов библиотек и музеев страны – РГБ, РНБ, ГИМ и др.

Хронологические рамки коллекции охватывают период с середины XVIII века до начала 2000-х гг., отражая в разной степени полноты все основные этапы и сюжеты истории Ингушетии в тесной взаимосвязи с историей России за последние 250 лет.

В 2003–2010 гг. также были проведены мероприятия, позволившие улучшить материально-техническую базу Государственной архивной службы РИ, в первую очередь это было связано с передачей в собственность Службы административного здания в г. Назрань и строительством административного здания в г. Магас. В результате за истекший период появилась возможность более активного приема на хранение документов и общее количество фондов возросло более чем в два раза. Тем не менее следует отметить, что уже в ближайшей перспективе перед Госархивом Ингушетии стоит задача постановки и решения вопроса о строительстве нового специализированного здания с архивохранилищами, читальным и выставочным залами, так как уже сегодня существуют проблемы с приемом документов с истекшими сроками хранения из-за дефицита архивных площадей, и в обеспечении надлежащих условий хранения и использования документов.

В результате проведенной реорганизации в сфере архивного дела республики в ноябре 2015 г. начало свою работу ГКУ «Государственный архив Республики Ингушетия» (Госархив Ингушетии), подведомственное вновь учрежденному Министерству культуры и архивного дела. Государственный архив был образован на базе бывшей Государственной архивной службы и продолжил работу по комплектованию, государственному учету, обеспечению сохранности и использования документов, т. е. по своим основным функциональным архивным направлениям. В структуре Госархива для реализации указанных функциональных задач создано четыре отдела: комплектования ведомственных архивов, государственного учета и обеспечения сохранности документов, использования документов и научно-информационной работы, автоматизированных архивных технологий и научно-справочного аппарата.

В списке источников комплектования Госархива Ингушетии на 2018 г. состоит 152 организации, в которых специалистами отдела комплектования ведомственных архивов осуществляется методическое руководство в вопросах организации делопроизводства, учета, составления научно-справочного аппарата и обеспечения сохранности документов, в работе экспертных комиссий и подготовки документов к своевременной передаче на постоянное хранение.

Ведется работа по государственному учету и обеспечению сохранности документов Госархива. Это такие виды работ, как прием документов на хранение, их упорядочение и фондирование, научно-техническая обработка, составление научно-справочного аппарата, каталогизация, выдача документов, справочно-информационная работа и др.

Одним из важных направлений деятельности Госархива, напрямую связанным с оказанием услуг гражданам по обеспечению их прав, гарантируемых государством, является исполнение запросов социально-правового характера (в основном это запросы, связанные с оформлением трудовых пенсий, поступающие как от самих граждан, так и из учреждений Пенсионного фонда РФ).

В Госархиве ведется комплексная работа по организации использования документов по истории Ингушетии. Это исполнение тематических и генеалогических запросов по обращениям органов государственной власти, учреждений и граждан; проведение научно-практических конференций, круглых столов и иных мероприятий по вопросам истории Ингушетии и использования историко-культурного документального наследия республики; информационно-документальное обеспечение значимых республиканских проектов политического, культурного и мемориального характера, в том числе приуроченных к знаменательным и памятным датам истории Ингушетии и России; подготовка выставок и экспозиций документов и фотоматериалов, передвижных и виртуальных, последние размещаются на сайте Госархива; подготовка публикаций на основе документов коллекции по истории Ингушетии, а также сборников документов и материалов, тематических календарей, монографий, публикаций в научных изданиях, в печатных и электронных СМИ; участие в съемках телепередач, документальных фильмов на республиканском телевидении и российских телеканалах и т. д. Так, только за 2017 г. руководством и специалистами Госархива принято участие в 34 телепередачах как на республиканском телевидении, так и в передачах, подготовленных для федеральных каналов, а также в 8 радиопередачах. В основном это телепередачи, посвященные истории России и Ингушетии, в том числе посвященные знаменательным и памятным датам, в которых архивисты выступают в качестве экспертов и популяризаторов историко-культурного документального наследия.

Одним из особенно важных и социально значимых направлений в этой работе является выявление и публикация информации об уроженцах республики – участниках Великой Оте-

чественной войны 1941–1945 гг. Эта работа ведется на основе выявления документальной информации из общедоступных электронных баз данных «ОБД Мемориал» и «Подвиг народа». Выявленные материалы публикуются в «Архивном вестнике Республики Ингушетия», а также в республиканских газетах и в Интернете [9].

В текущем юбилейном году – 100-летия государственной архивной службы России, а для архивистов Ингушетии он юбилейный вдвойне, так как 19 июля 2018 г. будет отмечаться 25-летие Государственного архива, Госархивом Ингушетии совместно с республиканским Правительством и Министерством культуры и архивного дела запланированы масштабные мероприятия: международная научная конференция «Роль и значение архивов и архивных документов в сохранении исторической памяти народов России и Кавказа», различные конкурсы, в том числе, среди ведомственных и муниципальных архивов, краеведческий конкурс среди учащихся школ, фотоконкурс «Ингушетия сегодня: фотомиг для истории» и др., а также фотодокументальные выставки, юбилейные издания, съемка документального фильма «Хранители истории», теле- и радиопередачи, посвященные юбилейным датам, и, конечно, мероприятия по улучшению материально-технической базы Госархива.

Заключение

Таким образом, архивы и архивное дело Ингушетии имеют «особую» историческую судьбу, в которой присутствуют драматические страницы, связанные с почти полной утратой историко-культурного документального наследия, и это касается как государственных архивов, так и частных архивов и коллекций. Если в других более благополучных в этом отношении регионах Северного Кавказа архивное дело непрерывно и системно развивается на протяжении вот уже 100 лет, практически со времени учреждения государственной архивной службы России, то в Ингушетии этот процесс несколько раз прерывался. Новый отсчет в развитии архивного дела начинается с 1993 г., и сегодня перед Республикой Ингушетией стоят архиважные задачи – воссоздание Архивного фонда и создание полноценных условий для обеспечения сохранности документов, их использования в интересах граждан, общества и государства.

Литература

1. Томаев М.К. Основные этапы становления и развития архивного дела в Осетии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3. Ч. 2. С. 196–199.
2. Хранители истории / глав. ред. Н.В. Чиплакова; сост. Р.М. Фидарова, Л.С. Засеева и др. Владикавказ: ТРИО «Атрибут», 2010. 132 с.
3. Лукьяшко Е.П. Северо-Кавказское краевое архивное бюро (1925–1934 гг.) // Донской архив. Вып. 4. Ростов-на-Дону, 2008. С. 30–45.
4. Парова Л. М. Архивные богатства Ингушетии // Сердало. 1993. 20 фев. № 11.
5. Парова Л.М. Саадулла Ахриев – революционер, землеустроитель, архивист // Духовное возрождение ингушского народа: история, современность, перспективы. Тезисы докладов Республиканской научно-практической конференции / под ред. М.Б. Мужухоева. Назрань, 1995. С. 13–14.
6. Ченчиева М.Х. О развитии архивного дела в Чеченской Республике // Архивный вестник Архивного управления Правительства Чеченской Республики. 2013. № 1. С. 5–7.
7. Алмазов И.Г., Картоев М.М. История и современность архивного дела в Республике Ингушетия // Вестник архивиста. 2009. № 2. С. 68–75.
8. Государственный архив Республики Ингушетия. Ф. 69. Государственная архивная служба РИ (1993–2015).
9. Доклад об итогах работы Государственной архивной службы за 2015 год и задачах Государственного казенного учреждения «Государственный архив Республики Ингушетия на 2016 год» / Коллегия Министерства культуры и архивного дела РИ. Магас, 2015. Рукопись; Доклад об итогах работы Государственной архивной службы за 2016 год и задачах Государственного казенного учреждения «Государственный архив Республики Ингушетия на 2017 год» / Коллегия Министерства культуры и архивного дела РИ. Магас, 2016. Рукопись; Доклад об итогах работы Государственной архивной службы за 2017 год и задачах Государственного казенного учреждения «Государственный архив Республики Ингушетия на 2018 год» / Коллегия Министерства культуры и архивного дела РИ. Магас, 2017. Рукопись.

References

1. Tomaev MK. Main stages in the formation and development of archiving in Ossetia. V: Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota Publ.; 2015. Vol. 3. Ch. 2. p. 196-99. (In Russ.)
2. Chiplakova NV., chief editor; Fidarova RM., Zaseeva LS., comp. Keepers of history. Vladikavkaz: TRIO "Atribut" Publ.; 2010. 132 p. (In Russ.)

3. Lukyashko EP. The North Caucasian Regional Archival Bureau (1925–1934). V: Donskoi Archive: (historical genealogical almanac). Vol. 4. Rostov-na-Donu, 2008. p. 30–45. (In Russ.)
4. Parova LM. The Archival wealth of Ingushetia. *Serdalo*. 1993. Feb. 20;11. (In Russ.)
5. Parova LM. Saadulla Akhriev – the revolutionary, land-surveyor, archivist. V: Muzhukhoev MB., editor. The spiritual revival of the Ingush people. History, today, prospects. Reports abstracts of the Republican Scientific and Practical Conference. Nazran', 1995. p. 13–14. (In Russ.)
6. Chenchieva MH. On the development of archival affairs in the Chechen Republic. *Arkhiynyi vestnik Arkhivnogo upravleniya Pravitel'stva Chechenskoj Respubliki*. 2013;1:5–7. (In Russ.)
7. Almazov I, Kartoev M. The History and contemporary archival affairs in the Republic of Ingushetia. *Vestnik arkhivista*. 2009;2:68–75. (In Russ.)
8. State archive of the Republic of Ingushetia. Fond 69. The State Archival service of the Republic of Ingushetia (1993–2015).
9. Report on the results of the State Archive Service work for 2015 and the target objectives of the State institution “State archive of the Republic of Ingushetia for 2016” Board of the Ministry of Culture and Archival Affairs of the Republic of Ingushetia. Magas, 2015. Manuscript. (In Russ.); Report on the results of the State Archive Service work for 2016 and the target objectives of the State institution “State archive of the Republic of Ingushetia for 2017”. Board of the Ministry of Culture and Archival Affairs of the Republic of Ingushetia. Magas, 2016. Manuscript. (In Russ.); Report on the results of the State Archive Service for 2017 and the target objectives of the State institution “State archive of the Republic of Ingushetia for 2018” Board of the Ministry of Culture and Archival Affairs of the Republic of Ingushetia. Magas, 2017. Manuscript. (In Russ.)

Информация об авторе

Магомед М. Картоев, Государственный архив Республики Ингушетия, Магас, Россия; Россия, Магас, 386001, Горчханова, д. 13; 06kartoev@mail.ru

Information about the author

Magomet M. Kartoev, State archive of the Republic of Ingushetia, Magas, Russia; bld. 13, Gorchkhanova str., Magas, Russia, 386001; 06kartoev@mail.ru

Стандартизация доступа к архивным документам в России XX – начала XXI века: опыт, перспективы и проблемы развития

Григорий Н. Ланской

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, gri_lanskoi@list.ru*

Аннотация. Цель статьи заключается в определении актуальных для практики развития архивного дела в России проблем обеспечения доступа к архивным документам и организации использования этих документов.

В основу представленного в статье исследования положено использование метода сравнительного анализа действующих в законодательных и иных имеющих юридическую значимость документах норм с существующей практикой организации использования документов в общедоступных архивных учреждениях. Также использованы ретроспективный метод для оценки исторического опыта стандартизации доступа к архивным документам в России и системный подход для оценки совокупности действующих норм и реализуемых практик доступа к документам в государственных архивах России.

Статья основана на сочетании исследовательских подходов, применяемых в архивоведении, документоведении и юридической науке. Помимо междисциплинарной методологии ее новизна заключается в выявлении обусловленных законодательными пробелами глобальных методических проблем развития архивного дела в России.

Основной вывод статьи заключается в утверждении необходимости совершенствования действующего в Российской Федерации архивного законодательства в соответствии с другими источниками права, имеющими более значимый характер в системах конституционного и информационного права, и с определенными в статье особенностями практики архивного дела в условиях информационного общества.

Ключевые слова: законодательство, архивное дело, стандартизация, доступ, архивные документы, использование архивов, информационная система

Standardization of access to archival documents
in Russia of 20th – beginning of 21st century.
Experience, objectives and issues of development

Grigory N. Lanskoj

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, gri_lanskoi@list.ru*

Abstract. The aim of the paper consists in definition of the topical for practice of archival work development in Russia issues of securing an access to archival documents and of organizing the use of those documents.

The research presented in the article is based on the use of the method of comparative analysis of norms existing in legislative and other legally relevant documents with the existing practice of organizing the use of documents in public archival institutions. Also the author uses a retrospective method for the evaluation of historical experience in standardization of access to archival documents in Russia and systematic approach for analyzing the whole of existing norms and practices realizable in access to documents at Russian state archival institutions.

The paper is based on a combination of scientific approaches used in the archives and records management and the juridical science. Besides the interdisciplinary methodology its novelty consists in identifying the global methodical problems of archival development in Russia caused by gaps in legislation.

The main conclusion of the article is in confirmation of the need to improve the archival legislation in force in the Russian Federation in accordance with other normative sources of law that are more significant in the systems of constitutional and of information law and with determined in the paper specific features of archival practice in conditions of an information society.

Keywords: legislation, archiving, standardization, access, archival documents, use of archives, information system

Введение

Организация доступа к архивным документам для профессионально подготовленных исследователей и, с другой стороны, для широкого круга пользователей является одной из наиболее актуальных проблем, широко обсуждаемых в мировой историографии архивоведения. Ее обсуждение всегда усиливается в условиях совершенствования и обновления нормативно-правовой базы архивного дела, когда возникает необходимость сбалансированного решения задач обеспечения сохранности и организации публичного использования архивных документов, достижения открытости объектов историко-культурного наследия и гарантирования частных прав на эти объекты как на результаты интеллектуальной деятельности. Кроме этого в условиях социальных и политических перемен в сторону демократизации или, напротив, в сферу возрождения консерватизма в научных и публицистических произведениях поднимается вопрос о необходимости сохранения и дополнения новыми значимыми сведениями социальной и индивидуальной памяти людей, которая, естественно, формируется не только с помощью устной и письменной культуры, но и через практику предоставления доступа к архивным документам.

Проблемное поле дискуссий

С наступлением информационной стадии становления постиндустриального общества, когда информационно-телекоммуникационные технологии существенно расширили организационные возможности использования архивов в виде их электронных образов, проблема стандартизации доступа к архивным документам не только не была исчерпана, но и была еще более обострена в силу стремления граждан использовать предоставляемые этими технологиями инструменты обращения к архивированной информации.

В частности, во Франции, ставшей в 1980-е и 1990-е годы местом активной модернизации инфраструктуры доступа к архивным документам, в 2006 г. была опубликована монография известного во многих странах мира ученого Б. Дельмаса под характерным названием «Общество без памяти. Диссидентские размышления об архивной политике во Франции» [1]. В отечественной историографии проблема обеспечения доступа к хранящимся в архивных учреждениях объектам историко-документального наследия была в обостренном виде представлена в условиях перестройки обще-

ственно-политической системы советского общества [2], но так и не осталась решенной до настоящего времени как в теории, так и на практике. Главной причиной этого является поиск баланса в сфере организации публичного использования архивных документов между интересами государства как регулятора системы информационных отношений в сфере архивного дела; создателей данных документов, стремящихся полностью или частично сохранить на них права собственности, и пользователей, естественным образом ориентирующихся на получение верифицируемых знаний о прошлом. Как отмечает в своем новейшем исследовании член-корреспондент РАН В.П. Козлов, в данной ситуации «пользователю приходится преодолевать как бы тройной барьер в доступе к архивной информации и ее использовании. Он все время испытывает сопротивление ограничений государственного порядка, решений субъективного характера и ограничений по техническим причинам. Возникают как бы две балансирующие системы, подчас непримиримые друг к другу, нередко действующие согласованно на основе договоренностей, иногда естественно совпадающие в своих действиях, опираясь на взаимное уважение существующих норм и правил» [3 с. 312].

Система юридической стандартизации, ее недостатки и противоречия

Отражением современных противоречий, существующих на практическом уровне в сфере стандартизации доступа к архивным документам, являются постоянные, проявляющиеся в том числе и в юридической плоскости дискуссии между представителями органов государственного управления архивным делом и наиболее активными в социальном плане категориями пользователей – прежде всего, исследователями вопросов генеалогии. В рамках утвержденного в январе 2017 г. Федеральным архивным агентством и зарегистрированного в апреле 2017 г. Министерством юстиции России административного регламента по предоставлению Федеральным архивным агентством государственной услуги «Организация информационного обеспечения граждан, организаций и общественных объединений на основании документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов» [4], а также «Порядка использования архивных документов в государственных и муниципальных архивах Российской Федерации» отчетливо прослеживается стремление государства упорядочить доступ к

документам, установив для него приемлемые с точки зрения обеспечения сохранности объектов документального наследия правила и определенные ограничения. С другой стороны, в постсоветский период в отношении практики организации использования архивных фондов, коллекций и отдельных документов сложилось четкое определение информационной услуги, которая должна оказываться заинтересованным пользователям максимально полно и качественно. Таким образом, можно констатировать, что современная практика стандартизации доступа к архивным документам существует в условиях очевидного концептуально-методологического кризиса, заключающегося в необходимости сочетать обозначенные соответствующими структурами нового российского государства в первой половине 1990-х гг. демократические обязательства со стремлением этих же структур контролировать использование гражданами и организациями объектов документальной информационной среды.

Представляется, что этот кризис является следствием накопившегося опыта архивной политики государства в рассматриваемой сфере. Для этого опыта к настоящему времени не сложилось реально апробированной альтернативы, вследствие чего он оказывает инерционное воздействие на практику реализации доступа к объектам историко-документального наследия. Суть данного опыта заключается в том, что создатели и соответственно собственники документов постоянно стремились при выработке социальных норм и вытекающих из них стандартов организации доступа к архивам учесть прежде всего собственную заинтересованность в использовании созданной ими информационной продукции и особенно в распоряжении ею в своих управленческих и иных интересах. Господствовавшая до принятия в 1918 г. практика регулирования условий и границ доступа к документальным объектам архивного хранения различными административно-бюрократическими ведомствами сменилась в условиях созданного советского государства практикой государственного управления организацией использования архивных документов. Созданный и юридически оформленный в качестве объекта правового регулирования государственный архивный фонд, преемником которого стал Архивный фонд Российской Федерации, представлял собой однородную информационную систему, в которой в отличие от практики демократического развития ряда зарубежных стран отсутствовало разделение на публичные, частные, а также личные архивы. Поэтому, в том числе в рамках федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации», государство на нормативном уровне предусматривает наличие для

собственников или владельцев ценных в историко-культурном отношении архивных документов юридических обязанностей перед государством и обществом. Об этом, в частности, свидетельствует норма седьмого пункта шестой статьи данного закона, согласно которой в договоре между собственником или владельцем архивных документов и государственным или муниципальным архивом (органом местного самоуправления), музеем, библиотекой или научной организацией, включенной в утвержденный Правительством Российской Федерации перечень, «указываются обязанности собственника или владельца архивных документов по хранению, учету и использованию документов Архивного фонда Российской Федерации» [5 р. 7].

Обозначенная норма наряду с имеющей место подвижностью подходов органов управления архивным делом субъектов Российской Федерации и тем более руководителей архивных учреждений, не входящих в сферу государственного регулирования к стандартизации доступа к документам по отдельным «чувствительным» темам российской истории; встречающимся предпочтением в пользу практики инициативной публикации архивных документов по сравнению с обеспечением к ним открытого доступа в читальных залах формируют ту реальную практическую ситуацию, которая определяет современную практику использования архивных документов гражданами и организациями.

Обращаясь к перспективам и нуждающимся в решении проблемам стандартизации доступа к архивным документам в России, следует отметить необходимость систематизации и органичного соотнесения созданных в данной области за последние два с половиной десятилетия норм конституционного, гражданского и информационного права. В первую очередь достижение системности как одного из базовых и фундаментальных принципов правового регулирования любых видов общественных отношений должно быть обеспечено в сфере интерпретации основных исторически сложившихся понятий и категорий в области архивного дела, имеющей не только терминологическое, но и сущностное значение.

В частности, очевидно, что в рамках статьи 44 Конституции Российской Федерации, предусматривающей в своей второй части право каждого «на доступ к культурным ценностям» [6; 44, р. 2], содержится не только потенциальное, но и фактически существующее противоречие с второй частью статьи 35 этого же документа, согласно которой «каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и

совместно с другими лицами» [7; 35, р. 2]. Поскольку в соответствии с содержанием статьи 128 первой части Гражданского кодекса РФ к числу законодательно охраняемых объектов гражданских прав относятся «вещи... бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага» [8; 1, art. 128], вся совокупность норм Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации», ориентированная на обеспечение доступа и ограничение распоряжения документами Архивного фонда Российской Федерации для частных лиц, являющихся собственниками этих документов, оказывается нереализуемой на практике. Очевидно, что в данном случае более гибкими с нормативной точки зрения и, следовательно, более реализуемыми на практике являются положения федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации» и, в частности, положение пункта 4 статьи 8 данного закона. Согласно его формулировке «не может быть ограничен доступ к информации, накапливаемой в открытых фондах библиотек, музеев и архивов, а также в государственных, муниципальных и иных информационных системах, созданных или предназначенных для обеспечения граждан (физических лиц) и организаций такой информацией» [9; 8, р. 4].

В соответствии с рассматриваемым примером, имеющим концептуальный и в существенной мере системный характер, представляется необходимым констатировать наличие открытых для доступа документальных комплексов, находящихся во владении или в распоряжении государственных и муниципальных архивов, и документальных комплексов, порядок и режим доступа к которым может определяться частными собственниками. Очевидным и тормозящим, в том числе с точки зрения стандартизации доступа к архивной документальной информации, положением федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» является содержащееся в его третьей статье однозначное определение архивного документа как «материального носителя с зафиксированной на нем информацией, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и подлежит хранению в силу значимости указанных носителей для граждан, общества и государства», и архива как «учреждения или структурного подразделения организации, осуществляющих хранение, комплектование, учет и использование архивных документов» [10; 3].

Методические и практические проблемы реализации норм права

Представляется очевидным, что, во-первых, существующая совокупность архивных документов не ограничивается юридически достоверной и упорядоченной с точки зрения используемого формуляра документацией и, во-вторых, объективно существует совокупность архивных документов, остающихся исключительно в электронной среде и заверенных с помощью электронной подписи. Таким образом, более обоснованным как с юридической, так и с практической точки зрения организации и стандартизации доступа к документированной информации является определение архива как организационно и институционально упорядоченной информационной системы, включающей в себя архивные документы, а также технологии их систематизации, хранения, поиска и использования.

Помимо базовых, с нашей точки зрения, юридических проблем стандартизации доступа к архивным документам, имеющих, как было отмечено, глубокие исторические корни, в данной сфере существуют также технологические проблемы, которые, на наш взгляд, могут иметь успешное практическое решение. К ним относятся определение унифицированного подхода к организации хранения и учета являющихся объектом поиска документов (в частности, через установление вариативного определения понятия единицы хранения как любого обособленного (в том числе виртуально обособленного в виде самостоятельной электронной записи) носителя документированной информации); стандартизация элементов традиционного и электронного описания для всех архивных документов; установление и внедрение нормативной базы тиражированной публикации документов не только в типографской, но также в нетипографской форме.

Заключение

Таким образом, сфера стандартизации доступа к архивным документам имеет в условиях развития современного информационного общества глобальный и системный характер. Многие, в том числе представленные выше, предложения в данной предметной области несомненно нуждаются в обсуждении и научной разработке, что позволит в еще большей мере сблизить интересы создателей, хранителей и пользователей объектов документального наследия нашей страны.

Литература

1. *Delmas B.* La societe sans memoire. Propos dissidents sur la politique des archives en France. Paris: Bourin Editeur, 2006. 206 p.
2. *Илизаров Б.С.* Роль документальных памятников в общественном развитии (Теоретические вопросы использования архивных документов). М.: МГИАИ, 1987. 88 с.; Закон СССР об архивном деле и архивах. Каким ему быть? Мнение ученых. Инициативный авторский проект. М., 1990. 54 с.
3. *Козлов В.П.* Документальная память в архивоведческом знании. М.: Древлехранилище, 2017. 331 с.
4. Административный регламент по предоставлению Федеральным архивным агентством государственной услуги «Организация информационного обеспечения граждан, организаций и общественных объединений на основании документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов» (утвержден приказом Федерального архивного агентства от 09.01.2017 г.; № 1; зарегистрирован в Министерстве юстиции 28.04.2017 г., регистрационный № 46355) // Официальный сайт Федерального архивного агентства (Росархива). URL: <http://archives.ru/documents/regulations/adm-reglament-organization-inform-service.shtml> (дата обращения 01 окт. 2018).
5. Федеральный закон № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (принят 20 октября 2004 г.). Статья 6, пункт 7 // Официальный сайт Федерального архивного агентства (Росархива). URL: <http://archives.ru/documents/fz/zakon-archivnoe-delo.shtml> (дата обращения 01 окт. 2018).
6. Конституция Российской Федерации (принята 12 декабря 1993 г.). Статья 44, пункт 2 // НПП «Гарант-Сервис». URL: <http://constitution.garant.ru/> (дата обращения 01 окт. 2018).
7. Конституция Российской Федерации (принята 12 декабря 1993 г.). Статья 35, пункт 2 // НПП «Гарант-Сервис». URL: <http://constitution.garant.ru/> (дата обращения 01 окт. 2018).
8. Гражданский кодекс Российской Федерации № 51-ФЗ (утвержден 30 ноября 1994 г.). Статья 128 // НПП «Гарант-Сервис». URL: <http://base.garant.ru/10164072> (дата обращения 01 окт. 2018).
9. Федеральный закон № 149 – ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (принят 27 июля 2006 г.). Статья 8, пункт 4 // НПП «Гарант-Сервис». URL: <http://base.garant.ru/12148555/> (дата обращения 01 окт. 2018).
10. Федеральный закон № 125 – ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (принят 20 октября 2004 г.). Статья 3 // Официальный сайт Федерального архивного агентства (Росархива). URL: <http://archives.ru/documents/fz/zakon-archivnoe-delo.shtml> (дата обращения 01 окт. 2018).

References

1. Delmas B. La societe sans memoire. Propos dissidents sur la politique des archives en France. Paris: Bourin Editeur, 2006. 206 p.
2. Ilizarov BS. Role of documentary monuments in social development (Theoretical questions of using of the archival documents). Moscow: MGIAI Publ.; 1987. 88 p. (In Russ.); Law of USSR about archive-keeping and archives. What content will it has? Viewpoint of scientists. Initiated authorial project. Moscow, 1990. 54 p. (In Russ.)
3. Kozlov VP. Documentaty memory in archival knowledge. Moscow: Drevlekhranilitshe Publ.; 2017. p. 312. (In Russ.)
4. Administrative regulation on presenting by Federal archival agency of state service "Organization of informational servicing for the citizens, organizations and social communities on base of documents of Archival Fond of Russian Federation and of other archival documents" (approved by order of Federal archival agency from January 9th, 2017 № 1; registered in Ministry of Justice on 28 of April 2017, registering № 46535). Official website of the Federal Archive Agency (Rosarkhiv). [Internet]. [data obrashcheniya 01 oct. 2018]. URL: <http://archives.ru/documents/regulations/adm-reglament-organization-inform-service.shtml> (In Russ.)
5. Federal law № 125 – FZ "On archive-keeping in Russian Federation" (approved on October 20th, 2004). Article 6, item 7. Official website of the Federal Archive Agency (Rosarkhiv). [Internet]. [data obrashcheniya 01 oct. 2018]. URL: <http://archives.ru/documents/fz/zakon-archivnoe-delo.shtml> (In Russ.)
6. Constitution of Russian Federation (approved on December 12, 1993). Article 44, item 2. NPP "Garant-Servis". [Internet]. [data obrashcheniya 01 oct. 2018]. URL: <http://constitution.garant.ru/> (In Russ.).
7. Constitution of Russian Federation (adopted at 12 December 1993). Article 35, point 2. NPP "Garant-Servis". [Internet]. [data obrashcheniya 01 oct. 2018]. URL: <http://constitution.garant.ru/> (In Russ.).
8. Civil code of Russian Federation № 51-FZ (approved on November 30, 1994). Article 128. NPP "Garant-Servis". [Internet]. [data obrashcheniya 01 oct. 2018]. URL: <http://base.garant.ru/10164072> (In Russ.).
9. Federal law № 149-FZ "On information, informational technologies and support of information" (passed on July 27, 2006). Article 8, item 4. NPP "Garant-Servis". [Internet]. [data obrashcheniya 01 oct. 2018]. URL: <http://base.garant.ru/12148555/> (In Russ.).
10. Federal law № 125 – FZ "On archival work in Russian Federation" (passed on October 20, 2004). Article 3. Official website of the Federal Archive Agency (Rosarkhiv). [Internet]. [data obrashcheniya 01 oct. 2018]. URL: <http://archives.ru/documents/fz/zakon-archivnoe-delo.shtml> (In Russ.).

Сведения об авторе

Григорий Н. Ланской, д-р ист. наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; gri_lanskoi@list.ru.

Information about the author

Grigory N. Lanskoy, Dr. in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; gri_lanskoi@list.ru.

Организация хранения аудиовизуальных документов в архивах России на современном этапе

Мария М. Жукова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, m.m.zhukova@mail.ru*

Аннотация. В статье затронуты теоретические и практические вопросы организации хранения кинофотофоно- и видеодокументов в составе фондов личного происхождения и архивных коллекций, поступивших в российские архивы из частной собственности, а также проблемы поиска, атрибуции и изучения аудиовизуальных документов, отделенных от основного массива соответствующих письменных документов, в силу сложившейся отечественной специфической практики работы архивов с такими документами.

Основываясь на опыте работы с документами крупнейших российских архивов, автор анализирует содержание дискуссионного понятия «аудиовизуальные документы личного происхождения», которое на практике охватывает более широкий круг документов, чем принято считать. Автор рассматривает практические последствия раздробленности архивных фондов, содержащих аудиовизуальные документы, главным из которых является утрата информации о содержании документов. На примере документальных комплексов деятелей кино и фотографии затронута проблема совершенствования научно-справочного аппарата к кинофотофонодокументам, поступившим на хранение в специализированные архивы отдельно от письменных документов.

В результате изучения раздробленных комплексов документов личного происхождения и сравнительного анализа письменных и аудиовизуальных документов удалось уточнить атрибуцию многих фото- и фонодокументов федеральных архивов.

Предложены пути преодоления последствий раздробления личных коллекций документов и раздельного хранения письменных и аудиовизуальных документов личного происхождения в российских архивах,

в т. ч. с помощью реализации междисциплинарных исследований, основанных на поливидовой источниковой базе, по истории, теории и практике аудиовизуальных коммуникаций.

Ключевые слова: архивоведение, аудиовизуальный документ, фонд личного происхождения, научно-справочный аппарат, история фотографии, история кинематографа

Organization of storage of audiovisual documents in the archives of Russia at the present stage

Maria M. Zhukova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, m.m.zhukova@mail.ru*

Abstract. The article considers the theoretical and practical issues of organizing the storage of cinema, photo and video documents within funds of personal origin and archival collections acquired by Russian archives from private property as well as the issues of searching, attributing and studying audio-visual documents separated from the main body of relevant written documents on the strength of the current domestic specific practice of working with such documents.

Based on the experience of the major Russian archives in working with documents author analyzes the meaning of debatable definition "audiovisual documents of personal origin" which in practice covers a wider range of documents than is commonly considered. The author considers the actual consequences of the fragmentation of archival funds containing audiovisual documents, the main of which is the loss of information about the content of documents. By the example of collections of photographers and filmmakers also the problem of improvement of archives' finding aids is examined.

As a result studying the fragmented complexes of documents of personal origin and the comparative analysis in written and audiovisual documents the author succeeded in correcting an attribution for some photos and sound records within collections of federal archives.

The article offers some ways of overcoming the consequences of fragmentation of personal collections of documents and separate storage of written and audiovisual documents of personal origin in Russian archives, among them the way of performing an interdisciplinary research based on a multiple source base in the history, theory and practice of audiovisual communications.

Keywords: archive management, audiovisual document, documents and collections of personal origin, archives' finding aids, history of photography and cinema

Введение

Глобальное распространение и упрощение технологий кино-, видео-, фото- и фонодокументирования событий общественной и частной жизни стало причиной лавинообразного роста количества аудиовизуальных документов, которые откладываются в личных коллекциях документов граждан и могут представлять ценность с точки зрения комплектования Архивного фонда РФ.

Комплектование архивов документами личного происхождения, которые находятся в частной собственности граждан, является одним из приоритетных направлений деятельности архивных учреждений, в том числе и архивов аудиовизуальных документов.

Поэтому важным представляется рассмотрение некоторых вопросов теоретического и практического плана, которые сохраняют свою актуальность в области работы с данными документами, с учетом роста количества кинофотофоно- и видеодокументов личного происхождения и в связи с укоренением в отечественном архивоведении коллекционного принципа при работе с аудиовизуальными документами.

Понятие «аудиовизуальные документы личного происхождения»: теория и практика

На сегодняшний день в специализированных архивах сосредоточены коллекции фотодокументов выдающихся отечественных фотохудожников, фотокорреспондентов, фонодокументы известных радиожурналистов и коллекции фонофонистов.

Важность этого направления работы архивов подчеркивает тот факт, что для Российского государственного архива кинофотофонодокументов (РГАКФД) частные коллекции долгое время являлись едва ли не единственным источником комплектования архива фотодокументами из-за отсутствия организаций – источников комплектования в данной сфере [1 с. 84].

При этом современная практика работы архивов с разнообразными документами личного происхождения ставит перед исследователями ряд актуальных проблем.

Прежде всего, до сих пор дискуссионным является определение «аудиовизуальные документы личного происхождения», что отчасти можно объяснить различным толкованием родового понятия «документы личного происхождения» [2].

В узком смысле к ним принято относить любительские фотографии, звукозаписи, кино- и видеосъемки, в течение жизни отложившиеся в архиве фондообразователя – частного лица. Как правило, это семейные фотодокументы и фотоальбомы, индивидуальные и групповые фотопортреты, репортажные снимки, любительские видеозаписи, запечатлевшие фондообразователя и его окружение в неформальной обстановке или во время значимых событий, фотодокументы с записью голосов фондообразователя, его близких, коллег, друзей и т. д.; зачастую авторами-создателями таких документов выступает сам фондообразователь, члены его семьи и близкого окружения. Кроме того, к таким документам относят также комплексы документов, сложившиеся в результате коллекционирования и целенаправленного собирания [3 с. 229].

Однако практика работы с аудиовизуальными документами вынуждает архивистов раздвинуть границы определения: в составе АФ РФ в статусе фондов личного происхождения хранятся фонды выдающихся фотокорреспондентов, фотохудожников, кинорежиссеров, журналистов радио, значительную часть которых составляют аудиовизуальные документы, созданные фондообразователем в рамках исполнения им своих служебных обязанностей, в профессиональных целях; содержание данных документов не отражает непосредственно события жизни фондообразователя.

Например, фонд журналиста «Радио России» В.А. Соколовской в Отделе хранения аудиовизуальных документов Центрального государственного архива г. Москвы включает свыше 150 ед. хр. фотодокументов, которые представляют собой записи интервью и других радиопередач, в создании которых принимала участие фондообразователь [4 с. 244–245].

В связи с этим возникает вопрос: насколько правомерно относить данные документы к документам личного происхождения? На взгляд автора, этот подход правомерен не только в силу того, что документы поступили на государственное хранение из частной собственности и отложились на хранение в составе фонда личного происхождения, но и потому, что данные документы являются результатом творческой деятельности их автора.

Природа аудиовизуальных документов, в т. ч. выполненных профессионалами в рамках служебных заданий, такова, что они являются одновременно и документом, и авторским произведением, т. е. несут отпечаток личности автора, являются отражением его политической и общественной позиции, творческих взглядов, что максимально сближает их с письменными документами личного происхождения.

Поэтому наиболее плодотворное изучение и использование данных документов возможно именно в контексте с другими документами личного происхождения автора (письма, дневники, записные книжки, воспоминания, творческие документы и т. д.), которые также откладываются в фондах личного происхождения, в отличие от фондов учреждений.

Последствия хранения аудиовизуальных документов в составе обособленных коллекций и единых фондов

Что касается практики работы с аудиовизуальными документами личного происхождения в составе фондов и коллекций в архивах РФ, то, на взгляд автора, наиболее актуальной проблемой в этой сфере является проблема раздробленности фондов и коллекций документов личного происхождения, содержащих аудиовизуальные документы.

Еще в советский период сформировалась следующая практика комплектования архивов: если в личном архиве фондообразователя отложилось большое количество аудиовизуальных документов (фото документов преимущественно), то при поступлении на государственное хранение комплекс документов дробился между несколькими архивами; аудиовизуальные документы передавались на хранение в специализированный архив, а письменные документы – в архив соответствующего профиля.

Традиционные архивы, со своей стороны, отказывались принимать на хранение значительные объемы аудиовизуальных документов из-за невозможности создать для них должные условия хранения, особенно если речь шла о таком специфическом виде фотодокументов, как негативы на стекле или звукозапись на магнитной ленте.

Это отступление от фундаментального принципа недробимости фонда имеет вполне практические последствия: атрибуция фотодокументов в аудиовизуальных архивах значительно затрудняется в отрыве от письменных документов. А это, в свою очередь, снижает эвристические свойства научно-справочного аппарата архива. В итоге раздробленность документального комплекса препятствует полноценному изучению документов, входящих в его состав [5 с. 142.].

В качестве примера рассмотрим архивную судьбу документального наследия отечественных художников-фотопортретистов Н.И. Свицова-Паола и М.С. Наппельбаума. Коллекции документов этих фотографов в процессе передачи в состав ГАФ СССР были

разделены: негативы на стекле были переданы в ЦГАКФД СССР, а письменные документы и позитивные отпечатки с авторскими аннотациями поступили на хранение в ЦГАЛИ СССР [5, 6].

Кроме того, значительная коллекция фотопортретов советских ученых работы М.С. Наппельбаума отложилась в архиве РАН [7]. Из-за этого разделения значительная часть документов М.С. Наппельбаума и Н.И. Свищова-Паола в РГАКФД не атрибутирована, портреты не опознаны, в том числе те, которые имеют соответствующие позитивные копии с авторскими аннотациями в фондах фотографов в РГАЛИ. Сравнение документов позволяет в некоторых случаях уточнить атрибуцию снимков либо идентифицировать изображенных лиц, которые до этого значились как неизвестные.

Например, сравнение фотодокументов РГАЛИ и РГАКФД позволило среди портретов неизвестных лиц работы Н.И. Свищова-Паола в РГАКФД выявить фотодокументы с изображением инженера В.Г. Шухова [8 л. 1-2, 9 №№ 4-34710, 4-34711], архитектора А.В. Щусева [9 № 4-34881, 10 л. 3], певицы Коретты Арле-Тиц [9 № 4-34728, 11 л. 1], актера А.В. Быкова в образе [9 № 4-34670, 12 л. 2].

Сравнение фотодокументов М.С. Наппельбаума, хранящихся в РГАЛИ, в РГАКФД и в Фотоархиве ЛАФОКИ ИИЕТ РАН¹, помогло уточнить атрибуцию и идентифицировать некоторые ранее неопознанные портреты, находящиеся в РГАКФД: ученого Е.С. Варги [9 №№ 4-34450, 4034451, 4-34452], писателя П.Ф. Аболимова [9 № 4-34515, 13 л. 1], актера П.И. Леонтьева [9 № 4-34525, 14 л. 1], оперного певца М.А. Соловьева [9 №№ 4-34414, 4-34415; 4-36366, 15 л. 1], поэта О.Э. Мандельштама [9 № 4-36438], балерины З.М. Вяземской [9 № 4-34421, 16 л. 1] и др.

Аналогично сложилась судьба документального наследия советского фотокорреспондента В.А. Темина. После поступления на государственное хранение коллекция оказалась разделенной между РГАКФД (фотодокументы на пленке и бумаге) и ГАРФ (письменные документы и часть позитивных отпечатков в составе авторских альбомов). Из-за этого значительная часть фотодокументов, которые не поддавались расшифровке без обращения к записным книжкам фотографа, на этапе комплектования РГАКФД была выделена к уничтожению [17 с. 40]. Часть документального наследия фотокорреспондента, которая находится на хранении в ГАРФ, была обработана и описана более полно из-за наличия в составе фондов письменных документов В.А. Темина [18].

¹ Фотоархив Лаборатории научно-прикладной фотографии и кинематографии Института истории естествознания и техники РАН им. С.И. Вавилова.

Однако проблема раздробленности фондов личного происхождения и снижения эвристического потенциала НСА архивов актуальна не только для фотодокументов.

Также разделенным оказалось документальное наследие кинорежиссера М.И. Ромма: письменные документы (литературные и режиссерские сценарии, либретто, творческие заметки, статьи, рукописи мемуаров, переписка) и фотодокументы режиссера находятся в РГАЛИ [19], а коллекция любительских звукозаписей – фонодокументов с записью воспоминаний М.И. Ромма², которые он записывал на магнитофонную ленту самостоятельно в 1960-е гг., хранится в РГАФД: в 1989 г. дочь режиссера Наталья Кузьмина передала, по-видимому, все сохранившиеся в семье записи голоса М.И. Ромма в ЦГАЗ СССР, сейчас РГАФД [20].

Это разделение также привело к тому, что в отрыве от письменных документов фонодокументы не были тщательно описаны и атрибутированы.

Согласно описи фонда М.И. Ромма в РГАФД, воспоминания режиссера записаны на магнитной ленте на 22 ед. хр., хронометражом более 18 часов звучания; помимо фонодокументов с записью воспоминаний в фонде также хранятся записи публичных выступлений, интервью, бесед режиссера с учениками и коллегами, а также воспоминания о М.И. Ромме и запись вечера памяти режиссера 1976 г.

Однако изучение фонодокументов позволило уточнить видовую принадлежность многих записей. В частности, среди записей, которые в архиве отнесены к воспоминаниям, выявлены черновые звукозаписи голоса М.И. Ромма (авторский комментарий режиссера к фильмам «Первые страницы» об экранном образе В.И. Ленина и «Мир сегодня» [20 № 1 (3)]), а также записи встреч режиссера предположительно со студентами ВГИКа либо другой заинтересованной аудиторией.

Таким образом было установлено, что непосредственно звуковые воспоминания М.И. Ромма в РГАФД составляют 14 ед. хр. из 22 атрибутированных как воспоминания, общим звучанием 12 ч. 27 мин.

В практике российских архивов можно найти также и позитивные примеры работы с фондами личного происхождения, которые содержат значительное количество аудиовизуальных документов, в частности, фонд советского кинооператора и режиссе-

² Эти записи известны в историографии как «Устные рассказы» М.И. Ромма и частично опубликованы.

ра М.А. Трояновского, который хранится в ГАРФ [21]. Наряду с письменными документами (творческими документами, материалами к биографии) в состав фонда входят более 4 500 фотодокументов, включая позитивные отпечатки и негативы (М.А. Трояновский одинаково профессионально владел кинокамерой и фотоаппаратом). Таким образом, благодаря сохранению единства фонда, созданы максимально благоприятные условия для изучения и публикации этих документов. Впрочем, этот пример можно считать уникальным: комплекс документов М.А. Трояновского был передан в архив спустя много лет после его смерти в упорядоченном состоянии вдовой режиссера, большинство негативов и позитивных отпечатков в составе авторских фотоальбомов и фотоподборок имели аннотации, что на практике встречается крайне редко [5 с. 139].

Заключение

В целом, основываясь на представленном выше опыте работы с аудиовизуальными документами личного происхождения в РГАК ФД, РГАФД, РГАЛИ и других архивах, бесспорно можно констатировать, что раздробление фондов имеет негативные последствия: увеличивается количество документов, не поддающихся расшифровке, что может служить основанием для выделения их к уничтожению; снижается качество описания документов и информационный потенциал НСА архива; возникают определенные трудности при изучении данных документов как исторических источников с точки зрения их происхождения и содержания.

При этом очевидным является тот факт, что преодоление раздробленности фондов путем физического перемещения документов из одного архива в другой невозможно.

Смягчение последствий проблемы раздробленности возможно, на взгляд автора, двумя путями. Во-первых, перспективной представляется подготовка специального межархивного справочника или указателя по фондам личного происхождения, в т. ч. содержащим аудиовизуальные документы, который помог бы преодолеть физическое рассредоточение документов.

Во-вторых, необходимо проведение комплексных исследований (например, по истории, теории и практике фотографии, кино, телерадиовещания) на основе по возможности полного выявления документов в архивах, в т. ч. с использованием электронного НСА, и публикация их результатов.

Эти меры позволят максимально плодотворно использовать аудиовизуальные документы АФ РФ в комплексе с письменными источниками в научных исследованиях, в публикаторской деятельности, а также для совершенствования информационных ресурсов архивов.

Литература

1. *Моисеева Р.М.* К вопросу об экспертизе ценности фотодокументов, передаваемых на постоянное хранение в государственные архивы на примере РГАКФД // Вестник архивиста. 2011. № 3. С. 84–88.
2. *Бурова Е.М.* Терминология в сфере работы с документами личного происхождения // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2017. № 3 (9). С. 29–44.
3. *Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 394 с.
4. Центральный архив аудиовизуальных документов Москвы: Путеводитель. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Главархив Москвы, 2007. 352 с.
5. *Харитонова Е.В.* Некоторые вопросы атрибуции фотодокументов личного происхождения // Вестник архивиста. 2001. № 6 (66). С. 138–143.
6. *Волкова Е.В.* Фотодокументы, передаваемые на постоянное хранение в РГАКФД из личного архива М.С. Наппельбаума // Вестник архивиста. 2011. № 3. С. 168–174.
7. *Мокрова М.В.* Портретная фотогалерея РАН (к истории формирования архивных коллекций Лаборатории научно-прикладной фотографии и кинематографии) // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 4. С. 120–142.
8. РГАЛИ. Ф. 2611. Оп. 1. Д. 204.
9. РГАКФД.
10. РГАЛИ. Ф. 2611. Оп. 1. Д. 207.
11. РГАЛИ. Ф. 2611. Оп. 1. Д. 25.
12. РГАЛИ. Ф. 2611. Оп. 1. Д. 47.
13. РГАЛИ. Ф. 2325. Оп. 1. Д. 1.
14. РГАЛИ. Ф. 2325. Оп. 1. Д. 278.
15. РГАЛИ. Ф. 2325. Оп. 1. Д. 451.
16. РГАЛИ. Ф. 2325. Оп. 1. Д. 120.
17. *Харитонова Е.В.* Личный фонд фотокорреспондента В.А. Темина в РГАКФД // Отечественные архивы. 2000. № 3. С. 37–43.
18. ГАРФ. Ф. 10140.
19. РГАЛИ. Ф. 844.
20. РГАФД. Ф. 14. Оп. 4 «м».
21. ГАРФ. Ф. 10094.

References

1. Moiseeva RM. On the question of the value examination of photographic documents handed over for permanent storage to public archives by the example of Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv kinofotodokumentov (RGAKFD). *Vestnik arkhivista*. 2011;3:84-88. (In Russ.)
2. Burova EM. Terminology of practical work with documents of personal origin. *RSUH/RGGU Bulletin. "Series: Records Management and Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security" Series*. 2017;3:29-44. (In Russ.)
3. Magidov VM. Audiovisual documents in the context of historical knowledge. Moscow: RGGU Publ.; 2005. 394 p. (In Russ.)
4. Moscow central archive of audiovisual documents. Reference book. Moscow: Glavarkhiv Moskvyy Publ.; 2007. 352 p. (In Russ.)
5. Haritonova EV. About the description of photographs of personal origin. *Vestnik arkhivista*. 2001;6:138-143. (In Russ.)
6. Volkova EV. Photographs acquired by RGAKFD from M.S. Nappelbaum's personal collection. *Vestnik arkhivista*. 2011;3:168-174. (In Russ.)
7. Mokrova MV. Portrait gallery of Russian Academy of Science (about creation of archival collections of Laboratory of scientific photography and films). *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 2010;4:120-142. (In Russ.)
8. The Russian State Archive of Literature and Arts. Fond 2611. Opis' 1. Delo 204.
9. RGAKFD.
10. The Russian State Archive of Literature and Arts. Fond 2611. Opis' 1. Delo 207.
11. The Russian State Archive of Literature and Arts. Fond 2611. Opis' 1. Delo 25.
12. The Russian State Archive of Literature and Arts. Fond 2611. Opis' 1. Delo 47.
13. The Russian State Archive of Literature and Arts. Fond 2325. Opis' 1. Delo 1.
14. The Russian State Archive of Literature and Arts. Fond 2325. Opis' 1. Delo 278.
15. The Russian State Archive of Literature and Arts. Fond 2325. Opis' 1. Delo 451.
16. The Russian State Archive of Literature and Arts. Fond 2325. Opis' 1. Delo 120.
17. Haritonova EV. Personal fund of news photographer Temin V.A. in RGAKFD. *Otechestvennye arkhivy*. 2000;3:37-43. (In Russ.)
18. State Archives of the Russian Federation. Fond 10140.
19. The Russian State Archive of Literature and Arts. Fond 844.
20. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv fonodokumentov. Fond 14. Opis' 4 «м».
21. State Archives of the Russian Federation. Fond 10094.

Информация об авторе

Мария М. Жукова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; m.m.zhukova@mail.ru

Information about the author

Maria M. Zhukova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; m.m.zhukova@mail.ru

Современный дискурс архивоведения научно-технических документов

Юлия И. Новосельская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, novoreality@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается архивоведение научно-технических документов с позиции существующих научно-исследовательских, педагогических и методических практик. Обозначаются историографические аспекты формирования дисциплины «Архивоведение научно-технических документов».

Автор формулирует определение понятия «Архивоведение научно-технических документов» и характеризует его как систему научного знания, которое изучает теорию, историю, методику и организацию деятельности по сохранению и использованию научно-технической документации как источника по истории науки и техники.

Автором разработана периодизация архивоведческого знания о научно-технических документах, начиная с 1970-х годов XX века.

Приводится созданный автором историографический обзор материалов круглых столов РГГУ «Проблема 2000», в котором отражено движение вектора проблематики архивоведения научно-технических документов с 2000 по 2007 годы: новые подходы к комплектованию научно-технической документации; технология сохранения особо ценных документов; инновационные направления преподавания дисциплин, связанных с научно-техническими документами; правовые аспекты работы научно-технических архивов; экономическая история и формирование бизнес-архивов; социокультурные аспекты использования научно-технических документов; виртуальные выставки архивных научно-технических документов в электронной информационной среде.

Намечены основные направления развития архивоведения научно-технических документов как объекта научных исследований, преподавания и организационно-методической деятельности.

Ключевые слова: дискурс, архивоведение научно-технических документов, система иерархии знаний, практики деятельности, историография

Contemporary discourse in archive management of scientific and technical documents

Yulia I. Novoselskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, novoreality@mail.ru*

Abstract. Archival science of scientific and technical documents is considered from the standpoint of existing research, pedagogical and methodological practices. Historiographical aspects of the formation of the discipline “Archival science of scientific and technical documents” are designated.

The author formulates the definition of the concept “Archival science of scientific and technical documents” and describes it as a system of scientific knowledge that studies the theory, history, methodology and organization of activities for the preservation and use of scientific and technical documentation as a source on the history of science and technology.

The author has developed a periodization of archival scientific knowledge of scientific and technical documents, since the 1970s of the XX century.

The author’s historiographic review of the materials of the round tables of the RSUH “Problem 2000” is given, which reflects the movement of the vector of the problems of archival science of scientific and technical documents from 2000 to 2007: new approaches to the completion of scientific and technical documentation; technology of preservation of especially valuable documents; innovative directions of teaching disciplines related to scientific and technical documents; legal aspects of scientific and technical archives; economic history and the formation of business archives; socio-cultural aspects of the use of scientific and technical documents; virtual exhibitions of archival scientific and technical documents in the electronic information environment.

The main directions of development of archival science of scientific and technical documents as an object of scientific research, teaching and organizational and methodological activity are outlined.

Keywords: discourse, archive management of scientific and technical documents, system of hierarchy of knowledge, practice of activity, historiography

Введение

Развитие исследований, формирование учебных курсов и методических разработок, связанных с научно-техническими архивами и документами, насчитывают более чем полувековую историю. На протяжении всего этого времени содержание указанного направления определялось общественными потребностями в научно-технической документации, ее ролью как источника по истории науки, техники и экономики, а также теми взглядами и позициями, которыми располагали постоянно развивающиеся архивная наука и практика. В этом ключе нами используется термин «дискурс», осмысленный как сложная система иерархии знаний, включающей кроме текста социальную, профессиональную и институциональную обусловленность.

Круг теоретических вопросов, связанных с обработкой, хранением и использованием научно-технических документов (НТД) в архивной информационной среде, с середины 90-х гг. XX века фокусируется в проблематике дисциплины «Архивоведение НТД», возникшей в результате дифференциации архивного знания.

Архивоведение НТД – система научного знания

В классическом труде В.Н. Автокротова «Теоретические проблемы отечественного архивоведения» [1] есть прямая констатация наличия архивоведения НТД и вывод о формировании архивоведческих субдисциплин и их теоретических систем. Автор опирается на работы В.М. Магидова, К.Б. Гельмана-Виноградова, В.М. Жигунова, а также основоположников направления «Научно-технические архивы» А.А. Кузина и Н.Г. Филиппова.

К началу 2000-х гг. «Архивоведение НТД» определяется как самостоятельная научная дисциплина, которая изучает и разрабатывает теорию, историю, методiku и организацию деятельности по сохранению и использованию НТД как источника ретроспективной информации, отражающей процессы и результаты научно-технической деятельности.

Процесс дифференциации гуманитарного знания, в частности архивоведческого, сложный и длительный. Он определяется многообразием факторов. Часть из них относится к внутренней логике развития научного знания, другие определяются социальным запросом на это знание и на его практические приложения. Определенной симметрии в темпах и наполнении влияния этих факторов

не наблюдается. В настоящий момент мы сталкиваемся с рядом существующих достаточно независимых друг от друга практик, при- сущих научной, педагогической и организационно-методической деятельности в области НТД.

Научные исследования связаны в основном с персональными интересами ученых и плановыми разработками профессиональных корпораций (ИАИ РГГУ, ВНИИДАД, РГАНТД). Педагогическая деятельность по проблематике научно-технических архивов (НТА) и научно-технических документов осуществляется кафедрой Документоведения, научно-технических и аудиовизуальных архивов (и ее предшественниками) ИАИ РГГУ в соответствии с постоянно меняющимися государственными профессиональными образовательными стандартами. Преподавание соответствующих дисциплин в области повышения квалификации осуществляется ВНИИДАД, отраслевыми государственными центрами и частными архивными фирмами (ЭЛАР, ТЭЛОС АРХИВ и др.). Организационно-методическая деятельность ведется и воплощается в методической документации, создаваемой в Росархиве, ВНИИДАД и РГАНТД.

На этом фоне встает вопрос о том, в какой мере архивоведение НТД представляет собой систему научного знания?

В период 70-х – 90-х гг. XX века в работах А.А. Кузина, Н.Г. Филиппова, К.Б. Гельмана-Виноградова, П.С. Преображенской и Н.Г. Башариной уже сформированы теоретические основы архивоведения НТД:

- история науки и техники рассматривается как системообразующий фактор теории НТА;
- процессы документирования научно-технической деятельности исследуются на основе ее эвристической сущности;
- выделено специфическое наполнение основных разделов архивоведения НТД (теория видов и разновидностей НТД, история научно-технических архивов, методика экспертизы ценности и комплектование НТА, система научно-справочного аппарата архивов НТД, организация использования НТД).

В 90-е гг. наступает эра прагматики в самой научно-технической деятельности и меняются структура и формы ее организации, что неизбежно влияет на процессы комплектования научно-технической документацией государственных архивов. В этот период в области архивоведения НТД и на его основе утверждается новое направление в науке и преподавании – «Экономические и бизнес-архивы», сформулированное в работах И.В. Карапетянц.

Значительное внимание уделяется изучению зарубежного опыта работы с документацией организаций и предприятий различных форм собственности. Направление «бизнес-архивы» преимущественно по отношению к архивоведению НТД, так как значительная часть бизнес-архивов содержит именно научно-техническую документацию.

Становление архивоведения НТД в 2000-е гг.

В определенном смысле зеркалом развития архивоведения НТД в 2000-е гг. стал выпуск ИАИ РГГУ продолжающегося издания «Проблема 2000», инициированный кафедрой Научно-технических и экономических документов и архивов, которое выходило в период с 2000 по 2007 гг.

Первый выпуск издания «Проблема 2000» – сборник докладов Круглого стола «Наука, техника, экономика: что сохраним потомкам?» [2] обрисовывает острые проблемы теории и практики работы с НТД. В нем рассматриваются новые, связанные с процессами приватизации подходы к комплектованию НТД (А.Г. Черешня), вопросы теории и технологии сохранения особо ценных НТД (Ф.А. Гедрович), идеология преподавания дисциплины НТД в ИАИ РГГУ в условиях новой системы управления экономикой (Ю.И. Новосельская), возможности использования зарубежного опыта взаимодействия национальных архивов и частных предприятий (И.В. Карапетянц). Таким образом, уже можно говорить о ключевых сюжетах архивоведения НТД, которые станут основными моментами его развития вплоть до 10-х гг. XXI в.: специфика комплектования НТД в различные исторические периоды, теория и практика сохранения НТД в условиях меняющихся экономических реалий, теория архивов НТД как научного знания в рамках развития учебной дисциплины.

Следующий сборник «Проблема 2001» [3] концентрирует внимание исследователей на архивном образовании в контексте меняющейся научно-технической и экономической среды создания НТД. Здесь в основе лежат задачи описания этой среды через: науковедческие категории (А.Г. Аллахвердян), разработку теории экспертизы ценности НТД (А.Г. Черешня), разработку теории комплектования Архивного фонда РФ научно-технической документацией (В.М. Жигунов), выбор студентами ИАИ тем дипломных работ, отражающих их мотивации как будущих специалистов (Ю.И. Новосельская).

Сборник «Проблема 2002» [4] сосредоточен на вопросах архивного права в области НТД, в частности, на правовых основах сохранения и использования интеллектуальной собственности, закрепленной в НТД с позиции изучения патентной информации (Г.В. Бромберг), процессов формирования электронных НТД (В.М. Жигунов), правовых аспектов учета и комплектования НТД (А.Г. Черешня). Указанные исследования четко определяют специфику архивного права в сфере НТД, которое становится самостоятельным направлением в составе архивоведения НТД.

В сборнике «Проблема 2003» [5] отражены поиски кафедры Научно-технических и экономических документов и архивов еще одного теоретического ресурса архивоведения НТД – экономической истории, а также формированию в Российской Федерации направления бизнес-архивы. Последнее тесно связано с НТА и, в теоретическом и методическом отношении, базируется на архивоведении НТД. Этот этап развития специального архивоведения характеризуется созданием концепции научно-образовательного направления «Экономические и научно-технические архивы» (И.В. Карапетянц), исследованием процессов формирования бизнес-архивов в различных отраслях экономики, в частности, в киноиндустрии (Ф.А. Гедрович), осмыслением путей и форм профессионального объединения архивистов, работающих в научно-технической сфере и бизнесе (Ю.И. Новосельская), изучением зарубежного опыта развития экономической истории и бизнес-архивов (И.В. Поткина, Л.И. Бородин), дальнейшим исследованием особенностей практики комплектования НТД негосударственных коммерческих структур государственным архивом (А.Г. Черешня). К этому времени можно говорить о непреложном факте взаимодействия проблематики архивоведения НТД со складывающейся в России теорией и практикой бизнес-архивов.

Сборник «Проблема 2004» [6] раскрывает социокультурные аспекты проблематики архивоведения НТД. Наступает новый период уточнения роли и статуса архивов, в том числе и научно-технических, в обществе, так как в это время управление архивным делом передано в ведение Министерства культуры, а архивы воспринимаются рядом структур госуправления скорее как сервисные службы. В этом ключе анализируются современные подходы к роли и значению архивиста в обществе как широко мыслящего хранителя социальной памяти в области науки, техники и экономики (И.В. Карапетянц). Исследуются социокультурные механизмы формирования частных документальных собраний по истории предприниматель-

ства в России (И.В. Поткина), гуманитарная составляющая информационного страхования и ее реализация на базе РГАНТД (Ф.А. Гедрович), социокультурные ориентиры учебных программ курсов по архивоведению НТД, выражающиеся в «обнаружении» в архивной среде человека с его потребностями как создателя, пользователя, хранителя документов (Ю.И. Новосельская). Весьма существенной стала постановка инновационной проблемы определения сущности архивных документов как культурных ценностей (А.Г. Черешня), исследование меняющейся роли архива в системе современных коммуникаций на примере архива РАН (В.Ю. Афиани). И, наконец, представлено исследование Единого Архивного Информационного Пространства (ЕАИП) с введением характеристики его параметров, связанное с сущностью использования архивных документов (Е.В. Боброва).

И в последнем, изданном в 2007 г., сборнике «Проблема 2005» [7] продолжается исследование социокультурной тематики, которая, как мы можем заключить, связана с использованием НТД. Впервые речь идет о культурном потреблении информации, содержащейся в НТД, которая может использоваться в коммерческих, экономических, правовых и коллекционных целях. Этому в значительной степени способствует активно развивающаяся архивная информационная среда и сопутствующая ей популяризация научно-технических документов для многих разноплановых групп пользователей (Ю.И. Новосельская). В этой связи интерес представляет культурологическое исследование, посвященное потребительской навигации в культуре, также связанное с использованием электронных информационных ресурсов и их технологическими возможностями, позволяющими осуществлять экспертизу ценности объектов индустрии звукозаписи (А.Б. Долгин). Развитие архивной электронной информационной среды порождает новые виды деятельности и информационные продукты. Так, впервые, в 2004 г. в РГАНТД создается виртуальная выставка архивных документов по истории науки и техники (А.Н. Орлов). Впоследствии создание виртуальных выставок станет одним из самостоятельных направлений организации и использования НТД и существенным материалом в качестве объекта для архивоведения НТД. Кроме того, сборник содержит результаты разработки и внедрения автоматизированных технологий в практику подготовки архивных справочников в РГАНТД (Г.А. Медведева), а также – исследований специальной телеметрической документации как объекта архивного хранения (А.Н. Балакирев).

Развитие архивоведения НТД в 2010-е гг.

Дальнейшее развитие проблематики научно-технических архивов и документов сопровождается ростом методологической части архивоведения НТД, а именно историко-техническими и историографическими исследованиями, связанными с научно-технической деятельностью. Указанному направлению посвящен ряд работ С.С. Илизарова [8, 9]. В настоящее время эта тематика находит также свое отражение в соответствующих учебных курсах кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов.

В значительной степени сфера архивной практики мотивирует развитие такого раздела архивоведения НТД, как архивное право. Это работы, посвященные анализу нормативно-правовых актов по работе с НТД П.А. Кюнга [10, 11], а также совместная работа И.В. Волковой и П.А. Кюнга по нормативно-правовой базе НТД и методике комплектования государственных архивов научно-технической документацией [12].

В то же время остается актуальной для исследователей ИАИ РГГУ тема изучения зарубежного опыта сохранения документов по истории науки, техники, производства [13]. В 2012–2014 гг. М.А. Чичугой и П.А. Кюнгом был проведен анализ деятельности государственных и негосударственных организаций двадцати стран Западной Европы и США [14], по результатам которого был создан Путеводитель по архивам науки, техники и промышленности, который опубликован на сайте факультета документоведения и электронных архивов. Планируется его постоянная поддержка и пополнение.

Накопленный к настоящему времени исследовательский и методический материал по работе с научно-техническими документами и архивами, относительная зрелость архивоведения НТД позволили продолжить автору настоящей работы начатые с середины 90-х гг. XX века исследования в области историографии архивоведения НТД [15, 16].

Заключение

Теоретические основы формирования архивоведения НТД складываются с начала 1970-х гг. XX в. В 1990-е гг. начинается его институализация как научной дисциплины. Эти годы были наиболее сложным и одновременно насыщенным инновациями периодом в практике работы с НТД, что и вызвало к жизни в 2000-е гг.

всплеск научных исследований, позитивно сказалось на развитии архивоведения НТД и создании новой научной школы. В 2010-е гг. тематика исследований расширяется за счет историко-технических, историографических и правовых аспектов изучения научно-технических документов.

Сегодня архивоведение НТД представляет собой целостную систему научного знания. Его развитие во многом определяется сложившимися научно-исследовательскими, педагогическими и технологическими практиками. Центрами развития этой сферы архивного дела являются профессиональные корпорации (Росархив, ИАИ РГГУ, ВНИИДАД, РГАНТД, государственные и негосударственные Центры повышения квалификации).

Дальнейшее развитие столь значимого предметного поля отечественного архивоведения видится в следующих направлениях: исследование понятийного аппарата архивоведения НТД и включение его основных понятий в национальные и международные стандарты, расширение комплекса учебных дисциплин по архивоведению НТД как вариативной части профессиональной подготовки бакалавров по направлению 46.03.02 «Документоведение и архивоведение» на всех профилях подготовки, разработка и публикация методических документов по работе с НТД на различных уровнях управления архивным делом.

Список литературы

1. Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001. 396 с.
2. Проблема 2000. Наука, техника, экономика: что сохраним потомкам?: Доклады и сообщения на круглом столе 10 апреля 2000 г., Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). М., 2000. 115 с.
3. Проблема 2001. Архивное образование в научно-технической и экономической реальности современной России: Доклады и сообщения на круглом столе 27 апреля 2001 г., РГГУ. М., 2002. 167 с.
4. Проблема 2002. Наука, техника, экономика. Правовые основы сохранения и использования интеллектуальной собственности: Доклады и сообщения на круглом столе 24 апреля 2002 г., РГГУ. М., 2003. 130 с.
5. Проблема 2003. Экономическая история и бизнес-архивы: институционализация знания и новая архивная парадигма: Материалы круглого стола 19 мая 2003 г., РГГУ. М., 2004. 99 с.

6. Проблема 2004. Социально-культурные смыслы архивов и архивных документов современной России: Материалы круглого стола 19 мая 2004 г., РГГУ. М., 2005. 94 с.
7. Проблема 2005. Экономические и научно-технические архивы: наука, практика, сфера культуры: Материалы круглого стола 6 июня 2005 г., РГГУ. М., 2007. 87 с.
8. *Илизаров С.С.* История науки и техники: от зарождения исследовательского направления до формирования в России профессионального сообщества // Архив истории науки и техники. Вып. IV (XIII). М: Янус-К, 2010. С. 5–91.
9. *Илизаров С.С.* Отечественная историография истории науки и техники: Хроника: 1901–2011 гг. М.: Янус-К, 2012. 488 с.
10. *Кюнг П.А.* Развитие нормативной правовой базы создания, обращения и хранения научно-технической документации в РФ на современном этапе // Материалы международной конференции «Документ. Архив. История. Современность». Екатеринбург, 2014. С. 24–28.
11. *Кюнг П.А.* Нормативная и правовая база учета результатов научно-технической деятельности в Российской Федерации на современном этапе // Вестник РГГУ. 2015. № 1. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации». С. 46–57.
12. *Волкова И.В., Кюнг П.А.* (ответственный исполнитель). Анализ нормативных правовых документов, принятых в Российской Федерации в 2007–2012 гг. по вопросам создания, состава, оформления и обращения научно-технической документации. Аналитический обзор (деп. СИФ ОЦНТИ ВНИИДАД № 258). М., 2014. 436 с.
13. *Чичуга М.А.* Несколько слов о зарубежном опыте по истории науки, техники и производства // Вестник РГГУ. 2015. № 1. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации». С. 36–45.
14. *Чичуга М.А., Кюнг П.А.* Путеводитель по архивам науки, техники и промышленности // РГГУ. Историко-архивный институт. URL: <http://www.fdta.ru/nauka/putevoditel-po-arkhivam-nauki-tekhniki-i-promyshlennosti> (дата обращения 02 фев. 2018).
15. *Новосельская Ю.И.* Архивоведческие дисциплины по проблемам научно-технических документов на факультете Технотронных архивов и документов // Технотронные документы – информационная база источниковедения и архивоведения: Сб. науч. статей. М.: РГГУ, 2011. С. 198–203.
16. *Новосельская Ю.И.* Историографические проблемы архивоведения научно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: fdta.ru/attachments/article/Novoselskaya_article_01.doc (дата обращения 08 фев. 2018).

References

1. Avtokratov VN. Theoretical issues of Russian archive management. Moscow: RGGU Publ.; 2001. 396 p. (In Russ.)
2. Problem 2000. Science, Technology, Economics. What We Save for Posterity? Reports at the Round Table April 10, 2000, Russian State University for the Humanities (RSUH). Moscow, 2000. 115 p. (In Russ.)
3. Problem 2001. Archival Education in the Scientific, Technical and Economic Realities of Modern Russia: Reports at the Round Table April 27, 2001, RSUH. Moscow, 2002. 167 p. (In Russ.)
4. Problem 2002. Science, Technology, Economics. Legal Basis for the Saving and Use of Intellectual Property: Reports at the Round Table April 24, 2002, RSUH. Moscow, 2003. 130 p. (In Russ.)
5. Problem 2003. Economic History and Business Archives: Institutionalization of Knowledge and the New Archival Paradigm: Round Table Proceedings May 19, 2003. RSUH. Moscow, 2004. 99 p. (In Russ.)
6. Problem 2004. Socio-cultural Meanings of Archives and Archival Documents of Modern Russia. Round Table Proceedings May 19, 2004, RSUH. Moscow, 2005. 94 p. (In Russ.)
7. Problem 2005. Economic and Scientific and Technical Archives: Science, Practice, Sphere of Culture: Round Table Proceedings June 6, 2005, RSUH. Moscow, 2007. 87 p. (In Russ.)
8. Ilizarov SS. History of science and technology: from the inception of the research direction to the formation of a professional community in Russia. V: *Arkhiv istorii nauki i tekhniki*. Issue. IV (XIII). Moscow: Yanus-K Publ.; 2010. p. 5-91. (In Russ.)
9. Ilizarov SS. National historiography of the history of science and technology: Chronicle: 1901–2011. Moscow: Yanus-K Publ.; 2012. 488 p. (In Russ.)
10. Kyung PA. Development of the normative legal framework for the creation, circulation and storage of scientific and technical documentation in the Russian Federation at the present stage. V: Proceedings of the international conference "Document. Archive. History. Modernity". Ekaterinburg, 2014. p. 24-28. (In Russ.)
11. Kyung PA. Normative and legal framework for recording the results of scientific and technical activities in the Russian Federation at the present stage. *RSUH/RGGU Bulletin. "Records Management and Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security" series*. 2015;1:46-57. (In Russ.)
12. Volkova IV., Kyung PA. (responsible executor). Analysis of regulatory legal documents passed in the Russian Federation in 2007–2012. On the creation, composition, design and circulation of scientific and technical documentation. Analytical review. 2014 (dep., CIF OCNTI VNIIDAD No. 258). Moscow, 2014. (In Russ.)

13. Chichuga MA. A few words about the foreign experience in the history of science, technology and production. *RSUH/RGGU Bulletin. "Records Management and Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security" series*. 2015;1:36-45. (In Russ.)
14. Chichuga MA., Kyung PA. Guide to the archives of science, technology and industry. RGGU. Institute for History and Archives. [Internet]. [data obrashcheniya 02 feb. 2018]. URL: <http://www.fdta.ru/nauka/putevoditel-po-arkhivam-nauki-tekhniki-i-promyshlennosti> (In Russ.)
15. Novoselskaya YuI. Archivist disciplines on the issues of scientific and technical documents at the Faculty of Tekhnotronon archives and documents. V: Technotronic documents – information base of source studies and archive management. Sat. scientific articles. Moscow: RGGU Publ.; 2011. p. 198-203. (In Russ.)
16. Novoselskaya YuI. Historiographic issues of archive management and technical documentation. [Internet]. [data obrashcheniya 02 feb. 2018]. URL: fdta.ru/attachments/article/Novoselskaya_article_01.doc. (In Russ.)

Информация об авторе

Юлия И. Новосельская, доцент, Российский государственный гуманитарный университет; Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; novoreality@mail.ru

Information about the author

Yulia I. Novoselskaya, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; novoreality@mail.ru

УДК 342(049.32)

Новая монография А.Н. Медушевского: взгляд историка-государствоведа

Татьяна Г. Архипова

*Российский государственный университет,
Москва, Россия, archipova-iai@mail.ru*

Аннотация. В статье на фоне анализа современного состояния отечественной историографии анализируется содержание монографии известного историка, философа и политолога А.Н. Медушевского, посвященной конституционно-правовой составляющей политической истории России последнего столетия. С этой целью рассмотрено введение к основному тексту, обращается внимание на оригинальность концепции и понятийного аппарата, историографическую и источниковую базу, совокупность применяемых автором научных методов широкого спектра гуманитарных наук. Основное содержание работы изложено в двенадцати главах исследования, в которых последовательно рассматриваются конституционные проекты и их реализация в виде основных законов в России на протяжении XX века. Анализ в соответствии с заявленной методологией ведется от результатов, зафиксированных в текстах конституций, к замыслам и целям их авторов. Последняя глава работы венчает попутно начатый в предшествующих главах окончательный выход на проблемы современного состояния российской государственности. Увлечение исследовательскими методами правовых наук приводит к тому, что в работе в большей степени представлена политико-правовая, нежели политическая история. Некоторое количество дискуссионных положений не умаляет ценности данного исследования, адресованного серьезному и вдумчивому читателю, любящему и болеющему за судьбу России.

Ключевые слова: конституции, конституционные комиссии, конституционализм, российская государственность, реформы, А.Н. Медушевский

New monograph by A. Medushevsky.
The view of a historian and a state expert

Tatyana G. Arkhipova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, archipova-iai@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the content of the monograph of the famous historian, philosopher and political scientist A.N. Medushevsky, whose work is dedicated to the constitutional and legal component of the Russia's political history of the last century. For this purpose, the introduction to the main text is considered. Special attention is drawn to the originality of the concept and the conceptual apparatus, the historiographical and source base, the totality of the scientific methods for a wide range of the humanities used by the author. The main content of the work is set out in the twelve chapters of the study, which consistently examines the constitutional projects and their implementation in the form of basic laws in Russia throughout the twentieth century. The analysis, in accordance with the stated methodology, starts with the results recorded in the texts of the constitutions and leads to the intentions and the goals of their authors. The last chapter of the work ties the previous chapters, which, in passing, deal with the final solution to the problems of the current state of the Russian statehood. Devotion to the research methods of legal sciences leads to the fact that in the work politically biased legal history prevails over political history. A certain number of discussion points do not depreciate the value of this research, addressed to a serious and thoughtful reader, who loves Russia and takes its destiny to heart.

Keywords: constitutions, constitutional commissions, constitutionalism, Russian statehood, reforms, A.N. Medushevsky

Введение

Минувший 2017 год прошел у историков, и не только у них, под знаком столетнего юбилея революции в России. По всей стране состоялись конференции, «круглые столы», чтения и иные научные собрания. Участие в некоторых из них позволяет утверждать, что, во-первых, сто лет – не срок для изучения такого рода событий, во-вторых, что на сегодняшний день у ученых, причем не только

отечественных, нет консенсуса в оценке событий столетней давности, но и минувшего века в целом.

С нашей точки зрения, постреволюционная отечественная историография делится на два периода. Первый: 1917 – середина 1980-х гг., когда история революции принадлежала ее победителям, писать о ней можно было под их присмотром и в соответствии с господствующей идеологией. Выход за установленные ими рамки мог быть осуществлен, в лучшем случае, за пределами страны. Это была беда, а не вина историков. Их изыскания, особенно в фактологической их части, игнорировать, думается, некорректно. Вторая половина 80-х гг. – настоящее время – это второй период отечественной историографии. Нынешнее поколение российских историков имеет возможность по-новому взглянуть на революционные события XX в. Добытый в массе источников или реконструированный факт (их уже накопилось достаточно), без его объяснения и интерпретации остается только фактом, вырванным из событийного ряда.

Ученые разделились на три лагеря. В одном из них наблюдается оценка революции как единственно верного выхода из сложившихся реалий начала минувшего века, в другом – оценка прямо противоположная, наоборот, предлагается либо один, либо ряд иных вариантов, в третьем – предпринимается попытка примирить эти две точки зрения. В этом нет ничего трагедийного – пусть цветут все цветы, в науке должно быть место для дискуссий. Они, как и преемственность, и отрицание наработок предшественников в какой-то их части, являются основой для развития любой науки.

Вышедшее в минувшем году монографическое исследование известного российского ученого, специалиста широкого спектра гуманитарных наук А.Н. Медушевского, написано именно в этом русле. В нем имеется все: и выводы дискуссионного характера, и преемственность, и отрицание.

Прежние работы А.Н. Медушевского затрагивали различные аспекты проблем политической и конституциональной истории русской революции, в этой же он сосредотачивается на них более детально. Он вычленил и рассмотрел конституционно-правовую составляющую российской истории последнего столетия. В такой постановке проблема рассматривается впервые, хотя не только зарубежные, но и отечественные историки – государствоведы и специалисты в области конституционного права и истории государства и права так или иначе ее касались.

Анализ содержания монографии

Введение к основному тексту содержит не только традиционные для этой части работы составляющие, но и авторскую оригинальную, последовательную и систематичную концепцию политической истории России XX – начала XXI века. Объектом его исследования являются конституции, числом которых Россия в минувшем веке удивила весь мир, предметом – «содержание, структура и динамика конституционных принципов, факторы их содержательной трансформации и вклада в формирование общественных отношений» (1 с. 15–16). В этой же части работы автор дает собственную, оригинальную трактовку используемому им довольно сложному понятийному аппарату, объясняет предлагаемую периодизацию, предопределившую структуру работы, представляет читателю совокупность применяемых научных методов. Особенно подробно автор останавливается на когнитивном методе. Впечатляет использованный автором круг источников. В первую очередь им использовались документы российских конституционных комиссий – начиная с проектов предреволюционного периода до программы Временного правительства и Учредительного собрания, а также комиссий, готовивших тексты конституций 1918, 1924, 1936, 1964, 1977 годов. Изучались и проекты конституций, относящиеся к эпохе перестройки (1985–1991 гг.), и, наконец, проекты Конституции Российской Федерации 1993 года, заложившей основы современного конституционно-правового устройства России. В числе источников – идеологические манифесты, программные заявления политических партий, воспоминания государственных и политических деятелей и другие документы. Использовались автором и материалы зарубежных архивов. Привлекаемая им литература принадлежит, в основном, перу зарубежных авторов и российских эмигрантов. Это его выбор, и он имеет на это право.

Думается, что здесь нет необходимости перечислять названия двенадцати глав исследования – в них последовательно рассмотрены причины разработки, варианты реализованных и нереализованных проектов конституций в интервале с 1917 г. до конца XX века. Чуть ли не треть текста посвящена Конституции СССР 1936 г. Работу отличает огромное количество фактического материала, масса параллелей и сравнений с аналогичными процессами в разное время в других государствах. Она густо «населена» персонажами.

Анализ в соответствии с заявленной методологией ведется от результатов, зафиксированных в текстах конституций, к замыс-

лам и целям их авторов. Увлечение исследовательскими методами правовых наук приводит к тому, что в работе в большей степени представлена политико-правовая, нежели политическая история, что не ставится в упрек автору, т.к. введением к работе такой ракурс предусматривался. Однако это не могло не сказаться в том, что при таком построении работы за ее пределами осталась совокупность реалий того времени, а тезис об отсутствии в России конституционализма и причинах этого не находит достаточного обоснования.

Последняя, XII глава «Завершение революционного проекта: крушение СССР и формирование постсоветской политической системы» венчает начатый в предшествующих главах окончательный выход на проблемы современного состояния российской государственности.

Заключение ко всей работе под названием «Понять русскую революцию» в значительной степени содержит аналитическую составляющую, выводы по всему исследованию и прогнозы на будущее конституционализма в России.

Значительная часть его выводов представляется вполне обоснованной. Ну кто, например, возразит по поводу вывода об отсутствии фатальности революции и причинах «революционного срыва в России» (1 с. 75)? Вот уж, действительно, «верхи» не смогли, а «низы» не захотели. Революционная ситуация в начале века была не только в России – человечество жаждало перемен. И там, где они под влиянием российской революции произошли, государства обошлись без революций. Трудно возразить против названных А.Н. Медушевским причин непродолжительного властвования Временного правительства (1 с. 89–97), против констатации им приоритета идеологии над политикой (1 с. 440, 498 и др.), против вывода о том, что перманентное конституционное творчество не привело к подлинному конституционализму, к появлению на просторах России правового государства. Примеры эти можно множить.

В целом высоко оценивая эту монографию, нельзя не назвать ряд, с нашей точки зрения, дискуссионных положений, выдвинутых автором, хотя все они логично укладываются в сконструированную им схему, отвечают критериям, им заявленным. Однако в случае использования других схем и критериев работа может оказаться уязвимой.

Думается, растягивать революцию – на без малого век, не вполне оправданно. Дело в том, что большевики не имели четких представлений о государственном устройстве, государственном аппарате, экономической политике и т. п. в новой России (откуда им

быть, когда чуть ли не за месяц до революции Ленин не мечтал до нее дожить?). Подобрав валявшуюся на улицах осеннего Петрограда власть, встретив сопротивление не только свергнутых классов, преодолевая его, ведя войну на два фронта, они «на ощупь» стали искать подходящую им схему. Спонтанность действий по строительству новой государственности сопровождалась отказом от прежних туманных теоретических построений. В большинстве своем они очень быстро были заменены новыми. Общие контуры новой политической системы были обозначены в актах конституционного характера: «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и в резолюции III Съезда Советов «О федеральных учреждениях Российской республики». Но часть ленинского окружения, общественность настаивали на принятии Конституции. В преддверии ее принятия 29 мая 1918 г. ЦК партии заявляет, что «декреты, мероприятия советской власти исходят, главным образом, от нашей партии». Роль первой советской Конституции, думается, принижена в отечественной историографии, а ведь она закрепила сложившуюся к лету 1918 г. политическую систему и предопределила последующую практику советского строительства. Уже в этой Конституции просматриваются контуры «федеративного» государства. И Ленин, и Сталин были унитаристами. Первый стал федералистом под влиянием обстоятельств, второй не менял своих взглядов всю жизнь, периодически напоминая о преимуществах «социалистического унитаризма» и призывая не путать право выхода из федерации с целесообразностью выхода. После принятия первой Конституции главной задачей становится защита новой власти – никто не приходит к власти с намерением ее отдать. Текст Конституции СССР 1924 г. в большинстве случаев (исключение – главы о Верховном суде СССР и ОГПУ) повторяет положения первой советской Конституции, да и договорной она была только по форме. Две последующие советские конституции были приняты в преддверии юбилейных революционных дат и должны были демонстрировать всему миру достижения советской власти.

С нашей точки зрения, революция завершилась с принятием Конституции 1936 г. Завершилась в том виде, в каком ее задачи к этому времени представлялись прагматикам, стоящим у руля государства. Конституция закрепила границы его правового поля. Предреволюционный социальный проект приказал долго жить, государство следовало бы называть не советским, а партийным со всеми вытекающими последствиями. Как известно, ленинская теория «народного» государства стала рушиться еще при нем – по-

литики далеко не всегда выполняют свои обещания. Эта Конституция действовала по существу вплоть до крушения Советского Союза. Последующие конституционные инициативы до начала перестройки не имели столь значительного влияния. Даже знаменитая 6-я статья Конституции 1977 г. была более четкой формулировкой 126-й статьи ее предшественницы. Высоко оцененная даже международным сообществом сталинская Конституция (при сопоставлении ее с практикой внутренней политики) была антисталинской – наиболее ярким примером номинального конституционализма.

В свете вышеизложенного дискуссионным представляется вывод о принятии конституций накануне репрессий (1 с. 617). Дело в том, что репрессии в советский период были всегда, хотя и носили волнообразный характер. Самым высоким гребнем волны были 1937–1938 гг. Причины этого видятся в отсутствии тех достижений, которые анонсировались властью чуть ли не сразу после революции, в необходимости ответить на сакраментальный в России вопрос «кто виноват?», в опасениях власти по поводу состава депутатского корпуса в Советах всех уровней из-за изменений избирательной системы (выборы прошли год спустя после принятия Конституции неслучайно). Виноваты были найдены быстро, и ответ на следующий вопрос «что делать?» был предreshен.

Трудно согласиться с предложением о необходимости радикальной конституционной реформы в современной России (1 с. 636–637). Думается, что сначала гражданское общество должно заставить власть выполнять эту Конституцию, которая, как и Конституция 1936 г., постепенно на наших глазах превращается в номинальную. Можно принять еще несколько конституций, но без следования им конституционализм в России не появится. Разработчики последней российской Конституции предполагали ее переходный характер, считая, что после ее апробации возможны коррекция ее статей либо принятие новой.

Заключение

Перечень дискуссионных вопросов можно было бы продолжить (повторимся, без дискуссий трудно представить прогресс в любой науке), но это ни в коей мере не умаляет вклада А.Н. Медушевского в изучение политической истории России XX – начала XXI века. Книга эта для серьезного и вдумчивого читателя, любящего и болеющего за судьбу России.

Литература

1. Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.

References

1. Medushevsky AN. The political history of the Russian revolution. The norms, institutions, forms of social mobilization in the twentieth century. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.; 2017. 656 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Г. Архипова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; archipova-iai@mail.ru

Information about the author

Tatyana G. Arkhipova, Dr. in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; archipova-iai@mail.ru

Архивы – жизненно необходимое пространство для развития исторической науки.

О сборнике статей: Роль архивов в информационном
обеспечении исторической науки: сборник статей / авт.-сост.

Е.А. Воронцова; отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю.А. Петров. М.:
Этерна, 2017. 1000 с.

Андрей С. Минаков

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, minakovas@bk.ru*

Аннотация. В статье анализируется содержание третьего сборника статей проекта «Музеи – библиотеки – архивы в информационном обеспечении исторической науки». Дается характеристика основных проблем, затронутых его авторами. Определены взгляды авторитетных представителей исторического и архивного сообщества по проблеме функционирования архивов в цифровом информационном пространстве.

Автор определяет высокую актуальность и научно-практическую значимость рассматриваемой дискуссии. Формулируется вывод о сохраняющемся высоком значении архивов как основных хранилищ исторических источников. Одновременно указывается на новые исследовательские возможности в условиях проникновения в архивную среду цифровых технологий. Автор подчеркивает особую роль в укреплении и развитии взаимодействия историков и архивистов таких исследовательских центров, как Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета и Архив Российской академии наук. Обращается внимание на необходимость продолжения подобного диалога представителей научного сообщества, усиление внимания к прикладным вопросам взаимоотношений историков и архивов, в том числе с учетом опыта не только центральных, но и региональных архивохранилищ. Данная дискуссия на страницах сборника имеет большие перспективы в плане расширения исследовательских горизонтов. Они позволяют актуализировать потенциал как отдельных архивохранилищ, так и документальных комплексов, наметить векторы

дальнейшего развития исследовательской мысли, а также посредством диалога выработать общие модели взаимодействия историков и архивистов. По мнению автора, архивы имеют существенное значение в формировании культурно-просветительского пространства, необходимого как для исследователей, так и для развития современного образованного общества.

Ключевые слова: архивы, историческая наука, исторические источники, информация, документ

Archives – a vital space for the development of historical science.

About the collection of papers: The Role of Archives
in Information Support of Historical Science.

A collection of articles / E.A. Vorontsova (auth.-comp.);
V.Yu. Afiani, Yu.A. Petrov (eds.). Moscow: Eterna, 2017. 1000 p.

Andrei S. Minakov

*Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia, minakovas@bk.ru*

Abstract. The article analyzes the content of the third collection of articles of the project “Museums – Libraries – Archives in Information Support of Historical Science”. The paper presents the characteristic of the main issues raised by the authors of the project. The author defines views of the authoritative representatives of the historical and archival community on the issue of archives functioning in the digital information space.

The author expands on the high relevance and the scientific and practical importance of the discussion under consideration. The conclusion is formulated about the continuing high value of archives as primary repositories of historical sources. At the same time, the author points to new research opportunities in the conditions of digital technologies penetration into the archival environment. In the consolidation and the development of the interaction between historians and archivists, the author emphasizes a special role of such research centers as M.V. Lomonosov Moscow State University, Institute for History and Archives of the Russian State University for the Humanities and the Archives of the Russian Academy of Sciences. Attention is drawn to the need to continue such a

dialogue between the representatives of the scientific community, to increase attention to the applied issues of the relationship of historians and archives, taking into account the experience of not only central but also regional archives. The discussion on the pages of the collection of articles is very promising in terms of expanding the research horizons. They will make it possible to keep current the potential of separate archives as well as documentary complexes, to outline the vectors for the further development of research thought, and also through dialogue – to develop some common models of the interaction between historians and archivists. According to the author, the archives are essential in the formation of cultural and educational space necessary for researchers and for the development of modern educated society.

Keywords: archives, historical science, historical sources, information, document

Выдающийся историк и популяризатор исторической науки С.О. Шмидт в одной из своих работ заметил, что «возрастающий интерес к богатствам архивов – это залог возрастания роли архивов в формировании общественного сознания, исторической памяти народа» [1 с. 93]. Признанный патриарх историко-архивного просвещения неслучайно столь красноречиво и почтительно отзывался об архивах. Коллекции документов всегда являлись неотъемлемым контекстом образованного общества, культурной средой, генерирующей прогрессивную прослойку общества, стимулируя исследовательскую мысль. Неслучайно становление отечественной исторической науки шло одновременно с знакомством пионеров российской историографии с архивными собраниями. Архивные источники активно использовались в XVIII в. В.Н. Татищевым, Г.Ф. Миллером, А.-Л. Шлецером, М.В. Ломоносовым, М.Н. Щербатовым и др.

Сегодня архивы остаются жизненно необходимым пространством для развития исторической науки. Именно поэтому историки не менее эмоционально переживают за будущее архивных коллекций, их место в меняющемся мире, поскольку во многом это определяет судьбу исторических исследований в целом. Перспективы исторической науки в современном интенсивно развивающемся информационном обществе неслучайно вызывают серьезную озабоченность научного мира. Консервативная по своей природе область познания, опирающаяся на интеллектуальный багаж прошлого и оперирующая категориями прошлого, историческая наука уже столкнулась с радикальными вызовами современности. В их числе

лавинообразный рост объемов информации, проблема ее сохранения традиционными (физическими) способами, а также будущее архивов в цифровом пространстве.

Данные обстоятельства диктуют необходимость максимально широкого диалога научного сообщества о путях дальнейшего взаимодействия историков в условиях их возрастающей потребности как в архивных, так и музейных и библиотечных собраниях. Хорошей площадкой такой мультидисциплинарной дискуссии является проект «Роль музеев – библиотек – архивов в информационном обеспечении исторической науки», который с 2013 г. реализуется по инициативе и под руководством историка, музейоведа и культуролога Е.А. Воронцовой. Он привлек внимание и деятельную заинтересованность многих участников – специалистов самого широкого гуманитарного профиля из России и других стран. На данный момент уже с успехом организована и проведена серия конференций, опубликованы материалы по широкому кругу проблем взаимоотношений исторического сообщества с музеями и библиотеками [2,3,4,5,6,7,8]. Выход настоящего рецензируемого издания, посвященного роли архивов в информационном обеспечении исторической науки, весьма знаково совпадает с большим, столетним юбилеем организации Государственной архивной службы России.

Значительный физический объем сборника вполне отражает богатство его содержания и высокий уровень представительства авторского коллектива. В числе его авторов можно увидеть сотрудников российских и зарубежных научных центров, архивов и образовательных учреждений из Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Воронежа, Новосибирска, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Калининграда, Рязани и других городов, а также исследователей из Нидерландов и Японии. Основу издания вполне ожидаемо составили специалисты исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, имеющего давние традиции фундаментальных источниковедческих исследований и апробации новаторских методик исторической информатики; Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, на протяжении многих десятилетий являющегося кузницей кадров отечественной архивной отрасли; и, наконец, Архива Российской академии наук, где аккумулируется документальное наследие представителей отечественной исторической мысли.

В контексте архивоведческой проблематики данный междисциплинарный проект поднимает комплекс взаимосвязанных вопро-

сов. С разной степенью полноты они нашли отражение в рассматриваемом сборнике статей. Среди многих проблем, которые носят преимущественно межпредметный характер, стержневым сюжетом всего сборника являются размышления о бытовании архивов в цифровых реалиях.

На первый взгляд структура книги схожа с предыдущими публикациями проекта, однако ее отличает и собственная композиционная оригинальность. Рецензируемый сборник открывают вступительные слова председателя Российского общества историков-архивистов, члена-корреспондента РАН Е.И. Пивовара и председателя редколлегии сборника, члена-корреспондента РАН Л.П. Репиной.

По традиции проекта в отдельный блок выделена серия проблемных статей, среди которых стоит выделить работу основоположника школы исторической информатики, члена-корреспондента РАН Л.И. Бородкина, который не сомневается, что будущее за цифровыми архивами и базами данных. Насущной проблемой является создание и модернизация операционных систем и алгоритмов для работы с огромными информационными массивами в цифровом виде. Л.И. Бородкин замечает, что понимание необходимости интеграции исторической науки в цифровое пространство присутствует у коллег из многих стран. Именно об этом он говорил с трибуны XXII Международного конгресса исторических наук (ISHS), состоявшегося в октябре 2015 г. в китайском Цзинане.

Не столь оптимистичен автор другой проблемной статьи. А.И. Филлошкин отмечает опасность девальвации ценности «архивной» ретроспективы из-за развития информационного общества на основе цифровых технологий. По мнению петербургского историка, объем исторической памяти у будущих поколений определяется социальным заказом, запросом на архивную информацию. Приметой времени он видит элитарность архивного продукта памяти – сегодня он фактически стал доступен для объективного понимания только ученым-специалистам.

В.Ю. Афиани, рассуждая о значительном опыте Архива РАН по формированию электронной документальной базы, поднимает важную проблему соотношения ценности и востребованности исторических источников. По его мысли, вопрос о критериях отбора документов для создания электронных копий и баз данных остается открытым.

В числе предметов, постоянно волнующих исследовательскую аудиторию, стоит проблема рассекречивания исторических документов. Особенно остро она беспокоит специалистов по изу-

чению XX столетия. Об этой проблеме рассуждает в своей статье член-корреспондент РАН В.П. Козлов. Он отмечает сохраняющуюся зависимость этого вопроса от изменения политической обстановки и государственной идеологии.

Проблемный подход в компоновке сборника позволил составителю вычленить наиболее дискуссионные сюжеты титульной темы издания. Прежде всего, отдельный комплекс материалов посвящен ключевым аспектам проблемного поля сборника – поискам понимания места архива в современной информационной инфраструктуре исторической науки. Так, автор проекта Е.А. Воронцова оптимистично смотрит на проникновение в архивную среду компьютерных технологий. Перевод документов на цифровые носители, по ее мысли, может рассматриваться как один из вариантов решения вопроса сохранности документов. Более того, оцифровка архивных документов выглядит более актуальной и осязаемой, нежели, например, библиотечных фондов. По ее мнению, музеи и библиотеки, в отличие от архивов, более космополитичны по своей сути. «И музей, и библиотека, и архив необходимы для самоидентификации человека, общества и составляющих его сообществ, но архив особенно важен как инструмент самоидентификации нации – политической общности граждан одного государства, занимающей четкую отграниченную суверенную территорию», – замечает Е.А. Воронцова [6 с. 83].

Интересные наблюдения о теоретических и практических аспектах правового регулирования доступа исследователей к архивным фондам содержатся в статьях Е.П. Малышевой и И.А. Дегтяревой. О реализации крупных проектов по организации научных архивных комплексов сообщается в статьях К.С. Дроздова, Л.А. Сидоровой, Ф.Г. Тараторкина, Н.В. Баклановой и др. Есть в данном разделе материалы и по архивной Россике. В статьях А.В. Попова, а также В.И. Звавича и А.С. Ловцова содержится, соответственно, анализ взаимодействия русских и французских архивистов в процессе формирования документальных коллекций по русской истории, а также описание состава малоисследованных фондов Архива Центра российской культуры при колледже г. Амхерст в США.

Другая группа материалов объединена проблемой использования архивных собраний в качестве информационного потенциала исторической науки. В статьях Д.И. Раскина, В.В. Тихонова, А.В. Попова, Т.Н. Лаптевой и др. анализируются ресурсы ряда крупных документальных собраний страны.

Вопросы архивной эвристики и методики исследовательской работы с документами раскрыты в статьях А.Г. Голикова, С.С. Илизарова, Г.Н. Ульяновой и др. Авторы раздела о технологиях извле-

чения информации на примере работы с фондами конкретных архивохранилищ (в том числе региональных) отмечают роль архивов и их научно-справочного аппарата в решении дискуссионных вопросов историографии. Большинство специалистов делятся с читателем собственным опытом поисковой и аналитической работы.

Историческая наука всегда отличалась наличием у историографических школ прочных традиций внимательного отношения к опыту предшествующих поколений исследователей. Именно поэтому в сюжетную линию данного раздела органично вписался мемуарный очерк известного советского историка В.И. Бовыкина. Последний рассказывает о личной практике работы с фондами различных отечественных и зарубежных архивов. Он делится с читателем собственными оригинальными эвристическими методиками, в которых одновременно проявились интуиция и образцовое трудолюбие ученого. Опыт реконструкции В.И. Бовыкиным документальных комплексов по экономической истории будет интересен не только историографам данной темы, но и исследователям иных проблем. Примечательно, что В.И. Бовыкин повествует о своих занятиях в архивах и практике работы с документами в контексте острой историографической дискуссии вокруг «нового направления» в советской историографии середины XX в.

Применение информационно-коммуникативных технологий как инструментария исторической науки и архивного дела рассмотрены в статьях М.Ю. Киселева, Ю.Ю. Юмашевой, Г.Н. Ланского и др. Они посвящены вопросам электронного копирования, создания информационных интернет-порталов, практике составления электронного научно-справочного аппарата. Коллективные статьи сотрудников Государственного архива РФ и Архива РАН сообщают о результатах уже реализованных проектов в этом направлении, а статья В.Н. Козлякова затрагивает проблемы электронной архивной эвристики интернет-публикаций по истории России XVI–XVII вв.

В отдельном разделе сборника на примере практики конкретных архивохранилищ анализируется информационный потенциал конкретных фондовых коллекций. Основательным достоинством настоящей группы статей является материал региональных архивохранилищ Алтайского края, Свердловской области. Много интересной фактической информации содержит статья известного специалиста по архивной Россике И.В. Сабенниковой.

Большой концептуальный вес имеет блок статей о коммуникации научного и архивного сообществ, где обсуждаются их взаимосвязи и дискуссионные точки соприкосновения. Так, глубоко проблемная статья Т.И. Хорхординой формулирует положения о

неразрывной триаде: историк – археограф – архивист, где «каждый – в рамках диалога равноправных и равноценных культур – внесет свой профессиональный вклад в формирование единого архивно-информационного пространства, тем более что сегодня основным вектором современного знания стало стремление к интеграции и междисциплинарному синтезу» [6 с. 761]. Именно в таком дискурсе единства, взаимовлияния и взаимообусловленности историко-архивной деятельности следует, по ее мысли, рассматривать проблему сохранения культуры архивной работы. В условиях развития информационного общества она приобретает особенное значение.

Статья Н.Г. Абрамовой актуализирует историографический аспект изучения значения места архивной работы в научной деятельности исследователя. На примере научной биографии В.И. Бovyкина она реконструирует творческую лабораторию историка, обстановка которой имеет важнейшее значение для изучения социально-культурной атмосферы, в которой велись исследования.

Содержательная статья А.Б. Безбородова посвящена уникальной научно-культурной миссии Историко-архивного института РГГУ, который на протяжении многих десятилетий воплощает сплоченное взаимодействие исторической науки, архивоведения, документологии и многих специальных исторических дисциплин. Автор отметил фундаментальность учебных программ, формирование самостоятельных научных школ по актуальным вопросам историографии и прикладным аспектам исторической науки. Он также рассказал о направлениях научно-исследовательской работы в институте – фундаментальных исследованиях, междисциплинарных разработках и изучении проблем обеспечения текущей деятельности архивных учреждений.

Коммуникативный аспект взаимодействия архивов и историков в данном разделе также разбирается с привлечением регионального компонента, материалы которого представлены Калининградской и Новосибирской областями.

Заключительный раздел сборника посвящен материалам по истории и организации архивного дела в России и зарубежных странах. Хронология его материалов очень обширна. Например, в статье И.Е. Сурикова разбирается архивная практика в Древней Греции. О.А. Барынина пишет о хранении документов по истории искусства Византии. Практическое значение для историков будет иметь информация о современном состоянии ряда зарубежных архивохранилищ. При этом отдельные авторы дали комплексный обзор состава и содержания фондов (например, Т.Г. Недзелюк –

в статье об архивах Ватикана). Другие проанализировали потенциал раскрытия на документальных источниках конкретной темы (например, статья А.С. Балезина, посвященная материалам по новой и новейшей истории Тропической и Южной Африки в архивах Намибии, Танзании, Франции, Германии); в статье Э.А. Барышева разбираются условия работы по теме «Сибирская военная экспедиция 1918–1925 гг.» в архивах Японии, а также Архиве внешней политики РФ.

Составление столь масштабных по объему и глубоких по сюжетному разнообразию изданий иной раз может вызывать критику относительно глубины раскрытия темы. Однако рецензируемый сборник следует рассматривать как замечательную попытку указать векторы взаимодействия исторического сообщества и архивной отрасли. Опубликованные в нем материалы имеют многообразное практическое применение. Потому уровень погружения авторов в свои темы вряд ли может умалить данные ключевые значения этого издания.

Впрочем, архивная теория всегда базировалась на солидном практическом фундаменте, поэтому хочется пожелать авторам не снижать высокой планки прикладного значения данной дискуссии. Конечно, в этом отношении читатели с благодарностью отметили бы более заинтересованное освещение отдельных актуальных тем. Например, несомненно большего внимания заслуживают проблемы генеалогии. Известно, что генеалоги, пожалуй, одна из наиболее массовых и устойчивых категорий пользователей архивной информации. Особенно велик их интерес к региональным архивам. Между тем в сборнике имеется лишь обстоятельная статья В.И. Баяндиной о метрических книгах в Государственном архиве Новосибирской области, что явно непропорционально масштабам интереса к данной проблематике.

В целом руководству проекта и составителю сборника надо продолжить расширять географию его участников. Несмотря на заметное присутствие региональных материалов, данный сборник все равно остается по своей сути «столичным». Между тем сведения с периферии очень важны и позволяют создавать более рельефную картину реалий архивной отрасли.

Упомянувшийся выше мемуарный очерк В.И. Бовыкина говорит о том, насколько велика ценность практического опыта известных историков. Данное наследие стоит настоятельно рекомендовать к изучению в процессе подготовки будущих специалистов. Приемы и методы историков, апробированные десятилетия назад, нисколько не утратили актуальности в настоящее время.

Заметим, что подобные примеры не единичны. Достаточно сказать, что многие видные отечественные историки щедро делились своим опытом архивных изысканий. Например, академик АН СССР Н.М. Дружинин, который также, как и В.И. Бовыкин, использовал отпуск для поездки в архивы и в своих мемуарах тоже рассказывал о собственном опыте архивных изысканий. «Сотрудники архивов стали ближайшими товарищами и помощниками исследователей» [9 с. 55], – вспоминал он позднее. Его общение с архивными документами не прерывалось даже в военное время. Так, находясь в эвакуации в Алма-Ате, он работал с фондами республиканского архива. Более того, Н.М. Дружинину удалось забрать с собой «чемодан» с архивными выписками, которые он активно использовал для подготовки докторской диссертации.

Сообщения об опыте обработки архивных документов оставили и другие историки. Например, видный советский историк академик АН СССР Е.В. Тарле имел богатый опыт работы в зарубежных архивах, которые по-прежнему остаются труднодоступными для российских историков [10]. Воспоминания о работе в архивах оставил Н.И. Павленко, из-под пера которого вышли мемуары о его многолетнем служении исторической науке [11 с. 95–96].

Читатели сборника сразу обратят внимание на некоторую условность его структуры. Многие статьи тематически можно отнести сразу к нескольким его разделам. С другой стороны, некоторые материалы диссонируют по содержанию с другими статьями соответствующего раздела. Например, интересная и содержательная работа В.И. Тихонова о современной организационно-технической стороне информатизации архивной отрасли Москвы в последние десятилетия помещена среди статей, анализирующих исследовательские практики. Кроме того, сборник несомненно выиграл бы композиционно, если бы, например, материалы по зарубежной архивной Россике были объединены в один раздел.

Тем не менее авторы сборника убедительно констатируют, что интернет-пространство нивелировало границы научных контактов. Мир исследований стал глобален. Одновременно цифровые реалии совершили революционный прорыв в доступности архивных материалов. Действительно, сейчас уже не столь важно, насколько исследователь и архивохранилище из глобальной Сети географически удалены друг от друга. Кроме того, Интернет открыл практически неограниченные возможности хранения объектов архивного поиска. Остается добавить, что цифровые технологии знаменовали экстерриториальность обращений, высокую скорость доступа к от-

крытым источникам и, наконец, качественный уровень хранения документов.

Только на первый взгляд архивное дело – это область общения узких специалистов. С 1 по 20 марта 2018 г. в московском Новом манеже состоялось выдающееся событие в культурной жизни страны. Федеральное архивное агентство, Государственный архив РФ и Департамент культуры города Москвы при участии ведущих архивов, музеев и библиотек организовали историко-документальную выставку «100 раритетов российской государственности». На выставке были представлены уникальные документальные памятники, большинство из которых несут на себе исторический груз не одного столетия. Выставка имела ошеломительный успех у москвичей и гостей столицы, которые посещали ее целыми семьями. Они подолгу вчитывались в строгие буквы легендарных древнерусских летописей, пытались разобрать витиеватую скоропись старых манускриптов, узнавали в автографах имена царей, императоров и президентов, воскрешали в памяти судьбоносные события, порожденные документами XX столетия.

Воплощение архивной исторической памяти бесконечно многолико. Как ученые споры на страницах авторитетных дискуссий, так и созерцательный интерес общественности к старинным рукописям обрекают архивные документы на историческое бессмертие.

Литература

1. *Шмидт С.О.* Архивы и историки-любители // Памятники письменности в культуре познания истории России. В 2 т. Т. 2. От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. Кн. 1. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 87–93.
2. *Воронцова Е.А., Гарскова И.М.* Информационное обеспечение российской исторической науки в информационном обществе: современное состояние и перспективы // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 5. С. 487–505. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.5.9811.
3. *Воронцова Е.А., Бородкин Л.И., Мироненко С.В.* Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 6. С. 572–577. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.6.11513.
4. *Воронцова Е.А.* Информационное обеспечение исторической науки: к постановке проблемы // 150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов Юбилейной международной научной конференции, Москва, 5–6 декабря 2013 г. М.: ГПИБ, 2014. С. 363–372.

5. 150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов Юбилейной международной научной конференции, Москва, 5–6 декабря 2013 г. М.: ГПИБ, 2014. С. 363–517 (раздел «Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки»).
6. Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородин, А.Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. 752 с.
7. Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.О. Чубарьян, В.Р. Фирсов. М.: Этерна, 2016. 672 с.
8. Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе: Сборник статей по материалам научно-практического семинара. ИНИОН РАН, 21 февраля 2017 г. / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. И.В. Зайцев. М.: ИНИОН РАН, 2017. 320 с.
9. Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка // Избранные труды / Дружинин Н.М. М.: Наука, 1990. С. 5–65.
10. Воспоминания Е.В. Тарле о работе в западных архивах / публ. Б.С. Кагановича // Диалог со временем. Вып. 1. М., 1999. С. 335–356.
11. Павленко Н.И. Воспоминания историка. М.: Памятники исторической мысли, 2016. 160 с.

References

1. Schmidt SO. Archives and amateur historians // Literary texts in the culture of history cognition of Russia. In 2 vols. V. 2. From Karamzin to Okudzhava's Arbat mentality. Book 1. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ.; 2009. p. 87–93. (In Russ.)
2. Vorontsova EA., Garskova IM. Information support of the Russian historical science in an information society. The present state and the perspectives. *History Journal: Scientific Research*. 2013;5:487-505. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.5.9811 (In Russ.)
3. Vorontsova EA., Borodkin LI., Mironenko SV. The role of libraries in information support of historical science. *History Journal: Scientific Research*. 2013;6:572-577. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.6.11513 (In Russ.)
4. Vorontsova EA. Information support of historical science. On setting the issue V: 150 years of serving science and education. A collection of articles of the Jubilee international scientific conference, Moscow, December 5–6, 2013. Moscow: GPIB Publ.; 2014. p. 363-372. (In Russ.)
5. 150 years of serving science and education. A collection of articles of the Jubilee international scientific conference, Moscow, December 5–6, 2013. Moscow:

- GPIB Publ.; 2014. p. 363-372 (Chapter “The role of libraries in information support of historical science”). (In Russ.)
6. Vorontsova EA., auth.-comp.; Borodkin LI., Yanovsky AD., eds. The role of museums in information support of historical science. A collection of articles. Moscow: Eterna Publ.; 2015. 752 p. (In Russ.)
 7. Vorontsova EA., auth.-comp.; Tchubaryan AO., Firsov VR., eds. The role of libraries in information support of historical science. A collection of articles. Moscow: Eterna Publ.; 2016. 672 p. (In Russ.)
 8. Vorontsova EA., auth.-comp.; Zaitsev IV., ed. Transformation of museums–libraries–archives and information support of historical science in an information society. A collection of articles of the INION RAS scientific and practical seminar, February 21, 2017. Moscow: INION RAS Publ.; 2017. 320 p. (In Russ.)
 9. Druzhinin NM. Selected works. Moscow: Nauka Publ.; 1990. Memories and thoughts of a historian. p. 5-65. (In Russ.)
 10. Kaganovich BS., publ. E.V. Tarle's memories about the work in Western archives. V: A dialogue with the time. Ed. 1, Moscow, 1999. p. 335-356. (In Russ.)
 11. Pavlenko NI. Memories of a historian. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ.; 2016. 160 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Андрей С. Минаков, доктор исторических наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 119991, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1; minakovas@bk.ru

Information about the author

Andrei S. Minakov, Dr. in History, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; bld. 1/1, M. Pirogovskaya str., Moscow, Russia, 119991; minakovas@bk.ru

Оформление обложки *М.Е. Заболотникова*

Корректор *Ж.П. Григорьева*

Компьютерная верстка

Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 21.01.2019.

Формат 60×90¹/₁₆

Усл. печ. л. 9,6. Уч.-изд. л. 10,1.

Тираж 1050 экз. Заказ № 328

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8(499) 973-42-06